
Салма Кальк
Особенности обучения диких котов

Салма Кальк

Особенности обучения диких котов

Серия «Магический XXI век», книга 4

https://litres.ru/73189563
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы молоды, активны, амбициозны? Вам посчастливилось родиться магом? Для вас открывает двери Академия Паризии! Старейшее магическое учебное заведение к северу от Альпинских гор набирает студентов любой направленности. Приёмная комиссия работает в главном корпусе Академии по адресу: площадь кардинала Вьевилля, 23. Вступительные испытания по магическим дисциплинам с 1 июля. Общеобразовательные дисциплины учитываются согласно сертификату школы или колледжа.

Самое качественное магическое образование, самые лучшие базы практики, самые блестящие перспективы. Академия ждёт именно вас!

***

Пятеро талантливых молодых людей поступают на первый курс Магической Академии Паризии. Им предстоит преодолеть множество препятствий и совершить множество деяний на пути к

своей мечте, а некоторым ещё и понять, что это за мечта и зачем она им. Будет непросто, но очень весело.

Содержание

1. Минута славы 5
2. Академия – это связи 24
3. Первые шаги 36
4. Шаг в неизвестное 51
5. Руки-крюки 58
6. Легко ли быть командиром 67
7. Этот неприятный мир 79
8. Ветер и камень 91
9. Быть тем, кто ты есть 100
10. Академия – это сила 111
11. А дури у нас своей хватает 118
12. Не пей вина, Гертруда 127
13. У тебя есть ты 135
14. Благодарность 142
15. Тот, кто одарён 149
16. Наследственность некроманта 161
17. Плохих не бывает 176
18. Нелегко с девушками 185
19. Где берут деньги 194
20. Подарок с Рассветных островов 204
21. Магу нужно учиться быть магом 215
22. Будем знакомы 225
Конец ознакомительного фрагмента. 233

Салма Кальк
Особенности обучения диких котов

1. Минута славы

– Коллеги, я приветствую вас в новом учебном году, – начал ректор Академии, профессор Жак де ла Мотт.

Совещание с заместителями и прочими важными фигурами по вопросам начала нового учебного года прошло вчера, сегодня можно заняться, наконец, любимым делом – поговорить о насущном с деканами факультетов.

В ответ раздались нестройные приветствия. Строгая и подтянутая Марион де Саваж улыбнулась и кивнула, деканы стихийников отозвались в силу характера и темперамента, свойственного их стихиям, дорогая супруга Клодетт, декан целителей, усмехнулась и глянула хитро. Декан менталистов Роже де Рьен-Лоран кивнул, раскладывая вокруг себя многочисленные папки. Декан прикладников Арианна Гобер вежливо поздоровалась. Отсутствовал Жан-Александр де Саваж, декан некромантов и предшественник де ла Мотта на посту ректора, и профессор уже хотел спрашивать у госпожи Марион, где с утра носит чёрта старого, в смысле

– супруга уважаемой дамы, но тот появился из своих некромантских путей прямо посреди кабинета и шумно выдохнул.

– Я же вовремя, да?

Уважаемая дама спрятала смешок и кивнула на соседнее кресло. Профессор Саваж расположился, нашёл где-то во внутреннем кармане пиджака внушительного размера планшет и выложил перед собой.

– Итак, коллеги, завтра у нас вводные занятия на всех факультетах. Марта, что там с расписанием по аудиториям?

Марта Эбер, бессменный секретарь в течение последних пяти лет, доставшаяся де ла Мотту от Саважа, подала списки. Очень упорядоченная молодая дама, прямо благословение господне – что для него сейчас, что, как понимал де ла Мотт, для его предшественника.

– Пожалуйста, господин профессор.

Дальше проговорили – кто в какой лекционной аудитории. Стихийникам и прикладникам, как самым многочисленным, традиционно отдали самые большие, некромантов меньше всего, они поместятся в самой маленькой, остальные тоже распределились.

– Следующий вопрос – преподавание отдельных предметов. Что там у нас с новичками?

Новые преподаватели были почти у всех – лучшим выпускникам всегда предоставляли возможность испытать себя за кафедрой. Подготовленные маги, способные научить других – это очень важно. Поэтому пусть молодёжь пробу-

ет свои силы. И коллеги отчитались – у кого сколько, какой опыт, какие предметы.

– У нас не решилась проблема с преподавателем анатомии, – вздохнула Марта. – Господин Дюлак пока ещё не вышел из госпиталя, а из остальных преподавателей целительского факультета пока никто не согласился.

Н-да, анатомия. Общеобразовательная анатомия, ясное дело, которая обязательна для всех – в разном объёме, но раз мы тут о силах, живущих в нашем теле, то должны и об устройстве этого тела знать. Все – и прикладники, и боевики. Целителям-то анатомию преподают просто с утра и до вечера, у них совсем другая программа.

– У меня есть предложение, – профессор Саваж, который некромант, смотрел ласково и будто без задней мысли, но он вообще всегда так смотрел, и это не означало ровным счётом ничего.

– Излагайте, коллега.

– Студентка выпускного курса, получившая подготовку на медицинском факультете университета. Уверяю вас, отличную подготовку. И работавшая некоторое время по специальности, прежде чем поступить к нам.

Точно, у Саважа ж была такая особа удивительного свойства. С образованием, с профессией, с какой-то непростой ситуацией – а он взял её под крылышко и заботится. Можно было бы подумать всякое, но де ла Мотт знал супругу Саважа давно и хорошо, и детей их знал, и внуков, и вообще. Не

о чем там думать.

– Студентка? – нахмурился Роже де Рьен.

– Госпоже Кариньян почти тридцать лет, и у неё изрядный жизненный опыт. Она не испугается, – отмахнулся Саваж. – И ей по программе нужна в этом семестре педагогическая практика. Однако, одно важное обстоятельство сейчас ограничивает её возможности в плане специальных дисциплин – она не может передвигаться в тенях и делать кое-что ещё. Поэтому анатомия видится мне для неё идеальным вариантом. И для нас всех, к слову, тоже.

– Когда ей рожать? – нахмурилась Клодетт, глядя Саважу прямо в лоб.

– Ну что же вы, Клодетт, вот так прямо, – забавлялся Саваж.

– Да видела я её вчера, что уж там, – отмахнулась Клодетт. – Так когда?

– Вскоре после Рождества. Этот семестр точно доработает.

– И она справится? Как она вообще – в порядке? – для Клодетт на первом месте здоровье.

– Она железная, – сообщил Саваж. – Я б не справился со всем, с чем справляется она.

Марион Саваж снова тихонько усмехнулась.

– Если других соображений нет, то, Саваж, передайте госпоже Кариньян, что завтра ей нужно подойти в учебный отдел и решить вопрос с оформлением. А мы сейчас займёмся

самой приятной частью нашей сегодняшней работы…

– Будем есть праздничный торт? – поинтересовался Саваж.

– Сверим списки первокурсников, – де ла Мотт подавил острое желание скатать лежащий перед ним лист со списком в шарик и швырнуть им в Саважа.

Все, кроме помянутого Саважа, принялись либо перекладывать бумаги, либо листать страницы в телефоне или планшете. Де ла Мотт попробовал сурово глянуть на некроманта, но тот пожал плечами.

– У меня всего шестеро, по ним других вариантов нет. Я их всех и так помню. И у нас в этот раз есть одна девочка!

– Даже не местная, а из-за пролива, – вспомнил де ла Мотт. – Так, коллеги. Окончательные списки у всех есть. Письма первокурсникам разосланы. Просмотрите, пожалуйста, своих – не упустили ли мы кого. Вообще, конечно, у нас в этот раз прямо цветник. Старший в своём поколении настоящий Саваж, младший настоящий Роган, также представлены де Риньи, Дювали и некоторые другие…

– И де ла Мотты, – не спустил Роже де Рьен. – Настоящие. Парочка. У нас, вообще, как, здание-то устоит?

– Ну что вы, Роже, можно подумать, у нас не внуки, а дикари какие-то, – преувеличенно выразительно сказала Клодетт. – Пользуетесь тем, что ваши дети уже выучились, а внуки ещё малы? Так подрастут, и мы их тоже здесь увидим.

Да отличные внуки, что там, думал профессор де ла Мотт.

Очень хорошо сдали вступительные экзамены, и если по Филиппу разногласий не было, то о Клодетт ещё и поспорили – где ей лучше учиться, с её-то данными. Эх, Донна ещё не знает, какая, говоря студенческими словами, подстава её ждёт. Невестка у профессора была суровой и строгой, но раздолбаю-сыну с ней было хорошо. И внуки получились отличные. И целитель от бога, что уж говорить. Ничего, всё перемелется.

Ему уже хотелось, чтобы прямо сейчас наступило завтра, потому что день зачисления в Академию он любил больше всего на свете. Вспоминал своё зачисление и чувствовал себя счастливым. Потому что – всё было правильно.

И он очень надеялся, что у завтрашних первокурсников тоже всё будет правильно.

* * *

– Ну, Тей, ну, скажи. Ты же знаешь!

Жан-Филипп де Саваж, старший внук обоих профессоров Саважей, обхаживал тётушку. Теодора Монтенеро, урождённая Саваж, боевой маг и капитан Магического Легиона, тоже имела отношение к Академии – пробовала себя в качестве преподавателя. Более того, именно она будет вести практику по боевой магии у первокурсников, так сказала бабушка. А раз Марион де Саваж, декан боевого факультета и полковник Магического Легиона, сказала, значит, так и есть.

Только вот окончательных известий о том, на какой факультет зачислен означенный Жан-Филипп, в просторечии Жанно, никто не сообщал. Такова традиция – все всё узнают на торжественной церемонии, завтра. На предварительном собеседовании ему назвали три возможных варианта, как и всем остальным. Но ему, конечно же, хотелось на боевой факультет – чтобы как отец, как Тея, как бабушка, как другие знакомые достойные люди, в конце концов. Нет, стихийный или ментальный факультеты тоже имеют право на существование, но это совсем не то, о чём он мечтает. И о чём мечтают его друзья.

Тея наверняка знает, но молчит. Хитро улыбается.

– Ты же знаешь, что никто тебе ничего не скажет, такова традиция. Был бы ты некромантом, у тебя бы не было вариантов, – усмехнулась она.

– Ладно, про меня ты не скажешь, а про Флинна и Франсуа?

Друзья уверены, что он-то всё разузнал, просто молчит. Потому что не могут поверить, что бабушке без разницы, внук ты или нет, правила для всех.

– И про них не знаю, – рассмеялась Тея. – Только не вздумай ночь не спать, ясно тебе?

Ну вот ещё, ночь не спать. Немного-то нужно, а то стоять завтра и зевать, куда это годится? Но пока ещё можно связаться с Флинном и спросить – уже сейчас идём кататься или по темноте.

Родители подарили мотоцикл на окончание школы – ещё бы, первый ученик среди всей параллели, все дела, и Жанно был счастлив без памяти и подарком пока не насытился. Но был готов катать друзей – они пока ходили безлошадными, как посмеивался отец. И пока ещё нет никаких занятий, отчего бы не пойти и не погонять по вечернему городу?

* * *

Анна дёрнулась на стук в дверь – впрочем, она всегда теперь дёргается. Конечно, никто без её разрешения не войдёт, и вообще она всегда запирается заклинанием, но всё равно неприятно.

– Кто там? – спросила она.

– Анна, тебе нужна помощь в подготовке на завтра? – спросила госпожа Шеню.

– Нет, благодарю вас, – вот ещё, помощь.

Она сама всё давно приготовила. Блузка, юбка, сумка, украшения. Утром придёт госпожа Сандрин, мамин стилист, и вместе с Жозиной, маминой камеристкой, уложит Анне волосы. Жозина не захотела уехать с мамой, когда та отправлялась в Другой Свет, и отлично справляется с нуждами и вещами Анны. Анне проще – свой человек. Хоть отец и хотел уволить Жозину, а для Анны нанять кого-то другого, но Анна не позволила. Хоть она всегда была вежливой и почтительной дочерью, но тут поняла – если не отстаивать своё,

то его и не останется. Достаточно того, что отец расстался с мамой и завёл себе эту… госпожу Шеню. Анна не понимала, что в ней такого – она же обычная! Правда, маг. А мама не маг, вот совсем. Но красавица, а эта? Хорошо хоть, Анна уродилась в отцовскую родню, а то пришлось бы уехать вместе с мамой, зачем она была бы нужна отцу без магической силы? А так – наследница.

Хуже всего, однако, оказалось то, что у госпожи Шеню тоже был ребёнок от предыдущего брака. Сын Леон, ровесник Анны, тоже окончил школу в этом году. И он оказался не просто магом, но некромантом – как отец его отца. У некромантов даже с наследованием сил всё не как у людей! То через поколение, то через три. И, конечно же, отец настоял, чтобы этот Леон пошёл учиться не в колледж в своём Авиньоне, а в магическую Академию Паризии! Вот, наша Анна тоже поступила на первый курс. Анна, ты ведь расскажешь Леону, какие документы нужны и куда?

Анна тогда ответила, что представления не имеет, какие документы нужны на факультет некромантии – потому что куда ему ещё-то? Но отец только вздохнул и сам отвёз Леона в Академию – подать документы и договориться о вступительных испытаниях, все нормальные люди уже их сдали в тот момент и ждали письмо с известием о зачислении!

И теперь завтра отец повезёт в Академию их всех – и госпожу Шеню, и Леона, и Анну. Такова традиция – на зачисление первокурсники приходят с родителями, потому что

это праздник. Да какой тут праздник! Анна терпеть не могла большие сборища, но после отъезда мамы ей пришлось сопровождать отца на важные мероприятия. Отец, Филипп де Котель, много лет работал на своего сокурсника по Академии – его высочество Луи де Рогана, в мегакорпорации «Четыре стихии», и курировал всю водную магическую промышленность. И время от времени ему нужно было появляться в свете с дамой – сначала с мамой, а теперь с Анной. Правда, два последних раза он ходил с госпожой Шеню – вот и хорошо. Она, конечно, не умеет ни одеться, ни вести себя, откуда этому можно научиться, если живёшь одна, работаешь сама на себя и ещё сына содержишь? Госпожа Шеню работала финансистом в фирме, с которой отцу нужно было заключить договор, там они и встретились. Жозина говорила, что госпожа Шеню добрая и сердечная, и вообще хорошая женщина, и никакого зла Анне не сделала. Сделала или нет – какая разница? Ей не место в их с отцом доме. И её сыну-некроманту – тоже. И отец это рано или поздно поймёт.

Лучше бы пораньше, конечно.

* * *

Утром Клодетт просидела в своей комнате почти до последнего момента, надеясь, что мама устанет кричать на папу и Филиппа и ей уже не достанется. Папа стойкий, он умеет обратить всё в шутку. Филипп пофигист, его хоть как назо-

ви, он будет молчать. А у неё нет никакого терпения, она тоже, как мама, взрывается и начинает орать. Громко и многословно. А перед зачислением в Академию только дома разругаться не хватало!

Кажется, Филипп сменил уже две рубашки, пока маму устроили цвет, чистота и степень утюжки. И завязал волосы в хвост. Дай маме волю – она тот хвост вообще отрежет, но Филипп ей такой воли не даёт. А что, красивый хвост, длинный, не у всякой девчонки такой есть, в школе по Филиппу сохли все – от сопливых пятиклашек до молодой училки химии, к которой Филипп ходил решать какие-то конкурсные задачи. Клодетт тоже ходила, только не решать, а хвосты сдавать, у неё с химией было так себе. И сразу просекла, с чего госпожа Мю так на братика смотрит. А что – синие глаза, чёрные волосы ниже плеч, в последнем классе он ещё несколько серебристых прядей себе высветлил, учится круто, на гитаре играет – ну прям мечта, а не парень. И ещё целитель – как и положено, если мама целитель и папа целитель. А Клодетт целительской силы не досталось.

Она не рассчитывала сегодня на многое. У неё огонь и воздух примерно поровну, ментальная сила чуть слабее, а атака – ну, такое. На экзамене попросили показать, а она и не умеет, фиговину какую-то выплюнула, да и всё, правда, большую. В целительской семье и тренировать атаку – не смешите меня, пожалуйста. Мама в обморок упадёт, и даже папа её из того обморока не поднимет. Поэтому… Филипп будет на

целительском, а она – на стихийном. Только вот огонь или воздух?

Клодетт решила, что уже можно, и тихо спустилась по лестнице в столовую.

– Клодетт! Ты почему так вырядилась?

Эх. Не прокатило, думала Клодетт, поднимаясь обратно в свою комнату.

А вообще, конечно, мама, даром что великая Донна Брам, в замужестве де ла Мотт, и умеет чуть ли не в лёгкую запустить остановившееся сердце и всё такое, но притом слишком много времени уделяет тому, что подумают о ней другие. В первую очередь свекровь, графиня де ла Мотт и декан факультета целителей, их с Филиппом бабушка. Ну и ещё разные посторонние люди. А её дети всё равно что она сама. Так что…

Нет, правда, какая разница, что на ней надето? Она ж не голая в Академию собралась! Что значит – снять эту дурацкую юбку и куртку? Что значит – приличные люди так не одеваются? Что-о-о? Вот это платье? И чулки другие? И сумку взять вместо рюкзака? А что волосы, не надо трогать мои волосы, нормальные волосы! И так это вообще не Клодетт в зеркале, а дура какая-то в горошек! Ну, мама, погоди!

* * *

Профессор некромантии Жан-Александр де Саваж про-

тянул руку супруге, профессору боевой магии госпоже Марион, и оба они шагнули из холла особняка на улице Сент-Антуан на площадь перед входом в главное здание Академии. Все остальные давно уже отбыли обычным образом, на машине – и Жанно со всем семейством, где сегодня первым номером Жанно-самый-младший, уже почти первокурсник. И Тея с семейством – даже малыша Дамиана взяли с собой, пусть смотрит, что его ждёт, так сказала дочь. А им с Марион можно появиться перед самым началом, без них всё равно не начнут.

Ух, какая толпа-то сегодня, это после летнего-то затишья! Профессор здоровался с преподавателями и студентами, и Марион тоже здоровалась с преподавателями и студентами. С кем-то уже виделись после лета, с кем-то ещё нет. Старшие студенты стояли кучками, первокурсники – тоже кучками, только с родными. Саваж поискал своих – на месте. Жанно, Авриль, Тея, Риккардо, и все дети – от героя сегодняшнего дня Жанно до самого младшего Дамиана, который скакал по газону вместе с двумя волшебными ящерицами – все трое то исчезают в тенях, то появляются обратно.

Неподалёку каменной глыбой возвышался – кто бы мог подумать – Луи де Роган. Точно, у него же младший сын поступил, вот он и явился. При нём были старшие дети – дочка и сын, оба выпускники-стихийники, вода и земля. Ещё есть огонь, девица-почти-выпускница, последний курс, тоже где-то тут, наверное. О, вон же она – ещё с парой девиц на-

страивают гитары. Наверное, будут играть гимн Академии? А младший сынок стоял рядом с таким печальным видом, что Саваж ему посочувствовал. Явно хочет сбежать, но отчего-то не может.

Встретились и де Риньи, и младшие, то есть, тьфу, уже средние де ла Мотты, и ещё кое-кто. Ох, ну и внуки у Жака с Клодетт, загляденье просто! Мальчик поражал длинными, холёными, уложенными в идеальный хвост волосами, а девочка… три её косички были цвета платья, такие же синие, только не в горошек. И выбритые виски – тоже такого же синего цвета. Бедняге Донне прямо дурно делалось, когда ей на глаза попадался затылок дочери. Саваж от всей души посочувствовал девочке, потом подумал – это кому ещё нужно сочувствовать, он-то знает всё, что сегодня будет оглашено, а бедняга Донна – нет.

Посреди дорожки – журналисты, Саваж не разобрал, с какого канала. Ну да ладно, пресса – это хорошо. И тут как тут Рене Кариньян – модельная внешность, два ведра харизмы и улыбка сверху, ходячая реклама факультета некромантии. В прошлом сочетал карьеру модели с карьерой советника и телохранителя криминального авторитета, теперь вот завершает образование. Его супруга Жийона представляла собой другую типичную разновидность некроманта – суровую ледяную глыбу, умеющую справиться с задачей любой сложности. Это ей вчера сосватали анатомию для первокурсников, и она уже успела оформить все надлежащие бумаги, чтобы

прямо завтра приступить.

Огромные двери распахнулись, и из прохладного полумрака зазвучала тихая старинная музыка – говорят, её исполняли едва ли не на открытии Академии в самом конце шестнадцатого века, когда там кардинал Вьевилль её придумал. Де ла Мотт уже был на месте, стоял под красиво украшенной магическими огнями аркой – там место сбора преподавателей. Сейчас он поприветствует всех, и начнётся.

Студенты традиционно расположились полукругом по факультетам – от боевого до прикладного. Справа от ректора – боевой, затем все стихийники, их толпа. А с другой стороны – менталисты, целители, родные некроманты и прикладники – тех тоже толпа. В середине стояли первокурсники с родными. Саваж глянул – Теодоре удалось утихомирить Дамиана, он смирно сидел на плечах у своего отца и с восторгом озирал толпу сверху.

– Здравствуйте, уважаемые дамы и господа, самые компетентные в мире преподаватели и лучшие студенты! – начал де ла Мотт. – У нас сегодня торжество – мы принимаем в наше магическое сообщество первокурсников! Эти замечательные молодые люди успешно прошли все вступительные испытания и теперь готовы влиться в ряды наших факультетов!

Рёв, россыпь искр, магические хлопушки.

– И по традиции мы начинаем с факультета боевой магии! Я приглашаю сюда профессора Марион де Саваж!

Ох, как завопили, захлопали и затопали, и не только студенты – тут и среди родственников студентов немало выпускников Марион! Саважу всегда очень грело душу внимание к его прекрасной, отважной и вообще бесподобной супруге.

Невысокая, с виду хрупкая, в зелёном костюме, напоминающем цветом полевую форму Легиона, Марион вышла и дождалась, пока установится тишина.

– Приветствую всех, – коротко кивнула она. – И с радостью пользуюсь данным мне правом назвать новых студентов моего факультета. Встречаем! Жан-Филипп де Саваж!

Ох, как приятно было это слышать! Хоть профессор и знал всё наперёд, но ему было необыкновенно радостно видеть старшего внука, изумлённого, обрадованного и совершенно счастливого – пока он под вопли и аплодисменты шёл к Марион, получал из её рук студенческий значок на пиджак и студенческую карточку и двигался к тому месту, где толпились студенты-боевики. Профессор был рад, горд и счастлив, а кто скажет, что назвали первым, потому что родня – тот дурак и не знает Марион, у неё такого не бывает, со своих она требует ещё посильнее, чем со всяких прочих.

Дальше Марион называла других парней – двоих друзей Жанно, и ещё кого-то, а под занавес усмехнулась и произнесла:

– И особенно приятно мне назвать ещё одно имя. На вступительных испытаниях этот человек показал упорство и же-

лание идти к намеченной цели, а сил и возможностей у человека достаточно. Клодетт де ла Мотт!

Тишина, невероятная тишина. Ну да, девочки среди боевиков редки, если они, конечно, не из семьи Саваж, усмехнулся он про себя. А потом – невероятный счастливый визг.

Синеволосая девочка в синем же платьице в горошек, сжимающая в руках аккуратную сумочку, радостно подпрыгнула, бросила сумку в воздух, поймала и со всех ног бросилась к Марион. Хохот и аплодисменты – невозможно не порадоваться такому счастью. А пока девочка, вся раскрасневшаяся и довольная, шла к парням-боевикам, Саваж поймал взгляд, которым обменялись его супруга и дочь. Тея показала Марион большой палец, Марион улыбнулась – шагнула назад и встала рядом с ним. И взяла его за руку. Он погладил ладонь дорогой супруги – да, сегодня у них очень счастливый день. Следующий наступит, когда Мари-Изабель станет первокурсницей, ещё через три года. Потом выпуск Жанно. Потом пойдёт поступать Оливье. Вообще, нужно дожить до выпуска Дамиана. А ещё лучше – до выпуска первенца Кариньянов, того самого, который родится после Рождества.

А дальше по очереди вызывали стихийников, кто там был из огненных, Саваж пропустил, а лучшим из воздушников по результатам экзаменов оказался Жиль де Роган. Его бурно приветствовали – и его факультет, и девушки с гитарами – компания его сестрицы. Лучшей из водников оказалась девочка – дочь кого-то из «Четырёх стихий», магической мега-

корпорации, принадлежащей отцу Жиля. А среди земляных отличилась девочка из Арагонии, смуглая и спортивная.

Первой среди целителей стала Тина Кавалли – очаровательная скромная девчушка, дочка Тейкиной подруги ещё со школьных времён. И чуть-чуть от неё отстал по баллам Филипп де ла Мотт – брат синевласой воительницы. Старшая Клодетт светилась от счастья не хуже Марион, когда прикалывала внуку значок.

А потом неожиданно настала его очередь и минута славы для его собственных студентов. Их немного, но зато какие!

Когда он вышел, вопили и хлопали ничуть не хуже, чем для Марион – ну да ещё есть такие, кто помнит, что он был в этих стенах ректором. Ничего, Жак справляется отлично, может быть, ещё и получше. А пока…

– Господин Леон Шеню, – необыкновенно одарённый мальчик приехал из провинции, и как же хорошо, что приехал!

– Госпожа Грейс Торнхилл, – а девочка – вообще из-за пролива, с островов, хоть у них там тоже неплохо учат некромантов.

– Господин Пьер Анатоль де Риньи, – и у некромантов есть свои великие семьи.

– Господин Поль Ансельм де Риньи, – брат-близнец первого, господи, как их различать, у них же и сила почти одинаковая!

Двое последних студентов получили свои значки, и Саваж

отступил к супруге – в свою очередь. Уф, ура. Дальше прикладники, а потом отдуваться де ла Мотту – он читает всем первокурсникам вводную лекцию об Академии и всяких общих вопросах. А все остальные деканы тем временем разбирают своих по аудиториям и говорят о планах на учебный год – какие предметы, какие преподаватели и какие новшества.

О нет, сначала девчонки-старшекурсницы подключат свои инструменты и сыграют гимн Академии. По преданию, текст сочинили кардинал Вьевилль и двое Саважей – первый герцог Жан-Филипп и его супруга Анжелика. Точнее, Саважи придумали, а кардинал причесал – чтоб можно было громко петь не только на пирушках, а ещё и в торжественных случаях вроде сегодняшнего.

И раз традиция гласит, что нужно петь, будем петь. А потом пойдём работать.

2. Академия – это связи

Жанно Саваж ещё не успел поверить, что он не просто поступил куда нужно, но ещё и оказался лучшим по результатам экзаменов. И вот он стоял среди одобрительно поглядывающих старшекурсников, у него только что дым из ушей не шёл, как сказал бы отец, усмехаясь, а следом за ним свои значки получали друзья – Флинн и Франсуа.

– Значит, сын командующего Легионом и внук госпожи декана, – усмехнулся кто-то. – Ну да, в такой семье попробуй не быть лучшим, наверное, и дышать-то не дадут.

Почему не дадут? Дадут.

– Ты всё знал и молчал, да? – рыжий здоровенный Флинн навис скалой. – Мог бы хоть намекнуть!

– Ничего я не знал, – только и смог выдохнуть Жанно.

– Э, ребята, вы пока ещё не знаете госпожу декана, – усмехнулся ещё кто-то из старших. – У неё нереально что-то узнать, если она этого не хочет. И поблажек она не даёт, говорит, в бою их тоже не будет.

Да, об этом Жанно слышал всю жизнь. Что в серьёзной ситуации поблажек не будет.

– Наверное, ты был лучшим в школе? – спросил у Жанно ещё один парень, высокий и темноволосый.

– Ну, был, – вообще это не было сложно.

– И в какой-нибудь тренировочный лагерь Легиона тебя,

наверное, брали, – продолжал парень.

– Один раз, – нынешним летом, когда сдал все экзамены – и выпускные, и вступительные.

– И боёвку тренировать было с кем, – не сдавался любопытный.

– Да, дома, – тут Жанно понимал, что ему очень повезло – обычно атакующую силу не тренировали до Академии вовсе, только огненно-стихийную.

У него же дома в последние два года с небольшим была Тея – как только родила Дамиана и ей стало можно, то и сама тренировалась, а до того только командовала, иногда заглядывал её муж Рик, иногда студенты деда, некроманты, а если отец бывал дома – то тоже участвовал. Ну и Франсуа с Флинном перепадало, ясное дело.

– То есть ничего удивительного, – пожал плечами парень, который выспрашивал. – Я Давид, – он протянул руку, и Жанно пожал.

– Вы гляньте только, – сказал кто-то ещё придушенным голосом. – Это вот… к нам?

Жанно глянул – бабушка надевала значок подбежавшей девчонке. Да какой – маленькой, худенькой, но фигуристой, с ярко-синими хвостиками и выбритыми висками, в платьице, на каблуках и с изящной сумочкой.

– Охренеть, – качал головой парень с другой стороны. – И что она у нас делать будет?

– То же, что и ты, надо полагать, – парня отодвинула сто-

явшая сзади девушка – высокая, подтянутая, коротко стриженная. – Привет, я Барбара, – кивнула она подошедшей синевласке. – Не слушай этих ослов, они тут сейчас начнут выпендриваться, что крутые, но это не вполне так. Крутые, конечно, если с кем другим сравнить, но если придержат языки, будут ещё круче.

– Я Клодетт, – пискнула девчонка.

Оглядела их всех тёмными глазищами и очевидно застеснялась и платья, и каблуков, и что там у неё ещё было.

– А потрогать можно? – белобрысый парень коснулся кончиком пальца бритого виска девчонки – синего и с пятнышками, как на леопардовой шкуре, и тут же по этому пальцу получил.

– Не можно, – она глянула исподлобья и сурово. – И вообще!..

Очевидно, ей было не привыкать защищаться, не спасует и тут. Хотя Жанно подумал, что тоже не прочь потрогать, только торопиться не следует. Вдруг удастся так, чтоб не получить в ответ?

Тем временем другие деканы раздавали значки своим студентам, потом девушки-старшекурсницы играли гимн Академии, и все его пели, и это было очень круто.

Когда первому курсу сказали пройти в аудиторию на лекцию к профессору де ла Мотту, Жанно обернулся и поймал взгляд отца – пока они все ещё не ушли, отец, мама, младшие и Тея с семьёй. Отец подмигнул и показал большой палец.

А потом Жанно пошёл за всеми в аудиторию и внезапно встретился взглядом с идущей мимо девушкой. Очень красивой, если честно, девушкой. Темноволосой, темноглазой, яркой. Девушка смотрела чуть насмешливо, но смотрела же!

– Лина, пойдём! Это же первокурсники, зачем они тебе сдались? – подруга, смуглая и тоже яркая, потянула красавицу за руку.

Первокурсники – не люди? Так и хотелось спросить у этой зазнайки.

– Не стоит заворачивать голову на Урсулину Дюваль, – сказал кто-то из старших, кажется, его зовут Ксавье. – Ну её в болото.

Гм, родственница министра внутренних дел?

– А что с ней не так?

– Поверь, с менталистами всё не так, – засмеялся парень. – То и дело лезут тебе в башку без спросу! Особенно менталисты-магистранты. Ещё не профи, уже не студенты, а туда же! Лучше уж бытовички, – и улыбнулся проходящей мимо девушке, в волосах которой были представлены все цвета радуги. – Милые, добрые и полезные в хозяйстве.

– Не трогай прикладников, от них немалая польза. Скажем, ты знаешь, кто придумал огнеупорную форму Легиона? А вот, – сообщил Жанно.

– А откуда ты знаешь? – не поверил парень.

– Так вышло, – пожал Жанно плечами.

Ещё бы ему не знать, это ж мама, великолепная госпожа

Авриль де Саваж! Они с отцом так и познакомились – ему дали задание найти мастера, который решил бы задачу, а она экспериментировала с тканями, имеющими заданные свойства. Вот и договорились, ко всеобщей пользе.

Ксавье глянул с недоверием, но и с уважением. Наверное, думал, что с такой роднёй и не такое будешь знать. А что, это правда. Но теперь ему нужно идти дальше самому, чтобы все видели – дело не в родне.

А это значит – вперёд и только вперёд. Ещё один Саваж начинает свой путь наверх.

* * *

Анна вошла в аудиторию последней, потому что не хотела толкаться с остальными в узких дверях. И закономерно свободных столов не осталось. Но даже и просто свободных мест почти не было! В одиночку сидел Леон Шеню, кто бы сомневался, кому он вообще нужен. Ещё один высокий рыжий парень с боевого, кажется, факультета, его назвали одним из первых, развалился за столом, как король. Как назло, он заметил её, и сделал приглашающий жест, и закивал на соседний стул, и улыбнулся, и тряхнул волосами, и даже подобрал ногу из прохода. Ну вот ещё, сидеть рядом с таким! Оставалось место рядом с улыбающейся девушкой в блузке почти такого же цвета, как у Анны, и с большим розовым рюкзаком.

– Можно? – спросила Анна.

– Конечно, садись скорее, начинается, – прошептала та.

Ректор профессор де ла Мотт поднялся за кафедру и начал рассказывать об общих вещах – о расписании и как с ним работать, об общих предметах для всего потока и специальных – для каждого направления подготовки, но таких курсов в первый год предполагалось не очень много, только занятия по собственно магической специальности, но они есть в расписании каждый день. О библиотеке и о том, что там вообще есть, и обещал, что у них там пройдёт специальное вводное занятие, потому что пользоваться библиотекой придётся часто и много. Об индивидуальных профилях в академической сети – для чего это нужно, как работает, и когда активировать. Оказывается, завтра первой парой – специальность с кураторами, у всех, вот там и нужно будет заняться. О первой сессии зимой, и о том, что по итогам можно получить стипендию – за прилежание и отличные отметки по всем предметам. Анна подумала, что, пожалуй, хотела бы стипендию. О нет, отец не ограничивал её в тратах, но это ведь будут её совсем собственные деньги, и зависеть они будут только от неё? Это правильно и нужно.

Ещё правильно и нужно – научная работа. Профессор сказал – чем раньше начнёте, тем вам же и лучше. Осматривайтесь, осваивайтесь и приходите к вашим кураторам обсуждать то, что вам интересно. Большая студенческая конференция – в марте, уже можно будет успеть подготовить выступ-

ление.

Дальше профессор говорил об академических традициях. Оказывается, вскоре будет посвящение первокурсников – его традиционно готовят выпускники. На День всех святых – осенний бал, и в этом году его проведёт факультет некромантии. Рождественский бал готовит факультет прикладной магии, а пасхальный – все четыре факультета стихийников. И вообще, есть множество возможностей для тех, кто желает развивать себя во всех направлениях – спорт, танцы, музыка, молодёжные объединения всех чего-то стоящих политических партий, студенческий совет всех вузов столицы и что-то там ещё, Анна уже не следила – ей это было неинтересно. Кажется, соседке тоже, она достала телефон и потихоньку что-то в нём смотрела.

Вроде бы она поступила на целительский, значит, будет появляться на лекциях по общим предметам. Наверное, нужно заводить какие-то контакты? Отец много говорил о важности академических контактов. А эта девушка показалась Анне дружелюбной. Нужно же с кого-то начинать?

И когда профессор сказал, что на сегодня все свободны, Анна переборола желание быстро бежать домой и спросила:

– Как тебя зовут? Ты же на целительском?

– Марианна, Марианна Эбер. Да, я на целительском, но специализироваться буду по ветеринарии. А ты лучшая водница, я помню.

– Да, верно, – Анне было до сих пор странно, что она ока-

залась лучшей.

Потому что всегда лучшим был кто-то другой.

– А пошли в кафе? Или ты торопишься? – вдруг спросила Марианна.

– Наверное, не тороплюсь, – решительно сказала Анна.

В кафе она ходила только с родителями – когда у неё ещё были оба родителя. Конечно, чаще с мамой, но иногда – всей семьёй. Анна ничего не знала, куда ходят ровесники – одноклассники или вот теперь однокурсники.

– Отлично, я знаю тут поблизости тихое место, где делают чудесные ягодные коктейли с мороженым! Только сначала один момент.

Марианна легко подхватила свой немалый рюкзак и достала из него… плюшевую игрушку. Большого белого… кого? Осьминога? Усадила его на стол, за которым сидела, и сделала несколько фотографий.

– Для чего ты это делаешь? – не удержалась от вопроса Анна.

– У меня проект в соцсетях, каждый вечер я делаю пост, где была и что делала, и Отто мне в этом помогает. Просто так неинтересно, а такой персонаж отлично повышает просмотры. Ещё у меня есть посты с нашим котом Паскалем, но это для дома, я ж не буду ходить с ним по улицам? – смеялась Марианна. – А про нашего пса пишет брат Патрик.

– И… что получается?

– У меня много подписчиков, они активно комментиру-

ют и ждут каждый пост, и это здорово! Я уже обещала, что сегодня будет репортаж о зачислении в Академию, и, честно сказать, неплохо пофотала в процессе! А брат заснял, как профессор де ла Мотт вручала мне значок и студенческий. Дома я всё это обработаю и выложу.

Анне стало интересно.

– Давай, я подпишусь, говори, как ты там называешься.

– Аккаунт называется «Марианна и другие», потому что слишком их всех много – и Отто, и Паскаль, и ещё кое-кто.

Пока Марианна убирала своего осьминога, Анна нашла её страницу и подписалась. О нет, у неё, конечно же, тоже были страницы везде, где только можно – потому что все так делают. Только она никогда не знала, что на тех страницах писать. Подписалась на Марианну, отложила – потом дома почитает.

Марианна тем временем закинула на плечо рюкзак и двинулась к выходу, и Анна пошла следом. Подумала – не совершает ли она ошибку? Увидела зазевавшегося Леона и поторопилась исчезнуть из его поля зрения. Потому что, если честно, что ждёт её дома? Пустота. Несмотря на прислугу, этого вот… Леона и его мать. Отец уехал на работу, будет только вечером. А к вечеру она вернётся домой.

Значит, пусть будут контакты. А дальше – посмотрим.

– Тебе понравился профессор? Марта говорит, что он душка, но за порядок в документах душу вынет, – не умолкала Марианна по дороге.

– Кто это – Марта?

– Это моя сестра, она уже пять лет работает секретарём ректора. Как окончила Академию, так и пошла. Сначала работала у профессора Саважа, который некромант. А потом вместо него ректором стал профессор де ла Мотт, и она теперь работает с ним.

– Постой, у тебя же брат, ты говорила?

– И брат тоже, нас вообще четверо, – засмеялась Марианна. – Самая старшая – Магда, ей уже за тридцать, она менталист и финансист, кроме Академии, ещё окончила Высшую школу экономики. Она работает в «Волшебном доме», слышала про таких?

– Кажется, нет, – Анна слышала только про «Четыре стихии», и вообще, отец дома мало говорит о работе.

– Они строят дома с магической начинкой, и Магда там главная по финансам. Следующая Марта – про неё я уже рассказала. Затем Патрик – он в прошлом году поступил в магистратуру, он тоже менталист. Они все менталисты, одна я на целительском, – Марианна снова смеялась. – А у тебя есть братья и сёстры?

– Нет, я одна. То есть… Мои родители расстались, и отец летом женился снова. Его новая жена тоже менталист и финансист. И у неё есть сын, но он… в общем, он некромант. Леон Шеню.

– А, тот парень, который лучший среди некромантов? Здорово! – почему-то сказала Марианна. – Некроманты кру-

тые.

– Чем они крутые? – не поняла Анна.

– Ну, они ж столько всего могут! Как мы все, только ещё плюс собственное. Когда Марта работала с профессором Саважем, она много про него рассказывала – как он ходит на работу своими некромантскими тенями! Один шаг – и ты на месте. Страшно, наверное, но зато быстро. А потом у него родился внук-некромант, и он решил больше времени проводить с семьёй. Это же, ну, как-то там сложно – если ты, скажем, стихийник, а родился у тебя некромант, и вот он с рождения в эти свои тени проваливается, и где его там искать? Поседеть можно!

– Но у него, наверное, и дети – некроманты?

– Не-а, – замотала головой Марианна. – Боевые маги, оба. Да они сегодня были на зачислении – его старший внук первый на боевом. И там вся семья была – и командующий Магическим Легионом, и другие – они преподают на боевом, его дочка и дочкин муж. Дочка – боевую магию, а её муж – какие-то там мудрёные штуки типа стратегии и тактики, он тоже профессиональный военный.

– Ты откуда всё это знаешь?

По виду Марианны никак нельзя было предположить, что ей можно работать гидом по Академии и академическим семьям.

– Так Марта же. И вообще, когда у тебя трое старших окончили Академию, ты просто сама по себе уже всё знаешь.

– А что делают ваши родители? – Анна не заметила, был ли с Марианной кто-то из старших.

– Приносят пользу мировому сообществу. Занимаются магическим образованием в бедных странах, ну, где нет нормальной Академии, а маги есть. И домой приезжают очень редко!

Ничего себе, как люди живут-то, думала Анна. Но кажется, этот контакт будет очень даже полезным, нужно держаться.

3. Первые шаги

На первое занятие с госпожой профессором Саваж Клодетт шла со страхом и трепетом.

Вчера, конечно же, мама высказала ей, что боевой факультет – это никуда не годится. Во-первых, она девочка, во-вторых, что это вообще даст ей в жизни? Не лучше ли перевестись на стихийный, пока не поздно, и получать нормальную профессию? Потому что кем она потом будет работать, она подумала?

Нет, Клодетт не подумала. Просто она слышала с детства, что если сила есть, то её нужно развивать. И раз у неё есть эта сила, то и её тоже нужно развивать. А кем работать – ну, пока ей нечего предложить людям, а кто знает, что будет, когда она выпустится?

Маме пришлось ответить грубо – что так-то у Клодетт праздник, она прошла нефиговый конкурс и оказалась одной из лучших, и не нужно ей всё портить. И вообще, у них в семье бывали отличные боевые маги, не только целители. И что теперь, раз она не целитель – удавиться и не жить? Один целитель на поколение – и достаточно. А она… сама справится и сама разберётся, куда ей деваться, вот. Где учиться и что делать.

В общем, они поссорились. Клодетт заперлась у себя и не выходила до поздней ночи, и даже Филипп до неё не досту-

чался. А ночью встретилась на кухне с папой – он тоже прятался от маминого гнева и пришёл поесть. Вместе с ним и ещё с Филиппом они соорудили отличный омлет, съели его и запили вином из дедушкиной коллекции. Папа их обоих вполне одобрил, поздравил и пожелал удачи. И терпения, и сил. Потому что, он сказал, понадобится.

И утром Клодетт вместе с Филиппом приехала в Академию, бросила ему на бегу «пока» и пошла искать нужную аудиторию. Что характерно, нашла, и в ней уже расположились парни. Н-да, она никогда не была единственной девчонкой среди парней. Может, с того будут какие-нибудь бонусы?

Ага, три раза бонусы, пока – одни проблемы.

– Привет, малявка! – завопил рыжий верзила и попытался её обнять.

Получил по носу – точно и болезненно. Просто рукой, просто нужно знать, куда ткнуть. Клодетт знала – всё же и от целительской семьи бывают плюсы.

А потом эти добрые люди единогласно выселили её за самый первый стол.

Вообще, столов в аудитории стоял десяток, и расселись по одному, почти все, кроме двоих за столом у самой стенки. И ей оставили тот, что стоял в самом центре, прямо перед преподавательским местом. Правда, сбоку у окна за таким же первым столом разместился внук госпожи декана – Жан-Филипп, кажется. Она услышала – друзья называли его Жанно. Ещё вот этот рыжий дикарь – Флинн. И остальных нужно

выучить, чтоб не говорить – эй, ты, как там тебя.

Пока Клодетт потихоньку оглядывала одногруппников, появилась госпожа декан. Бодрая, энергичная, деятельная. Седая, коротко стриженная, в зелёном костюме – и не в том, что вчера, в другом.

– Добрый день, господа первокурсники, – кивнула она.

Парни повскакивали, приветствуя, она кивнула.

– Прошу садиться. Итак, сегодня у нас с вами общие вопросы, которые необходимо решить, прежде чем мы приступим к собственно предмету. И начну я с такого момента: прошу вас всех хорошо подумать, туда ли вы поступили. Я имею в виду – на тот ли факультет, который вам на самом деле нужен. Мы не зря даём возможность подумать и в течение первой недели перевестись. Вам всем будут рады на стихийном огненном факультете.

О как! Ну чисто мама, чуть ли не те же самые слова! А госпожа декан продолжила:

– Многие – и маги, и нет – считают наш факультет пережитком прошлого. Каждый год неизменно возникают дискуссии, нужны ли нашему обществу боевые маги, или же мы давно уже научились обходиться без них. Правда, – тут она усмехнулась, – задачи, решение которых проще всего даётся боевым магам, почему-то то и дело возникают. Задачи, которые не может решить больше никто. Но это, как правило, задачи тяжёлые и связанные с риском для жизни.

Профессор обвела каждого из них внимательным взгля-

дом.

– Более того, боевая магия и служба – она, скорее всего, не на всю жизнь. Настанет момент, когда вам придётся задуматься – а что ещё вы можете делать, как ещё вы можете использовать свой дар и свою силу. Вас может ждать ранение, с последствиями которого не справятся целители, утрата силы, мощи, трудоспособности. Нужно будет понимать, кто вы есть и зачем было всё то, что было. Это может оказаться мучительно неприятно. И я пойму, если кто-то сейчас передумает, в этом нет ничего страшного или стыдного. Развивать свой дар можно по-всякому. Но, – тут она снова внимательно посмотрела на каждого, – я буду рада всем, кто решит остаться.

Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то снаружи, в парке, болтают об осенней обрезке кустов садовники. Клодетт оглянулась украдкой – все смотрели на профессора, не сводя глаз.

– Далее пойдём к нашим насущным вещам. У вас будет очень много занятий и много самостоятельной подготовки. Больше вас достанется только целителям… но это не точно, – усмехнулась профессор.

Ну, они с Филиппом встряли оба, подумала Клодетт.

– Всем, кто решит остаться, понадобится сильное и здоровое тело, умеющее терпеть боль и переносить нагрузки. Боевой маг не должен допустить, чтобы у него сбилось дыхание, закололо в боку, заболели мышцы от долгого бега и что там

может быть ещё. Физподготовка в расписании каждый день, и если кто вздумает прогуливать – пойдёт на стихийный факультет быстро и безболезненно. Если вы раньше полагали, что обойдётесь – вам придётся пересмотреть свои приоритеты. Если хотите остаться, разумеется. Далее, завтра утром все вы идёте в госпиталь – на медосмотр. Конечно, все приносили справки о здоровье, но этого может оказаться недостаточно. Невыявленные заболевания в нашем случае могут оказаться смертельно опасными. Поэтому – диагностика со всех сторон, и далее раз в полгода, привыкайте. Кстати, академическое приложение все себе поставили? Кто поставил, открываем, кто ещё не успел – ставим сейчас.

Клодетт поставила ещё вчера, только услышала, что такое есть. И даже попыталась найти там в числе студентов свой профиль, но не преуспела.

Что ж, оказалось – поставили все. Профессор рассказала, как войти в свой профиль, что заполнить там сегодня вечером дома, и потом велела открыть расписание.

– Смотрим. Завтра госпиталь, у всех ведь отмечено, так? Это на весь день. Дальше уже нормальные занятия. Из специальных предметов у вас в нынешнем семестре только теория и практика боевой магии. Теорию вам буду читать я, практику будет вести капитан Монтенеро. Да, капитан Легиона, всё верно, господин О'Флай. Не он, она. Теодора Монтенеро, – позволила себе усмешку профессор. – Она же будет вашим куратором, все вопросы вашей академической жизни –

к ней. Она подойдёт в конце занятия.

Ух ты, это ж дочка профессора, дошло до Клодетт, её мама с бабушкой обсуждали, что она не очень давно вышла замуж, рожала и не могла сразу вернуться к службе. А теперь, значит, преподаёт. И тоже здесь училась, и смогла. Значит, и Клодетт сможет.

Профессор говорила о расписании дальше – общая история применительно к истории магии, общая теория магии, там лекции и экзамен в весеннюю сессию, магия в мире и магическая этика, физкультура, которую нельзя пропускать, рукопашный бой – о, круто, анатомия – на кой чёрт им анатомия, они ж не целители?

О, не только её заинтересовал этот вопрос. Черноволосый кудрявый парень смотрит на профессора, как баран на новые ворота.

– Для чего анатомия, господин Ришар? Чтобы знать, куда бить и что от этого будет. И с противником, и с вами. А то захотите обездвижить, не рассчитаете силу и получите хладное тело вместо задержанного. Или решите с чего-нибудь, что вы у нас прочный и бессмертный, и получите на орехи, и кто потом вас собирать будет? А о необходимой технике безопасности поговорим сегодня на введении в боевую магию. Кстати, об анатомии. Она у вас стоит экзаменом в зимнюю сессию, а кроме того – магическая этика и специальность. Анатомию и этику будете сдавать устно, а по специальности будет комплексный экзамен – теория и практика. А сейчас

смотрим литературу.

Дальше они открывали в приложении список необходимых учебников и дополнительной литературы, и отмечали, что занятие в библиотеке – сегодня, четвёртой парой.

Когда в аудиторию тихо, как кошка, вошла капитан Монтенеро – в форме Легиона, между прочим – все сосредоточенно искали в списке книг те, что понадобятся на теорию боевой магии, и отмечали как первоочередные, чтобы запросить потом в библиотеке.

– Добрый день, господа. И дамы, – улыбнулась она Клодетт.

Клодетт улыбнулась ей в ответ.

– Нам нужен староста группы, – сказала капитан Монтенеро.

Как-то так вышло, что все сошлись на кандидатуре Саважа. Его тётка и бабушка только посмеялись.

А потом оказалось, что пара закончилась и им уже нужно идти в другое крыло на лекцию об общей теории магии, которую должен был читать дедушка – профессор де ла Мотт.

Всё, о чём они тут говорили, звучало страшновато… но вместе с тем очень, очень притягательно. И Клодетт очень хотела верить, что учёба окажется ей по силам.

* * *

Лучший среди некромантов первого курса Леон Шеню

лучшим быть не привык. Он и в Академию попадать не рассчитывал, думал, что магический колледж в Авиньоне – его предел, а что дальше – ну, в колледже, наверное, расскажут, что дальше. Где-то же работают такие, как он. Наверное.

Леон не мог сказать точно потому, что других некромантов видел только в новостях. В школе маги встречались, но – один-два на класс. С ним учились два парня-стихийника, они были наглые мажоры и Леона ни во что не ставили, потому что некромант – это не настоящий маг, так они говорили. А настоящий – если стихийник или хотя бы целитель, а это что?

Впрочем, «это» тоже умело кое-что, просто громко кричать не хотелось. А умело потому, что – мама. Мама читала какие-то книги по магическому образованию, и ещё в последние пару лет была подписана на какой-то специальный канал – на тему «как жить, если ваш ребёнок некромант, а вы нет». Вообще, это, конечно, проблема, потому что некромант и любой другой маг стыкуются как-то очень слабо. Он даже иногда подумывал – ну зачем вообще мама связалась с отцом, отец которого, дед Леона, был некромантом? Этого деда к моменту рождения Леона уже не было в живых, отец существовал где-то параллельно на вольных хлебах, и когда узнал, что у него родился сын с такой наследственностью, разве что передал амулет, который всю жизнь носил дед – со словами «носить не снимая, иначе беда». Леон, если уж совсем честно, пробовал выяснить – что за беда, и иногда

украдкой снимал. Что ж, тем, кто оказывался рядом, становилось страшно. Этот момент можно было использовать – просто не слишком часто, а лишь когда становилось совсем туго. Он и использовал, только помалкивал.

Но мама – она пробивная, она искала, у кого узнать-спросить, и возила Леона в Массилию на консультацию – к крутому магу-некроманту, Леон только-только в школу тогда пошёл. И тот некромант, а был он уже старый, долго с Леоном разговаривал – что тот видит, что слышит, как силу зовёт и что с ней делает. Тогда Леон многое про себя понял и фактически на том багаже до выпуска из школы и дожил. И ещё смотрел тот канал, что мама нашла – там парень-некромант рассказывал про силу и предлагал разные упражнения – что с той силой можно делать. Причём попасть на записи упражнений можно было, только если ты сам маг-некромант – такая там стояла защита. И правильно, остальным нечего.

А потом к маме в фирму приехал господин де Котель, у них случились отношения, и он предложил маме выйти за него замуж. Мама изумлялась – надо же, никогда замужем не была, теперь-то для чего? Но господин де Котель был непреклонен – ему, видите ли, очень хочется назвать маму своей женой. И представить родным и знакомым. И вообще, давайте поедем в столицу. Ты будешь работать там же, где и я, отличные финансисты нужны всем. А Леон пойдёт учиться в Академию…

Может быть, на это они оба и купились – на Академию?

И мама, и Леон? Или не только? Мама улыбалась и говорила – Леон, ты уже большой и можешь поступать как захочешь, я поддержу. Если хочешь – оставайся здесь, квартира твоя, и поступай в колледж. А если хочешь – поехали в столицу, и там попробуй сдать экзамены в Академию. Если вдруг сдашь не слишком хорошо – у них тоже есть колледж, можно сначала в него, и там подтянуть то, что не выйдет сейчас. После их колледжа поступают абсолютно все.

Леон подумал и согласился на Академию. В конце концов, там же, наверное, есть общежитие. И если этот… господин де Котель будет совсем неприятным, то можно же не жить в его доме.

Эх, знал бы он, что дом окажется… в общем, в таком доме весь их школьный класс можно поселить, со всеми братьями-сёстрами и родителями. И ещё место останется. До того момента Леон не представлял, насколько богат господин де Котель.

А ещё оказалось, что у господина де Котеля раньше была другая жена, которая уехала от него, а с ним осталась дочь. И эта дочь была ровно такого же возраста, как Леон – тоже окончила школу и поступила в Академию.

Анна де Котель оказалась холодной и высокомерной, и при этом невероятно красивой. Не худая – Леону не нравились худые, не маленькая, не крашенная во все цвета радуги – блондинка с большими серо-зелёными глазами. Она вежливо здоровалась и прощалась с Леоном и мамой, и всё. Об-

щаться она не желала. Ну, значит, не больно-то и хотелось. В школе красивые девчонки вели себя с Леоном ровно так же. Не привыкать.

А потом были вступительные экзамены, и их принимал декан факультета, старый, но очень сильный некромант. Леон сначала стушевался – не видел никогда столько силы, а потом зажмурился, нырнул в тени на секундочку, вернулся… и выполнил все задания. Да ещё, как оказалось, лучше всех других, а поступали, как он потом узнал, и такие, у кого оба родителя некроманты – да-да, так тоже бывает.

Письмо о зачислении ему принесли тогда же, когда и Анне. Леон изумился – надо же, как бывает, он не надеялся. Но – получилось.

Ту неделю, которая оставалась до начала занятий, он усиленно знакомился со столицей. Они с мамой сходили в Королевский музей – посмотрели на сокровища, картины, статуи и всякие вещи, принадлежавшие великим людям. Господин де Котель сказал, что ему бы ещё съездить в музей магии, что в Верлене – но это нужно ехать на выходные и оставаться там, уже не успеется. Может быть, позже. А может быть, они съездят с Академией.

Ещё Леон расчехлил свой скейт и даже нашёл несколько отличных мест, где кататься – дома-то он только совсем зимой ездил на трамвае, а всё остальное время – на скейте, и так уже два года. Значит, будет ездить и тут. Не на зачисление, конечно, туда нужно всем вместе, и одеться торжествен-

но, как на выпускной в школе – а дальше уже проще.

Вообще, на зачисление пришла невероятная толпа народу. Это некромантов поступило шестеро, а на стихийный факультет – человек сорок, наверное, и на прикладной столько же. Менталистов он насчитал семерых, боевиков – десять, а целителей – двенадцать. Парней и девочек было примерно поровну, и если у боевиков и некромантов девочек случилось по одной, то на прикладном факультете их оказалось большинство.

Девочка-некромант поражала воображение. Такая же, как он, но – девочка. Коротко стриженная, очень бледная, симпатичная. Откуда-то аж с Полуночных островов. Там нет своей Академии? Она смотрела на всех недоверчиво – наверное, он смотрит так же.

Из оставшихся двое парней были близнецами. Оба болтали с невероятной скоростью обо всём на свете – между собой и со всеми подряд. Леон и представить не мог, как так вообще можно. И ещё один парень был совершенно темнокожим, и он молчал, пришёл с бабушкой. А второй выглядел старше их всех, и на прямой вопрос близнецов прямо ответил: да, он после колледжа, после школы не решился, думал, не возьмут.

Вводная лекция понравилась Леону – чётко, ясно, по полочкам. Ничего такого, что показалось бы страшным и невыполнимым. И хорошо.

Но наутро он не стал дожидаться, пока Анна де Котель

вызовет такси или как там она ещё собирается ходить на занятия, а пожелал маме хорошего дня, подхватил скейт и был таков. Сегодня можно было надеть не рубашку с галстуком, а футболку и куртку, и наушники, и капюшон на голову, и хорошо. Дорогу он в целом разведал, но нужно же ещё и проехать, так?

Он успел вовремя, хотя пару раз забурился-таки не туда. Ничего, привыкнет. А то ещё и воспользуется кратчайшим путём между двумя точками, а какой кратчайший путь для некроманта? Через тени, ясное дело.

Пока же он без труда нашёл маленькую аудиторию возле кафедры основ некромантии, и оказалось, что он даже ещё и не последний. Последними, буквально за полминуты до появления профессора, ввалились близнецы – громко хохоча и хлопая друг друга рюкзаками по голове. Интересно, как это – когда у тебя есть близнец? На что это вообще похоже?

Профессор появился из теней, и он не видел в этом ничего особенного.

– Добрый день, мои юные друзья, – начал он. – Я очень рад вас видеть, и тех, кто родился и вырос в столице, и тех, кто приехал к нам издалека, – профессор посмотрел на девушку Грейс и на Леона. – Наша с вами задача на ближайшие четыре года – раскрыть талант каждого из вас и понять, где и как вы с наибольшей пользой сможете его применить. Возможностей много, больше, чем вам сейчас может показаться. Потому что некроманты могут всё – и ещё чуть-чуть.

Не верите? – он оглядел изумлённых слушателей. – Давайте смотреть, так ли это…

Со слов профессора выходило, что некроманты способны сделать столько разного, сколько и не снилось обычному даже магу, не просто человеку. И во время обучения они будут пробовать – всё-всё, только внимательно и осторожно. Чтобы не навредить ни окружающим, ни себе.

У профессора супруга – боевой маг. Они даже вчера на зачислении стояли рядом и держались за руки – когда не приветствовали каждый своих студентов. А ведь им обоим столько лет, что дух захватывает! Интересно, как они смогли ужиться, думал Леон, с некромантами ведь никто не уживается – кроме родителей?

Впрочем, может быть здесь, среди себе подобных, он что-то поймёт. Как такие, как он, живут и уживаются с другими. Это было невероятно интересно – где они все учились, у кого и чему, и как что-то понимали про себя? Может быть, позже он наберётся смелости и с кем-нибудь поговорит.

После лекции профессора Саважа нужно было идти на теорию магии, общую для всего потока. Леон, как всегда, замешкался, протормозил и едва не столкнулся у входа в большую лекционную аудиторию с девочкой. Извинился, пропустил её вперёд, глянул…

Девочка была… нереальная. Её волосы с каким-то лиловым отливом заплетены в косички, голубые глаза скользнули по нему, не задержавшись, тонкие пальчики сжали сумку…

откуда она, с какого факультета?

Леон проследил за ней взглядом – села с другими девчонками, кажется – с прикладниками. Ну и ладно.

Сам же он нашёл свободное место в первом ряду – ему без разницы, где сидеть, почему бы и не здесь. И приготовился слушать профессора де ла Мотта.

4. Шаг в неизвестное

Жиль де Роган стоял перед распахнутым шкафом и мрачно смотрел в его недра. Ему казалось, что шкаф смотрит на него в ответ и усмехается.

Задача выглядела нерешаемой. Сестра Анриетта сказала – взять с собой то, что понадобится в новой жизни. А то он бы уже прямо после сегодняшних занятий отправился к ней, и только бы отец его и видел. Но сестра глянула хмуро, сказала: глупо пренебрегать тем, что уже есть, поэтому – запас одежды на разные случаи и что ещё важного есть дома? Чтобы не бегать потом или не страдать от того, что нет под рукой.

Вообще, оказалось, что мечтать, как хорошо будет сбежать из дома, проще, чем взять и сделать. Сегодня идеальный момент – отец уехал из города на три дня, и брат Франсуа с ним, никто не вздумает спрашивать, куда это Жиль собрался. А он собрался… далеко. Точнее – в квартиру, принадлежавшую до замужества госпоже Одетт Лимура, матери их всех – и правильных Катрин и Франсуа, и неудачных Анриетты и Жиля. Точнее, это отец так говорил, что Катрин и Франсуа правильные, потому что получили образование и работают – где надо и как надо. Анриетта ушла из дома на улице Сен-Жан сразу же, как поступила в Академию, и Жиль сейчас собирался сделать то же самое. Он ещё вчера спро-

сил сестру – можно ли ему пожить там же, где она, на улице Хрустального Камня, и она со смехом обняла его и сказала – да конечно же, можно, о чём вообще разговор! Это и его дом тоже, и пусть он приходит!

Жиль сложил в рюкзак ноутбук, телефон, зарядки, немного денег – они были подарены ему отцом на окончание школы, и он пока не смог придумать, куда их лучше применить, но самостоятельная жизнь – это же отличнейшее применение! А деньги понадобятся.

Если честно, Жиль не очень представлял, куда именно понадобятся деньги. Ну, еда, и ещё что-то, наверное. Анриетта не просила у отца ничего с тех пор, как ушла из дома, и он собирался поступать так же. Но до того все свои восемнадцать лет он ел то, что готовили вот в этом доме, носил то, что было одобрено отцом и приобретено камердинером, и не очень-то понимал, как живут другие люди. Он ходил в школу и делал там всё, что положено, изучал магию – насколько в школе это вообще было возможно, дружил больше в сети, чем в реале, и всегда знал, что как только сможет, будет жить сам и всё делать тоже сам.

Нельзя сказать, что у них с отцом были плохие отношения. Нет, Луи де Роган не позволял себе такого – быть с кем-то в плохих отношениях. Они были в никаких отношениях – потому что отец совершенно не интересовался тем, что в головах у его детей, если это не касалось семейных дел или семейного бизнеса. А бизнес был самым последним, что ин-

тересовало Жиля в этой жизни. Даже такой мощный и прибыльный, как «Четыре стихии» – мегакорпорация, занимавшаяся промышленным производством с использованием магии. Корпорацию придумал предок Антуан де Роган, когда случилось так, что он не смог больше быть королём Франкии – да-да, предки Жиля и прочих были королями. И до сих пор старший представитель семьи имел право на титул «ваше высочество», и его дети тоже. А вот уже в следующем поколении право на титул будет только у детей Франсуа, потому что он наследник. Ну да и кому он нужен, этот титул? Примерно никому.

Поэтому его высочество Жиль де Роган, младший сын его высочества Луи де Рогана, таращился на полки в шкафу и пытался понять – что брать с собой в новую жизнь? Тёплую куртку? Трусы с носками? Белую сорочку с запонками и галстук-бабочку? Тьфу, в общем. Сейчас что-нибудь придумаем.

Это работало в любой непонятной ситуации – что-нибудь придумать. Правда, в школе за придумки крепко влетало – сначала от учителей, а потом и от отца. Но это никак не мешало Жилю придумывать снова и снова. И он бы не был Жилем, если бы отступился, не отступится и сейчас. Ерунда какая, одежда. Всё в кучу, потом разберёмся.

Но, пожалуй, была одна вещь, не относящаяся к его личным, которую Жиль хотел бы взять с собой из этого дома. Он оделся в ветер – будучи воздушником, и не самым пло-

хим, он умел такое уже давно, и мог просочиться в любую щель и любую дыру, открыть любой замок и найти любую информацию. Вот и сейчас он, незамеченный, прокрался к отцовской спальне, открыл дверь, проник внутрь и остановился перед туалетным столиком с зеркалом. О нет, он сам в такой момент не отражался в зеркале, такое он тоже умел, не отследят его и камеры. Отец поймёт, конечно, ну да и ладно.

Жиль подошёл, на всякий случай оглядываясь, и взял со столика медальон – овальный, золотой, на цепочке. Внутри медальона хранился портрет Одетт Лимура, матери Жиля и остальных, носил его отец – а мама носила парный к нему, с портретом отца. Но после того, как мама не вернулась домой из очередного путешествия в горы, отец снял медальон и положил на мамин столик, и дальше с него только пыль вытирали специальными магическими приспособлениями. Но Жиль считал, что вытирать пыль – вовсе не та судьба, которую заслужила эта памятная вещь, и надел медальон на шею.

И дальше уже было совсем просто. Найти в одной из кладовок самую большую сумку – кажется, это даже не сумка, а чехол для чего-то, ну и ладно, затолкать туда всё содержимое шкафа – а дальше будет видно, заархивировать магическим способом, и вытащить из дома. И ещё написать отцу записку – что с ним всё в порядке, просто он пошёл пожить в мамину квартиру к Анриетте. И всё.

Вызывать такси Жиль не собирался, но осмотрел суму и понял, что сам будет её тащить очень долго, и процесс ему

не понравится. В конце концов, отец и так всё узнает, чего себе жизнь осложнять?

Жиль связался с отцовским водителем и попросил отвезти его с вещами. Это было не просто нормально, а даже ещё и согласно отцовским правилам – он настаивал на том, что все перемещения детей должны происходить при помощи его водителей. Господин Кши, его имя Жиль осознать не мог, как ни пытался, не высказал никаких возражений и увёз Жиля с вещами на улицу Хрустального Камня.

– Ты что, весь отцовский дом вывез? – изумилась Анриаетта, увидев, с чем он появился на её пороге.

– А зачем мне весь дом? Я просто пока не понял, что мне будет нужно, – пожал плечами Жиль.

В квартире из трёх спален, гостиной и кухни творился хаос, но это если посмотреть глазами отца. Если спросить Жиля – то всё просто отлично, людно и весело. Оказалось, что у Анриетты живут две подружки и пять кошек. Один из котов тут же заинтересовался имуществом Жиля и попытался забраться в сумку. О да, отец бы такого не потерпел.

– Так, комнату тебе мы разобрали, загружайся, – Анриетта открыла дверь и показала спальню. – И приходи есть, да?

– Обязательно, – есть хочется, факт.

Ели они не кушанья от специального повара, готовившего главным образом правильную еду, унылую и пресную, но жареные цыплячьи ножки и картошку фри из какой-то доставки, и запивали запрещённой в отцовском доме сладкой

газировкой и ещё более запрещённым пивом. За отцовским столом пили воду, вино и какие-то отвары, морсы, компоты… не, не то.

– Какой сладкий красавчик твой брат, – девушка по имени Джесс, однокурсница Анриетты, коснулась кончиком пальца его носа.

– Эй, ты чего? Нашла сладкого красавчика, – фыркнул Жиль.

– А что? Очень даже, – она смотрела прямо на него и улыбалась. – Ты воздушник, да?

– Да, – сама она, как видел Жиль, тоже была воздушницей.

– Он лучший воздушник, чем я огневик, – усмехнулась Анриетта.

– Прямо крутой, да? Я помню, что лучший среди всех, кто нынче поступил.

– У нас сильные те, кто похож на маму, а не на отца, – пожала плечами Анриетта. – То есть Катрин и Жиль. Катрин – мощная водница, а Франсуа не зря занимается не магией, а политикой, – и скривилась, как всегда при упоминании старшего брата.

– Да нормальная ты, – отмахнулся Жиль. – И я тоже.

– О да, и ты тоже, – Джесс не сводила с него глаз.

Чего это она вообще? Хотя… симпатичная девушка, и вообще старше него, а смотрит, глаз не сводит.

– Но мои слабые силы не повод заставлять меня изучать теплотехнику, будто я не гожусь больше ни на что, – нахму-

рилась Анриетта.

– Теплотехника ничем не лучше вентиляции замкнутых пространств, – выдал Жиль, отец ему уже все уши прожужжал про эту вентиляцию.

– Не в вентиляции счастье, вестимо. И не в теплотехнике, – откликнулась Джесс и достала гитару.

О, гитара! Нужно научиться играть, это здорово вообще. А пока пусть девчонки играют.

Они просидели до поздней ночи – говорили об Академии и преподавателях, пели, тискали котов. Потом бросили стол, как был, и разошлись по комнатам спать. К Жилю пришёл тот самый кот, который рылся в сумке – с голубыми глазами, надо же – и бесцеремонно завалился ему под бок.

Наверное, они не проспят на пары. Анриетте же тоже туда надо, разбудит же, – подумал Жиль, и тут же уснул.

Крепко и без сновидений.

5. Руки-крюки

Клодетт очень нравилась её новая учёба. Нет, не так. Ей очень-очень-очень нравилось. Нравилось всё. И дорога до Академии – на метро, а потом пешком. И старинное здание, построенное бог весть когда. И то, что её семья изрядно в этом здании отметилась – первым ректором был далёкий предок, граф Орельен, и сейчас ректор тоже де ла Мотт, это круто. Правда, Филипп смеялся, что госпиталь тоже, можно сказать, имени их семьи, потому что он имени принцессы Жакетты, а принцесса Жакетта, как известно, была супругой того самого графа Орельена, и в замужестве носила фамилию де ла Мотт.

Преподаватели нравились… ну, почти все.

Госпожу декана она просто обожала. Потому что профессор Саваж – нереально крутая. Она ж не только за кафедрой, она ещё и пятнадцать лет отслужила в Легионе, а это не просто так.

Госпожу Монтенеро Клодетт тоже просто обожала. Потому что… наверное, когда дочь профессора Саваж поступила в Академию, то тоже была мелкой тощей девчонкой. А сейчас – крутой боевой маг, десять лет службы, и преподавать не боится. Кто его там вообще знает, где легче – против врага или когда перед тобой полная аудитория людей, и их нужно чему-то учить?

Вроде бы на практике по боевой магии будут и другие преподаватели, вот тогда на них и посмотрим, когда придут.

Общую теорию магии читал любимый дедушка, профессор де ла Мотт. Клодетт всегда знала, что он крут, потому что у него всегда был ответ на любой вопрос и он никогда не считал, что они с Филиппом недостаточно хороши для великой фамилии, и вообще, с ним можно было отлично разговаривать ну хоть о чём. А как преподаватель он показался Клодетт превосходным – потому что какие-то сложные вещи объяснял так, что всё становилось понятно. Откуда в мире магия? Какие вообще существуют маги? Как в человеке проявляются магические способности? Как они сочетаются между собой, если разные? После каждой лекции он рекомендовал читать главы в учебнике и ещё по каждой теме называл книги, и Клодетт, конечно, успевала не всё, ой, не всё, но отмечала себе – прочитаю потом. На каникулах – будут же каникулы?

Из понятных в целом предметов была ещё анатомия. Уж конечно, невозможно вырасти в целительской семье и не знать анатомию если не отлично, то прилично. А госпожа Кариньян объясняет очень толково. Она на первом же занятии рассказала, что окончила медицинский факультет университета, специализировалась на патологической анатомии, и потом ещё работала по специальности. Помнится, они все тогда удивились – зачем ей ещё и в Академии учиться, потому что она так-то студентка выпускного курса. А она спокойно

ответила – потому, что в университете не учат магии, а магу без этого никуда. И ещё она ждёт ребёнка, бабушка говорит – мальчика, он родится после Рождества. Как раз, говорит, Жийона – так зовут госпожу Кариньян – успеет принять у вас экзамен. А муж у неё – тоже некромант. Он красавчик и модель, то есть раньше был модель, а теперь тоже на выпускном курсе. Если не знать, что некромант – ни в жизни не поверишь.

Ещё был предмет «Магия в современном мире и магическая этика». Его преподавал профессор Рош, зимой ему нужно было сдавать экзамен, и про него рассказывали, что он всегда так наседает на студентов, что сдать ему предмет с первого раза удаётся очень мало кому. Вообще, конечно, правила взаимодействия магов и простецов – вещь важная, и все, кто вырос в нормальных магических семьях, это с детства знают. Ну хорошо, не всё знают, потому что со всем не сталкивались. Но всё равно! Говорят, за ним нужно дословно записывать, и потом его же словами и отвечать. Парни из группы писали на диктофон, правда, говорили, что слушать его на второй раз вообще не хочется. Зато они же рассказывали, что на втором курсе будут основы магического права, и вот их-то будет вести молодая и красивая менталистка. Но до второго курса нужно дожить.

Ладно, это всё ерунда. Не ерундой неожиданно оказалась физкультура, которой в расписании было прямо через край. Каждое утро у студентов боевого факультета начиналось на

спортивной площадке, а если дождь – то в спортзале. Вообще, конечно, комплекс был изрядный – спортзалы, три, что ли, потому что физкультура у всех, это у боевиков каждый день, а у всех прочих – два раза в неделю. Бассейны – обычные для всех и специальные для водников, у них там практика. Специализированные площадки для всяких секций.

Говорят, на прикладном есть хореографы – что-то там про магию и танец, так вот для них возле спортзала был балетный класс, и их тоже гоняли ничуть не меньше.

Первокурсники-хореографы занимались параллельно с боевиками, и после занятий вышедшие из зала парни всё время докапывались до девчонок из балетного класса – потому что девчонки там стройные, подтянутые и, что уж говорить, красивые. Кажется, в итоге Флинну дали ногой в глаз – чтоб руки не распускал. Как только дотянулись – он же здоровенный. Но он потом бегал к целителям и упрашивал, чтоб спасли и фингал убрали – чтоб не позориться. Потому что госпожа декан ни слова бы не сказала, но непременно бы ехидно похмыкала.

В общем, на физкультуре Клодетт нехило упахивалась. Было тяжело, но, кажется, всем было тяжело. Саваж даже говорил с парнями, что уже готов и по воскресеньям бегать – чтобы не расслабляться. Парни договаривались, чтоб не в одиночку. Клодетт поняла, что пока не готова на такие жертвы.

А вот с практикой по специальности вышел затык, потому

что это оказалось самое сложное. Самое-самое. Потому что у Клодетт не выходило ничего.

То есть как не выходило – выходило. Но когда тебе говорят держать пламя десять ударов сердца, а ты смогла только семь – это значит, не вышло, начинаем сначала. Когда нужно просто атаковать, хоть как-нибудь, а у тебя выходит через раз – тоже не фонтан. И ещё руки нужно держать особым образом, первокурсники уже неделю тренировали эти треклятые жесты, а они не получались.

В тот раз на занятии в специальном зале, защищённом от всех магических воздействий, с ними были и госпожа декан, и госпожа Монтенеро. И как раз начали с правильной постановки рук.

– Вы могли слышать, что главное – это устойчивая атакующая сила, а как именно вы её получили – неважно, – начала госпожа декан. – Так и считали достаточно долго, пока Оскар Валенцио в самом конце девятнадцатого века не установил зависимость между положением кистей рук, эффективностью магического воздействия и его результатом. И ещё правильные позиции рук уменьшают болевой синдром. Избежать его вовсе возможности нет – сами убедитесь. А уменьшить можно, и тут всё зависит от ваших стараний.

Уж конечно, Клодетт хотелось уменьшить. Потому что свет зажигать и просто пламя на руке держать – это ерунда, а вот когда нужно атаковать – то в ладонях сразу же отзывается. И тут только терпеть, иначе никак. Все говорят, даже

старые и крутые. Вроде бы, когда натренируешься, то боль будет возникать не сразу, а всё позже и позже. Конечно, если ты будешь всё делать правильно.

Вот, оно самое, правильно. Практические занятия начались с техники безопасности – потому что правил сто штук, и все должны в тебя впечататься на уровне подкорки. Начиная с обычного – не ходи на тренировку голодным, не лезь под руки к работающему магу, не забывай про душ после тренировки – это вообще почти с любой магией работает, и до вот специального.

Был, конечно, ещё пункт специфический, парней не касающийся. Потому что про женскую репродуктивную систему. И говорила о нём старенькая, но мощная целительница из госпиталя, госпожа Арман, а рядом стояла госпожа Монтенеро и кивала. Что нужно строго следить за циклом, и в дни кровотечения на боевые тренировки не ходить, потому что кровотечение стопудово усилится, и можно очень нехорошо встрять. А когда Клодетт в недоумении уставилась на госпожу Монтенеро – как это сделать-то? Они ж каждый божий день в расписании? Ну ладно, в среду нет, и в субботу, но это только в сентябре, а всю дорогу – есть! Та сказала – потом отрабатывать материал индивидуально. Да, засада. Да, девочкам сложнее. Да, сбежать ещё можно, то есть перевестись. И если нового материала на пропущенном занятии не было – то ничего страшного, просто потом договориться об индивидуальном занятии, да и всё. Спроси старшекурсниц,

все так делают.

Ну, новый материал, как уже поняла Клодетт, появлялся редко, потому что старый отрабатывали до посинения. До всеобщего посинения – и преподавателей, и студентов.

Был ещё, конечно, пункт про беременность, но о нём Клодетт и так знала. Ну, чтоб беременность, это нужно хоть раз с кем-то переспать, а у неё практического опыта не было. Кому нужна бешеная де ла Мотт, она ж не её флегматичный красавчик-брат! А пока нет парня, можно и не париться. И спросить девчонок-старшекурсниц, как они выживают.

Оказалось – выживают. А поскольку госпожа декан сама женщина, то понимает все эти вещи, и госпожа Монтенеро тоже. В самый первый раз, конечно, было неловко пропускать – все ж всё понимают, хоть и молчат! Но Клодетт просидела эту пару в библиотеке и выполнила кучу заданий, до которых иначе дошла бы только вечером дома. Всё польза.

А потом, когда стало уже можно, она вернулась на занятия, и парни даже радовались. Флинн вопил «Малявка пришла», и лез обниматься, и получил в лоб. То есть, всё было хорошо, и тут вот: здравствуйте, позиции рук. Средний палец прижмите, безымянный отогните. Не склеивайте пальцы, да, вот прямо сейчас и не склеивайте. А как не склеивать-то, если у Клодетт в момент напряжения вообще соображения не остаётся, она про эти пальцы не помнит, даже что они там есть, а что с ними нужно что-то делать – так и вовсе!..

Правда, оказалось, что не выходит не только у Клодетт, но и у парней тоже. Госпожа декан и госпожа Монтенеро взялись править каждого и смотреть, что получается. Быстрее всех отстрелялся Саваж, ну ещё бы ему-то не знать, как надо! Он-то, наверное, ещё в детском саду научился, не иначе. Правда, госпожа декан велела ему идти и помогать товарищам. А потом подошла к Клодетт.

– Стряхни руки, хорошенько, вот так, – показала сама и принялась разминать пальцы. – Ты музыкой не занимаешься?

– На гитаре играю, – встрепенулась Клодетт.

– Это должно пригодиться, для гитары нужна хорошая беглость пальцев. Все, кто играет, или вышивает, или плетёт, или ещё какой мелкой работой занимается – имеют преимущество.

– Что-то не очень, – вздохнула Клодетт.

– Это ты пока просто не поняла. Точнее, твои пальцы не поняли. Поймут. Ещё раз. Встряхнули руки, поставили, безымянный палец наружу…

Нет, не выходило. Никак не выходило. Это неимоверно бесило, и безграничное терпение госпожи декана бесило тоже.

– Может, потом? – уныло вздохнула Клодетт.

– Нет, Клодетт, сейчас. Нужно добиться хоть какого-то понимания.

Она попробовала, потом ещё раз попробовала, а потом у

неё на ровном месте потекли слёзы. Потому что… это невозможно, правда, не-воз-мож-но! И почему госпожа декан не понимает?

Клодетт швыркнула носом и выскочила из зала. В раздевалке подхватила рюкзак и, даже не переодеваясь, пулей вылетела наружу.

Вышла из здания на улицу, завернула за угол и присела на приступочку у стены. Стена была совсем глухая, никто её тут не найдёт.

Неужели мама была права, и у неё не выйдет? И нужно переводиться? Мысли бродили по кругу довольно долго и никак не желали успокаиваться. Слёзы снова закапали.

– Можно присесть? – вдруг раздалось совсем рядом.

Как гром небесный, честное слово.

Клодетт повернулась, глянула… ну вот, ещё только не хватало. Потому что рядом с ней на приступочке располагался Саваж – подтянутый, чистый, успевший когда-то переодеться в белоснежную сорочку, даже мама не нашла бы, к чему в нём придраться.

И что ему тут надо?

6. Легко ли быть командиром

Занятия в Академии давались Жанно легко или даже очень легко. Просто раньше он всё это делал или читал потому, что нравилось, и было интересно, и – в свободное от школьных занятий время. А тут не нужно искать свободную минуту, просто всё время – твоё. Бери и радуйся.

Он понимал, что пока им не предлагают ничего сложного. Ни бабушка Марион и Тея на практических занятиях, ни другие преподаватели на теории. Просто – ему повезло познакомиться с боевой магией раньше, чем остальным. Даже тем, кто поступил после колледжа, а таких было трое. В колледже не изучают боевую магию, только стихийную.

Поэтому – всё в пределах нормы. Боевая магия – со всем удовольствием, столько, сколько есть в расписании. Физкультура – без неё никуда. И ещё можно в воскресенье бегать с Франсуа и Флинном, или заниматься дома в зале, он годится.

С прочей теорией, конечно, было по-разному. Кажется, профессора Роша не любил никто, потому что рассказывать так занудно ну хоть о чём – можно отбить всякое желание слушать. Жанно спросил у бабушки: для чего держать такого унылого преподавателя, но она только усмехнулась и сказала: чтоб вам жизнь мёдом не казалась. А предмет он знает отлично, и всё тут.

Старшекурсники стращали, что профессору Рошу с первого раза не сдаёт никто, вот и поглядим. Жанно договорился с друзьями писать его лекции на диктофон, потому что потом нужно, говорили, отвечать прямо теми самыми словами, какими он говорит, ну да разберёмся потом, ближе к сессии. Сессия, к слову, отсюда виделась чем-то очень далёким. Сейчас на дворе сентябрь, до Рождества ещё можно многое успеть.

И даже обязанности старосты не тяготили Жанно нисколько. Если он хочет когда-нибудь командовать людьми – то вот он, повод начинать. Когда он рассказал отцу о назначении, тот посмеялся.

– Вот и отлично. Посмотришь, нравится ли тебе это вообще. А то не все могут организовать, предложить, а то и приказать, и заставить. Если сможешь – то потом и всё остальное тоже получится.

И добавил, что он тоже когда-то был старостой группы. Их было двадцать человек, и все разные. Да, девочки тоже были, трое. Нет, с ними не сложнее, чем с парнями, просто у всех свои особенности – и отсюда сложности.

Точно, сложности были. Скажем, вот Роже Валлон, выпускник колледжа, всё отлично, способности – супер, силы немеряно. Но – стабильно опаздывает на половину первой пары, потому что долго спит и с утра тормозной. А это физподготовка, и Тея уже прямо говорила, что по представлению тренера господина Вуату отправить на стихийный фа-

культет можно в любой момент, а представления бывают в конце месяца. Роже жил в съёмной квартире через дорогу от академического городка и не мог сказать, что долго добирался через пробки. И Жанно пока не придумал, что тут можно сделать. Но по-хорошему, нужно придумать, потому что жаль терять сокурсников уже прямо сразу и по таким глупым причинам.

С другой стороны, отец всегда повторял, что если человек сам не захочет, то его и не заставишь. А где тогда баланс? До какой степени можно заставлять?

Жанно думал об этом на очередной практике, пока остальные пытались осознать позиции рук, необходимые для уменьшения травматизма при боевых заклинаниях. Он-то давно уже всё это выучил, и ему было легко. Он не понимал, почему тихонько ругается Флинн, он же играет на фортепиано, а там о-го-го какая беглость пальцев нужна! Ну как, когда-то играл, в последние годы забросил. Последние пару лет они втроём баловались с гитарой – и неплохо выходило, всё в плюс.

Он быстро продемонстрировал, что всё знает, и получил от Теи команду – идти и помогать другим. Чтоб у них получилось тоже. Сама она возилась с Николя, которому проще кулаком в лоб, чем позицию рук, а бабушка – с Малявкой, то есть девчонкой Клодетт, у которой тоже не выходило ничего, и как раз объясняла про гитару – что беглость пальцев в помощь. Но ни Николя, ни Клодетт не понимали ничего.

И если Николя пыхтел, терпел и пробовал, то Клодетт психанула и убежала. Ну вот ещё, только девчоночьих истерик нам тут не хватало!

Правда, бабушка и Тея переглянулись и посмеялись. Наверное, не страшно. Отойдёт и вернётся.

Правда, до конца пары оставалось всего ничего, и Клодетт не вернулась. У остальных что-то вышло, у кого-то хорошо, а у кого-то – хоть как-то, и можно было пойти, наконец, поесть, и домой. Или домой, и там уже поесть. Жанно хотел спросить друзей – куда двинем, но его тормознула Тея.

– Так, командир. У тебя потеря среди личного состава, – и усмехается.

Ей можно усмехаться, что уж.

– И где я её найду? – поинтересовался Жанно для порядка.

Потому что уже понял – искать придётся.

– Где-то ж она есть. Да, скорее всего, далеко не ушла, сидит и ревёт где-нибудь поблизости, в таком виде никто далеко не ходит. Я понимаю, что дело житейское и, скорее всего, перемелется, но ты хотя бы попытайся.

– Да зачем она вообще мне сдалась? Она ж знала, куда шла, так-то.

– Если честно, знала она поменьше тебя, как я думаю, – покачала головой Тея. – И теперь представь – лето, вы все успешно дожили до практики, а на практике вам предстоит решать задачи совместно. И скажи, ты оставишь за спиной

человека, который толком руки поставить не может? То есть – то ли защитит твою спину, то ли нет?

И сейчас Тея выглядела ничуть не привычной домашней Теей, но капитаном Легиона, который как раз умеет решать разнообразные задачи. И совместно, и в одного.

– Понял, выполняю, – вздохнул Жанно.

Нужно сказать парням – мол, пусть идут, а у него обед пока отменяется.

В конце концов, она ж может просто уйти домой, да? И если что, пропесочить можно и завтра, а Жанно был настроен именно пропесочить Малявку как следует. Потому что нечего тут. Дома будет характер показывать.

Он переоделся и вообще привёл себя в порядок, потом подкараулил девчонок с третьего курса и спросил – нет ли Малявки в раздевалке. Не было.

Вообще, существовала такая штука – магический поиск. Не то чтобы Жанно хорошо им владел, но… Но надо бы найти какую-то вещь, принадлежащую человеку. А где такую найдёшь?

Так, интересно, рукописный лист сгодится? А в деканате должны быть какие-нибудь её документы, и ещё бабушка на лекции просила заполнить анкету руками, и блиц-опрос по прочитанному был вчера. Так что…

На кафедре боевой магии сидела лаборантка Надин, она без вопросов нашла для Жанно пачку листов со вчерашним опросом. Он выудил тот, где было размашистым почерком

написано «Клодетт де ла Мотт», а в углу страницы картинка – жаба на листе какого-то растения. Прикольно, у неё что, вся тетрадь с жабами?

Малявка никак не ассоциировалась с жабами. Скорее – с мелким кусачим тропическим насекомым. Почему тропическим – потому что какого-нибудь дивного цвета. Ярко-синего, например.

Дальше уже дело техники – подержать в руках, немного нагреть, сосредоточиться. Прислушаться. Так, кажется – и впрямь далеко не ушла. Боковой выход, возле зала. И от выхода налево.

На улице вовсю светило солнце, и вообще, если по-хорошему, нужно было сесть на мотоцикл и лететь куда-нибудь – пока погода. А то зарядят дожди, и тогда – только ждать весны. А приходится…

Малявка была ровно там, где указал поиск. Сидела на кирпичной приступочке стены, хлюпала носом. А глаза у неё, по ходу, накрашены, потому что краска потекла по щекам.

Вообще она, конечно, сейчас показалась какой-то очень несчастной, её прямо захотелось потрепать по плечу, как сестрёнку Мари-Изабель. Погладить по голове, что ли. С сестрой работало.

Ещё ему доводилось слышать от отца, что в тяжёлую минуту человеку важно знать, что он не один – даже если его проблема не решается никак. Не одному проще принять, понять и пережить. А ещё он как-то раз случайно видел, как

Рик (ну никак не выходило звать его дядюшкой, хоть ему и за сорок уже) успокаивал орущую и ругающуюся на чём свет стоит Тею – что-то там у неё не ладилось. Так вот Рик смотрел-смотрел, потом подошёл, сгрёб её в охапку и молча гладил – по голове, по плечам. Потом просто ткнулся носом ей в макушку – она и перестала ругаться. Выдыхала только. Потом, правда, Жанно сбежал, потому что не дело смотреть, как хорошо знакомые люди обнимаются и что ещё при том делают, но отметил – оказывается, такой способ работает.

Правда, обнимать Малявку было чревато – ещё укусит, как то насекомое, а слюна у неё стопудово ядовитая. Поэтому он просто подошёл и сел рядом.

– Можно присесть?

Она повернула голову… и непонимающе на него уставилась.

– Тебе чего тут надо?

– Мне надо, чтобы в моей группе на практике по основному предмету у всех всё было нормально. Ты чего сбежала?

– Ничего.

– Не нужно сбегать, нужно пробовать.

– Сама знаю.

– А если знаешь, то что это было?

– Ничего, – повторила она. – Всё равно у меня ни фига не вышло.

– Значит, просто нужно было попробовать ещё раз.

– Ага, ещё раз. Тысячу сто раз, ты хотел сказать? И всё

равно не выйдет, да? Сам-то сколько пробовал?

Жанно задумался.

– Правду сказать, это было давно, и я уже не помню. Мне говорили, чтобы я не лез, а я лез. Получал по ушам и всё равно лез. Мне говорили – поступишь, и будет тебе. А я хотел сразу и не хотел ждать.

– Ну вот, а я получила по ушам за то, что поступила. По ходу, правильно.

– Да ладно? – что-то невероятное, она ж внучка ректора!

– Я должна была учиться на стихийном, никто и не думал, что я пройду на боевой. А я прошла. А теперь, выходит, зря. Всё равно не получается.

– Да нормально почти ни у кого не получилось. Дай руку.

Она глянула недоверчиво, но руку дала. Куда с такой рукой вообще, она ж маленькая? И пальцы тоненькие? Но взялся – делай.

– Смотри. Это не так сложно, на самом деле. Представь, что тут такой, ну, разделитель, что ли. И он не даёт присоединить палец к остальным. Шевели пальцами. Вот так, да. Просто подержи сейчас, чтоб рука запомнила. Ты же играешь на гитаре, я правильно услышал?

– Ну, – кивнула Малявка.

– Представь, что перебираешь струны. Или ставишь аккорд. Кстати, на акустической или на электро?

– Да хоть на какой, мы с братом играли дуэтом и пели. Это сейчас стало резко некогда. А вообще, у нас дома одна

акустическая и две электрических.

– Круто, – у Жанно была только акустическая. – Нужно как-то собраться и глянуть, кто что играет. Интересно же.

Ему вдруг и вправду стало интересно.

– Ну, может быть, – она снова хлюпнула носом.

– Подержала – и хватит. Стряхни руку. Ты балетом не занималась?

– Нет, а что? Надо? – карие глаза смотрят прямо на него.

С синими висками – убойное сочетание, конечно.

– Говорят, помогает, есть что-то общее. Там же тоже руки нужны. Давай вторую.

Чёрт знает, поможет или нет, но – вдруг?

– Думаешь, будет толк?

– А вдруг? – усмехнулся он.

– Госпожа декан сильно рассердилась? – вдруг спросила она.

– Не думаю. Что же, хочешь сказать, она не видела тех, у кого не вышло с первого раза, что ли? С этим же никто не рождается, всем нужно учиться.

– Эх. Мне не стоило сбегать.

– Тебе не стоило психовать. Ну подумаешь – не вышло. Завтра выйдет.

– Теперь мне стыдно.

– Теперь уже как есть. Ну, можешь завтра сказать Тее, или там бабушке, что осознала.

– Они со мной возятся, а у меня не выходит.

– Выйдет рано или поздно. Знаешь, мне вот не удаётся запомнить названия всех костей на анатомии, а у тебя это очень лихо получается. И мне очень неудобно, потому что я давно знаком с госпожой Жийоной и не хочу выглядеть в её глазах дураком. Но я ж не психую.

– Знаешь, если б ты вырос в целительской семье, ты бы тоже всё это знал. У нас с Филиппом в детстве был здоровенный скелет, у которого все кости светились, но – только если ты их правильно называл.

– Охренеть игрушка, – Жанно правда впечатлился.

Но не был уверен, что хотел бы в детстве себе такое.

– Ну… будущим целителям надо это знать. Тогда, правда, ещё никто не был в курсе, что я ни разу не целитель.

– У тебя брат целитель, этого хватит.

– Так и я говорю, что в роду были и боевые маги тоже, – пожала плечами Малявка. – И дедушка, вообще-то, учился на боевом, а потом уже специализация у него была по всем стихиям по очереди, и ещё по всякой общей теории.

– Он-то не против твоего факультета?

– Он нет, но мама против.

– Мама, наверное, поймёт? В любом случае жить тебе, а не ей.

– Твои бабушка и тётя как-то ведь живут.

– Да неплохо живут, как мне кажется. Или я привык. Понимаешь, для меня нет разницы, парень ты или девочка, если у тебя дома из трёх боевиков две дамы – привыкнешь ко

всему. Ну, сейчас уже из четырёх, ещё муж Теи. Но всё равно. И я не знаю, куда будет поступать моя сестра, это ещё через три года. Слушай, ты есть хочешь?

– Хочу, – вздохнула она.

– Давай так: сегодня ты больше не будешь пытаться ничего с этим сделать, а будешь заниматься вообще другим. Домашку делать, с друзьями гулять, с братом трепаться, не знаю. А завтра на практике попробуем ещё.

– Да у меня в мыслях вообще только это, и больше ничего.

– Сейчас мы пойдём поесть и будем говорить о другом. Потом я отвезу тебя домой, хочешь?

– Хочу, – слабый кивок.

– Только ты умоешься сначала, хорошо?

– Ага. И переоденусь из спортивной формы.

– Иди, я дождусь. Рюкзак нужен? Какой-то он у тебя сильно здоровый. Оставляй и иди, я жду.

Она достала из рюкзака пакет – видимо, с одеждой. И там осталась ещё прорва книг и тетрадей.

– Почему ты со мной возишься?

– Знаешь, у моего отца на рабочем столе стоит древний карандашный рисунок в магической рамке. На нём король Анри, кардинал Лионель, а ещё – твой предок и мой предок. И если я не ошибаюсь, как раз мой предок их всех и нарисовал. Потому что они были друзья не разлей вода. И раз наши предки были друзья и прикрывали друг другу спину, то и нам не зазорно, нет?

Она смотрит изумлённо.

– Ну… наверное, да. Спасибо. И это… если я могу что-то сделать для тебя, ты говори. Кости назвать. Или кишки, – хихикнула она, – я их тоже знаю.

– Подумаем, – когда она улыбается, то сразу становится симпатичной.

Особенно если умоется.

– Ладно, я быстро.

– Давай, жду.

7. Этот неприятный мир

Анна бежала и понимала, что опаздывает, безнадёжно опаздывает. Она никак не могла выйти утром из дома с правильным запасом времени – то приезжала на занятия слишком рано, то, как сейчас, явно придёт уже после начала лекции. И это у них ещё сегодня нет первой пары, зато занятия допоздна.

Отец, выслушав её страдания, велел идти в автошколу и учиться водить машину. Сказал – машину купит, как только она получит права. Но пока Анна даже не позвонила и не написала, не узнала условия и не записалась в группу, потому что учёба отнимала всё время и все силы.

Это раньше магия была приятным дополнением к жизни – что-то осветить, что-то нагреть, чему-то придать первозданный вид. А теперь пришлось разбираться в том, что вообще такое магия и как она вписывается в законы мира. Ну скажите, зачем вообще это знать? Ведь достаточно того, что можно научиться правильно использовать! Какая, скажите, тут физика, зачем Анне физика? Какая разница, что там меняется, когда Анна зовёт воду опрыскать орхидеи дома или умыться! И вообще.

Правда, когда она пожаловалась отцу, он не понял. Нахмурился, оглядел Анну, будто впервые увидел. И спросил: зачем она, Анна, пошла учиться в Академию, если ей всё

это неинтересно? Окончила бы колледж, уж наверное, можно было придумать, что после колледжа делать. А он, честно говоря, рассчитывал предложить ей после окончания работу в «Четырёх стихиях», потому что это престижно, денежно и вообще правильно. Но если она не хочет…

У отца при этом сделалось такое выражение лица, как случалось, когда он смотрел на маму, а мама пыталась ему что-то доказать. Например, что ей нужно купить новый рубиновый гарнитур, потому что в старом её уже все видели. А отец вроде и не был против покупки, но что-то ему не нравилось, Анна не понимала, что именно.

Ладно, поступила – нужно учиться, вздыхала она про себя.

Но учёба – это не только физика в курсе общей теории магии, которая непонятна почти совсем. Это ещё и контакты, множество контактов. Это в школе все знали, что она де Котель, и не приближались. Ну да, у неё не было близких друзей, но Анна не очень-то понимала, для чего они нужны. Обсуждать покупки или поездки – для того у неё была пара приятельниц из простецов, которые никогда слова поперёк не говорили. Слушали, иногда что-то рассказывали сами. Анна не обольщалась – они с ней не потому, что она им очень приятна, а потому что она из обеспеченной магической семьи. Отец немного помог обеим – порекомендовал отца одной на хорошую работу, и ещё посодействовал, чтобы брату второй дали стипендию, потому что мальчик был

старательный, но бедный. Анне же от них ничего нужно не было – ну, почти.

А теперь всякий, вот всякий считал своим долгом подходить, заводить разговоры, что-то от неё хотеть, спрашивать – сделала ли она задание, можно ли у неё списать и вообще. Да нельзя у неё ничего! Ну и пусть думают, что она дура и странная. Только пусть молчат и не трогают, а то некоторые безголовые боевики ещё и руки распускают. Лезут обниматься на ровном месте, только знай уворачивайся!

Кстати, один из тех самых боевиков тоже опаздывает, бежит под дождём и натянул на голову пафосный кожаный плащ. Анна умела сделать так, чтобы дождь обтекал её, и не намокала никогда. А этому – так и надо, пусть.

В вестибюле она ещё раз увидела того парня – он тряс свой плащ и сушил волосы.

– Привет, – он улыбнулся и даже легко поклонился.

Тряхнул светлыми волосами, сверкнул глазами – какими-то кошачьими, жёлтыми.

– Привет, – кивнула Анна.

– А ты крута, что умеешь не намокнуть под дождём, – с уважением сказал он. – Все водники так умеют?

А ей откуда знать про всех?

– Не знаю.

– Ладно, пошли, а то Рош сейчас будет нам головы откручивать. Холерный Вуату задержал после физкультуры, а теперь, значит, придётся как-то объясняться.

– Почему задержал? – не поняла Анна.

– Так я ж староста, то есть должен знать всё про всех. А у меня один орёл напропускал. Теперь придётся делать ему выволочку.

– Это ж физкультура, – не поняла Анна.

– А у нас это один из основных предметов, – усмехнулся парень. – Каждый день первой парой, иногда посреди дня ещё дополнительные, и пропускать нельзя.

Точно, это ж боевики. Как хорошо, что на водном факультете не так.

Они поднялись на третий этаж, перед дверью в аудиторию парень – Анна никак не могла вспомнить, как его зовут – приложил палец к губам.

– Так, я иду первым, ты прячешься за мной и не показываешься. Вдруг прокатит?

Анна усомнилась, но спорить не стала. Она уже приготовилась к нравоучению от профессора Роша.

Парень открыл громко скрипнувшую дверь, придержал, чтоб Анна тоже вошла.

– Так-так, кто это у нас? – заинтересовался профессор Рош, невысокий и пухлый, с буйными кудрями на голове.

– Прошу прощения, профессор. Мне пришлось задержаться у господина Вуату.

– И что же от вас, Саваж, было нужно вашему преподавателю? Вы и к нему опаздываете?

– Нет, но представляю интересы своей группы. Постара-

юсь, чтобы больше такого не повторилось.

Анна всё время стояла за его спиной и не могла никуда двинуться – даже если бы и хотела, потому что было некуда.

– Садитесь, – кивнул профессор.

– Благодарю вас, – кивнул Саваж, вот как его зовут, взял Анну за руку – за руку! – и быстро усадил на ближайшее место за длинным столом, возле каких-то девушек с прикладного, и сам сел с краю.

И впрямь вышло так, что Анну-то и не заметили. Всё время тут сидела. Саваж улыбнулся и подмигнул. Оглядел большую поточную аудиторию, перемигнулся с кем-то, кто сидел сверху, быстро что-то написал в телефоне. Получил ответ.

Достал телефон, открыл в нём какую-то программу, Анне неизвестную, и запустил.

– Что это? – спросила она шёпотом.

Он улыбнулся, нашёл в своём рюкзаке блокнот, в блокноте чистый лист и принялся там писать. Потом положил блокнот ей на колени.

«Это звукозапись, мы договорились с друзьями, что будем так записывать лекции Роша».

Анна восхитилась – о как придумали! Хотела сказать, но он приложил палец к губам и протянул ей ручку.

«Хорошая идея. Но ты готов потом ещё раз всё это слушать? Это ж сколько часов жизни!»

«Программа распознает и переведёт в текст»

Всё-то они предусмотрели!

«Умеешь играть в морской бой?»

«Нет»

«Сейчас научу, смотри»

И дальше они – о ужас! – играли в морской бой до конца лекции. Анна и не заметила, как прошло почти два часа и профессор Рош, наконец, распрощался.

– Привет! – сверху прибежала Марианна. – Я уж думала, ты не придёшь. Хорошо, что пришла!

Марианна почему-то не бесила и не раздражала.

– Привет. Да, я снова не смогла выйти из дому в правильное время.

– А твой сводный?

– Я ж не некромант, чтоб как он! – дёрнула плечом Анна.

Потому что Леон Шеню выходил из дома за четверть часа до начала, становился на свою доску и своими некромантскими путями в один миг добирался до Академии. Это не для нормальных людей.

– А что он? – живо заинтересовался Саваж.

Анна рассказала… кажется, это не про некроманта, это про парней вообще. Потому что у Саважа загорелись глаза, как у кота, и он принялся оглядывать аудиторию в поисках Леона Шеню. А потом пошёл куда-то наверх, разговаривать с кем-то из своей группы, так Анна поняла.

– Он тебя круто отмазал, – восхитилась Марианна. – Как так вышло?

– Сама не поняла. Мы просто… встретились внизу, и он

сказал – пошли, держись за мной, вдруг повезёт. Повезло.

Вот и хорошо.

А на следующий день не повезло.

У них должно было состояться практическое занятие в бассейне, накануне профессор Дьюи, преподававший у них специальность, сказал, что понадобятся купальники. До того они работали с водой в ограниченных объёмах – в мисках, кувшинах, вёдрах. А теперь должны были начать работу с большим количеством.

Практика стояла первой парой с утра. Анна прибыла вовремя, в этом бассейне они уже были на прошлой неделе на физкультуре – у водников из двух пар физкультуры в неделю одна в бассейне, у остальных, кажется, тоже бывает такая.

Во всяком случае, первый курс боевого факультета пришёл сюда вряд ли для того, чтобы воду в бассейне ворочать. Они стояли группой у воды, переодетые в купальное, и что-то обсуждали.

Среди водников парней было трое, и все они застряли в раздевалке. Анна вышла, огляделась, ещё вышла староста Джемма, да и всё, остальные девушки тоже не торопились. Ничего, сейчас придёт профессор и выгонит всех из раздевалок.

– А кто это у нас тут такой аппетитный? – вдруг раздалось над самым ухом Анны.

Она в ужасе обернулась и увидела здоровенного бородатого парня, возвышающегося над ней едва ли не на голову.

– Иди отсюда, – прошипела она.

Надо было бежать, но она оцепенела и не могла даже пошевелиться.

– Не хочу, – он протянул руку, провёл ладонью по спине и расстегнул застёжку её купального топа. – Зря одеваешься, и так красивая!

Топ тряпочкой повис на шее, Анна с визгом прикрыла руками грудь, а к ним уже летела по мокрому полу невысокая синеволосая девушка – кажется, из группы этих идиотов.

– Ты, дебил, Медведь засратый!

И как пнёт его по колену!

– Эй, Малявка, ты чего, я ж пошутил!

– Я тебе сейчас пошучу, урод недоделанный!

Анна всё ещё не может пошевелиться и видит, как с растопыренных пальцев девчонки срываются молнии, шорты на парне распадаются на два куска и падают на пол. Тот понимает, что остался голым, и только разевает рот, силится что-то сказать, но не может.

– Так, спокойно. Никто ничего не видел, – девушка подскакивает к Анне, поправляет на ней несчастную деталь купальника и застёгивает. – Всё хорошо. Все целы. А уроду этому мы ещё поддадим!

Ужасный человек прыгает, вопит и бранится ужасными словами, и к ним подходит очень злой Саваж.

– Что происходит?

– А то, что пусть Медведь извинится перед девушкой, яс-

но? – вылепила защитница Анны.

– Клодетт, что он сделал?

– То, чего приличный человек не сделает ни при каких обстоятельствах, понятно? Вот пусть теперь рассекает с голой жопой!

– Так, Медведь. Не умеешь разговаривать с девушками – не подходи. Не понимаешь – тебе же хуже, – сурово сказал Саваж.

– Да я не хотел, – попытался отговориться Медведь – он и вправду большой и косматый, у него и на спине, и на груди волосы, а внизу – так и вовсе, мамочки!.. Анна зажмурилась.

– Не хотел – не подходи, ясно? А сейчас тебе сказали, что нужно сделать.

– Прости, ладно? Я правда не хотел, – пробормотал Медведь.

Не прощу, подумала Анна.

– Прощать тебя не за что, скотина косматая, – сообщила девушка, которую звали Клодетт.

– Мне жаль, вот, я больше так не буду, – пробурчал Медведь.

– Что пристали к ней, дураки? Она ж холоднее рыбы!

Надменный насмешливый голос известил о появлении на сцене нового лица.

Студентку Финнею все преподаватели называли по имени – студентка Финнея. У неё были глаза цвета моря и светлые волосы до пят с серебристыми прядями, и в них посвер-

кивали какие-то украшения. Она ходила в таких коротких шортах, в каких Анна появилась бы разве что на пляже. И на высоченных каблуках. И ноутбук она носила в футляре в форме ракушки.

А когда на прошлой неделе была физкультура в бассейне, Финнея вышла из раздевалки и прыгнула с бортика в воду, и в воде её ноги превратились в рыбий хвост.

У Анны тогда даже рот открылся от изумления, да и не только у неё, у всех. А профессор сказал – да, Финнея русалка, ничего особенного. Потомок Старшего народа. Им тоже нужно учиться.

И вот эта студентка Финнея шествовала к краю бассейна, не надев даже крошечный топ от купальника. Ну да, она сейчас перекинется, и зачем ей купальник?

Парни-боевики потеряли челюсти все. И голозадый, и одетые. Про Анну просто забыли. Финнея же подошла, прыгнула в воду и в воде перекинулась.

– Офигеть, – девушка по имени Клодетт подскочила к бортику. – Ка-а-а-акой хвост! А потрогать можно?

– Можно, если осторожно, – усмехнулась Финнея.

– Жанно, смотри! Натуральная русалка! Ты вот видел хоть одну?

Саваж подошёл, поклонился Финнее – будто он не в купальных трусах, а хотя бы в джинсах и белой рубашке.

– Очень приятно. Жан-Филипп де Саваж. Это Клодетт де ла Мотт. И остальные.

Наверное, Финнея что-то ответила бы, но пришёл профессор Дьюи.

– Боевой факультет, вам в соседний бассейн. Водный факультет, всем приготовиться. Из раздевалок выйти, из бассейна тоже. Оборотням принять человеческий облик. Голым одеться.

– Прости наших придурков, они ещё цивилизуются, обещаю, – шепнул Саваж, проходя мимо Анны.

А Малявка Клодетт показала ей большой палец.

Профессор Дьюи сам напоминал Анне какое-то водное животное – крупный, плотный, отфыркивающийся после каждого погружения в воду. Глаза у него были чёрные, небольшие и круглые, и он ещё очень забавно шевелил усами. Но всё это не имело абсолютно никакого значения, когда он начинал говорить о деле. Когда монотонным голосом нараспев читал какие-то рифмованные древние магические строки о водной стихии. Когда по его слову вода в бассейне создавала причудливые фигуры и водовороты, стены до потолка, фонтаны и водопады.

Анна очень порадовалась, что сейчас практика, а не какое-то теоретическое занятие, ещё и общее, где нужно было бы сидеть у всех на глазах. После взаимодействия с водой и с силой уже не было так больно, и так неловко смотреть на однокурсников. Однокурсники, к слову, вообще сделали вид, что ничего и не было – Анна да и Анна.

Все, кроме Финнеи. Та выбрала момент, когда профессор

дал пару минут передышки, подплыла и обдала Анну тучей брызг от хвоста.

– Чего нос повесила? Неприятно, понимаю, но – жизнь продолжается.

– Ты, может быть, привычная к такой жизни, тебе и ничего особенного, – дёрнула плечом Анна.

– Людей ты не переделаешь. И знаешь, парня как-то резко тормознули друзья, они там какие-то приличные. Поэтому есть шанс, что у него мозги на место встанут. А пока не встали – ну, бей. Облей водой, в конце концов. Ты же можешь.

– Могу, но это… это дикость, – Анна не могла представить, что обливает кого-то водой.

– А то, что он сделал, не дикость? Не понимает нормально – пусть получает, да и всё. Ну и мы все будем за тебя, если что. Не дрейфь.

Нырнула и снова облила Анну водой, но Анна почему-то даже не рассердилась.

А после пары её поджидали у выхода из раздевалки те самые боевики – Саваж и де ла Мотт. Девушка – внучка ректора, дошло до Анны.

– Ты как? – спросил Саваж, вглядываясь в неё своими жёлтыми глазами.

Анне стало не по себе, но она выдохнула и ответила:

– Спасибо. Всё в порядке. Спасибо вам обоим.

– Вот и славно, – кивнул Саваж. – Удачи!

А Клодетт де ла Мотт подмигнула на прощание.

8. Ветер и камень

Жиль привык к новой жизни очень быстро. Он бросился в неё, будто маленькая птичка с вершины высокой горы, раскрыв крылья и надеясь на воздух. Он где-то слышал, что воздух выдержит, если верить, а он, безусловно, верил.

О нет, отец пожелал знать, отчего он больше не живёт дома. Он один раз позвонил, но Жиль не ответил. И больше звонить не стал, но на следующий день явился в Академию к завершению последней пары у воздушников первого курса.

Пара была – практика по специальности, и это было необыкновенно весело, как и все такие пары. Профессор Фурми дал задание – придумать самое оригинальное использование воздушной силы, обещал много дополнительных баллов. Ой, что началось в аудитории, просто блеск – все взялись придумывать всякие весёлые штуки.

Жиль начал с того, что волосы прилежной Эстель Фремон, невероятно блондинистые и длинные, красиво поднялись и едва не достали кончиками потолка. Да она сама едва не взлетела, пока не поняла, что с ней происходит.

– Ты, дурак, что творишь! – она мигом нейтрализовала его воздействие, связала волосы в длинный хвост, подскочила и дала ему по лбу.

Жиль увернулся и улыбнулся.

– Прости, я не думал, что ты обидишься. Погоди, я сей-

час, – он высунулся в раскрытое по тёплому времени окно, нашёл на клумбе внизу самую красивую розу, сосредоточился, перекусил толстый стебель и направленным воздушным потоком пригнал цветок в окно. – Вот, на, держи. Это тебе.

Эстель изумилась едва ли не больше, чем когда он распушил её длинные косы. Взяла цветок и почему-то покраснела. Пришлось достать ещё шесть цветков – чтобы другие девчонки не чувствовали себя обиженными, и ещё состроить из них сердечко в воздухе – девчонки же любят сердечки?

Потом они все вместе слушали и гадали, что готовят в ресторане на другом конце площади, а до того ресторана – минут пятнадцать быстрым шагом, потому что с площади вход в академический парк, а потом ещё по парку до главного корпуса, в котором они сегодня занимаются. Староста Шанталь слушала-слушала, а потом нашла в сети меню ресторана, и оказалось, что Жиль угадал почти всё!

Ещё Жиль показал, как усиливать звук. Это он два вечера подряд сидел в академической музыкальной студии и слушал, как репетируют Анриетта, Джесс и Лали, и пробовал на них всякие эффекты. С музыкальными инструментами круче и зрелищнее, чем с голосами, но всё равно есть куда развернуться – усилить или, наоборот, сделать звук почти неслышимым, добавить глубины звучания или чего там ещё. Девчонки делали это специальной аппаратурой, а ему удаётся просто так, здорово же?

И уж конечно, просто призывали всякую ерунду и кида-

лись ей друг в друга за милый мой, отвели душу. Листочки, куртки, шарфики девчонок и что там ещё. Крутили всё это совместно красивыми фигурами и заставляли водить хороводы вокруг кафедры. Если учиться магии так легко и весело, то что он вообще делал столько лет в обычном классе, ведь, говорят, существуют ещё и магические?

Правда, профессор Фурми смотрел-смотрел на всё это буйство, а потом и спросил:

– А как вы думаете, какое умение воздушников самое нужное в повседневной жизни?

Все сначала зависли, а потом почти хором сказали, что магическая связь. Потом кто-то сзади неуверенно сказал, что поиск – информации, предметов и людей.

– Нет, людей лучше ищут некроманты своими путями.

– Некроманты просто умеют всё то же, что и мы, плюс ещё немного, что мы не умеем.

– Да ну, ерунда. Все умеют примерно всё, только что-то лучше, а что-то хуже.

Дальше снова начался балаган – почему-то в группе воздушников он начинался с пол-оборота, и Жиля это очень веселило. И никто не говорил, что нужно сидеть смирно и слушать, наоборот – нужно было пробовать и говорить, что выходит, а что не выходит. И спорили до тех пор, пока профессор не призвал всех к порядку, ему это как-то легко удавалось.

– Так, дорогие мои студенты первого курса, что я имею

вам сказать. Первое и главное – у каждой магической специализации есть свои особенности. Есть вещи, что даже если и даются другим, то не в такой степени, как мастеру, хорошо владеющему нужной силой. Скажем, оказывать первую помощь могут многие маги, но подлинный дар целительства есть мало у кого. Не все владеют магической атакой, не все умеют писать картины или выращивать цветы. Вы можете очень многое, и ваша задача сейчас – попробовать как можно больше всего и понять, что выходит у вас лучше и что из этого полезнее вам и прочим. Всё верно и про связь, и про поиск, и вы сами сейчас показали множество других отличных примеров. Связь даётся почти всем магам, но воздушникам – лучше прочих. Равно как и поиск. А некоторые и вовсе умели перемещаться без портала.

– А как это? – тут же встрял Жиль.

– А об этом нужно для начала прочитать. Записки Жиля де Рогана – да-да, молодой человек, Жиля де Рогана, дяди короля Анри и кардинала Вьевилля – доступны в академической библиотеке, рекомендую полюбопытствовать. А пока – всем дополнительные баллы, все справились. Домашнее задание – в учебнике общей теории стихийной магии страница двадцать восемь, задачи на частные случаи применения силы вашей стихии. Разобрать все пять, внятно представить – что получится в итоге. Завтра на практике будем обсуждать.

И под занавес, когда профессор ушёл, они ещё немного побросались друг в друга пустыми папками, губками, кото-

рыми стирали с доски, куртками и толстовками – у кого были. А потом Жиль собрал вещи в рюкзак, вышел из аудитории и увидел стоящего неподалёку отца.

Великий Луи де Роган был как всегда – идеален. Жиль сразу ощутил, что не причёсывался давно – с утра или со вчера? Что воротник любимой клетчатой рубашки завернулся куда-то внутрь, что верхняя пуговица расстёгнута, и вещи в рюкзак затолканы как попало.

– Здравствуй, Жиль, – сказал отец.

– Здравствуй, папа, – сказал Жиль, глядя в пол.

Настроение сразу же испортилось.

– Спасибо, что оставил записку, – сказал отец. – Но я всё же хочу спросить – почему ты ушёл? Тебе было плохо дома?

Всё существо Жиля вопило где-то там внутри, что да, дома ему плохо, там душно и тесно, несмотря на все размеры того дома. Но почему-то он не смог произнести это вслух.

– Я… хочу попробовать сам, – и это было всё, что он смог сказать.

– Что именно ты хочешь попробовать сам? – спросил отец.

Было ощущение, что любой ответ Жиля окажется неправильным. Потому что… потому что в мире Луи де Рогана правильно только то, что делает он, и так, как решает он.

– Тебя плохо кормили и одевали? О тебе недостаточно заботились? – продолжал хмуриться отец.

– Всё хорошо. Просто, ну, дальше нужно пробовать что-

то ещё. Не только так, как было, – тихо проговорил Жиль, по-прежнему не глядя на отца.

– Может быть, я чем-то тебя обидел?

Когда три года назад из дому уходила Анриетта, разразился скандал до небес. Отец спрашивал её о чём-то таком же, а она прямо орала на отца и говорила ужасные слова – что он никогда не любил никого из них, что он любит только себя и свою работу, так пусть и остаётся сам с собой и с работой. И ушла, громко хлопнув дверью, и почти ничего из дома не взяла. Жиль ушёл проще и тише, но это, наверное, только потому, что никто не видел, как он уходил – ни отец, ни Франсуа.

– Нет, ты ничем меня не обидел. Просто люди живут не только вместе, но ещё и по отдельности тоже. Мы жили вместе восемнадцать лет, теперь будем пробовать как-то иначе.

Это была какая-то очень длинная для Жиля речь. Нет, в хорошей компании он болтал без умолку и на любые темы, и Анриетта говорила, что его не заткнуть. Девчонки из группы воздушников говорили то же самое. Но почему-то, когда отец задавал свои вопросы, у него всё равно что язык к нёбу примерзал и не мог пошевелиться. И взгляда поднять он не мог – не получалось. И сбежать тоже не получится – отец перегораживал дорогу к лестнице.

– Мне кажется, Жиль, ты совершаешь ошибку. Ты не умеешь жить сам, и ты не сможешь жить сам, ты понятия не имеешь, как это – отвечать за себя и за всё, что с тобой про-

исходит.

– Так я научусь, – пожал плечами Жиль.

– У Анриетты? Но она сама не умеет. У её безалаберных приятелей? Они такие же. На что они живут?

– Зарабатывают, – пожал плечами Жиль.

Анриетта с компанией зарабатывали проведением праздников. У них неплохо выходило. Но услышь о том отец, его же удар хватит – его дочь и какие-то праздники, подумать только!

Его дочь, как успел понять Жиль, была отличным организатором, талантливым сценаристом, придумывала столько, сколько он пока не умел, ездила на магически усиленном мотоцикле, который купила себе сама, и ещё вместе с ней работали человек пять, для которых она, как получалось, тоже придумывала заработок. Плюс занятия музыкой, и ещё она кошек бездомных на улице подбирает, лечит и раздаёт в хорошие руки. Но ничего из этого списка никак не могло считаться серьёзным занятием, подходящим для принцессы из дома Роган.

– Жиль, я надеюсь всё же на твоё благоразумие. Ты попробовал, каково это – не пойми где и впроголодь, теперь можно вернуться домой. Чтобы нормально учиться, нужно нормально есть и высыпаться. А сейчас ты не выглядишь как человек, у которого всё в порядке.

Ну вот. А то, что можно ходить непричёсанным и быть в порядке, он и не догадывается.

Да он никогда такой крутой еды не ел, как в последние дни, думал Жиль. И спит отлично. И подумаешь, уборку дома не делает примерно никто и никогда, только самую явную грязь убирают, конечно, и посуду моют и то не сразу, а как снова понадобится. И никому, решительно никому это не мешает! Но отец тоже не поймёт и не поверит. Поэтому… только молчать.

– Жиль, я буду ждать твоего решения. Будь добр, сообщи мне о нём, хорошо? Жду. До свидания, – отец кивнул и пошёл по лестнице вниз.

– До свидания, – тихо сказал Жиль.

Прекрасное настроение было безнадёжно испорчено. Впрочем, отец это умеет очень хорошо. Он подавляет одним своим видом.

Жиль забыл уже, куда хотел бежать, спустился, глянул по дороге в большое зеркало. Да всё с ним в порядке, вот правда! Было. До этого вот разговора.

Так, нужно дождаться Анриетту, у неё тоже должна была закончиться практика. И ехать с ней домой, а потом – идти на репетицию. Скоро посвящение первокурсников, и кто его готовит? Конечно же, Анриетта с друзьями. Правда, Жилю не показывают и не рассказывают всего, говорят – узнает на месте, иначе неинтересно будет. Ему было интересно разузнать всё прямо сейчас, он не терпел, когда от него что-то скрывали или прятали. Но Анриетта держалась кремнём.

Ничего, он всё равно разузнает.

– Привет, ты чего такой смурной? – сестра возникла из бокового коридора и взъерошила его и без того лохматые волосы.

– Представляешь – отец приходил, уговаривал вернуться.

– И что ты?

– Как видишь.

– Не вернулся, что ли? – сестра деланно изумилась, потом расхохоталась и обняла его. – Ну и ладно, поехали домой.

Всё верно, поехали.

9. Быть тем, кто ты есть

Леон шёл по коридору и радовался, что пары закончились, и что погода хорошая, и что можно не торопиться домой, а часок или даже больше покататься в академическом парке – дорожки тут просто загляденье, ровные и гладкие. Но в коридоре его поймал профессор Рош.

– Шеню, будьте любезны – отдайте вот это вашему профессору, – и сунул Леону какую-то бумагу.

Тот глянул – и ничего не увидел. Наверное, заколдовано от любопытных.

– Профессору Саважу? – уточнил Леон.

– Именно. Благодарю вас, – кивнул профессор Рош и удалился, пока Леон соображал, где он сейчас будет искать профессора Саважа.

Потом до него дошло – можно же пойти в деканат факультета и там спросить. Или даже просто оставить и попросить передать, сказать, что от профессора Роша.

Деканат факультета некромантии находился вроде бы совсем рядом, на том же втором этаже, но Леону ещё ни разу не доводилось туда заходить. Незачем было. Он не сразу сообразил, что уже пришёл, вертел головой, разыскивая взглядом табличку на стене – ну, чтобы удостовериться, что правильно пришёл, и не заметил, как на кого-то налетел.

– Простите, пожалуйста, – Леон обернулся и увидел пред-

ставительного молодого мужчину.

Ох, да это же тот самый, который ведёт канал для некромантов, и Леон много почерпнул из того канала! Что этот человек делает здесь, неужели что-то преподаёт? Вот было бы здорово!

Но мужчина смотрел на Леона, улыбался и… гладил чёрного-чёрного котёнка, которого держал в руках.

– Привет, – сказал он. – Ты ведь первокурсник?

– Верно, – кивнул Леон.

– Отлично. Ты-то мне и нужен. Пошли.

– Но… мне нужен профессор Саваж, тут профессор Рош передал для него… – забормотал Леон.

– Ну и хорошо, профессор, наверное, сейчас появится, у него практика с третьекурсниками. Пошли, пошли, – и мужчина открыл ту самую дверь деканата, куда Леон так и так должен был попасть.

Внутри оказался офис офисом, ну или как это называется. Стол, шкафы и куча документов. За столом сидела строгая полная дама изрядных лет, несомненный некромант.

– Дорогая госпожа Мари-Луиз, умоляю вас о чашечке арро, – улыбнулся мужчина.

– Рене, паршивец, ты из меня верёвки вьёшь, – внезапно улыбнулась дама в ответ. – Сделаю. Ой, кто это у тебя? – уставилась она на котёнка.

– Нечаянный сюрприз, – усмехнулся тот, кого зовут Рене. – Жийона здесь?

– Да, пришла уже, тебя ждёт. Ступай, ступай, сейчас всё сделаю, и не хуже тебя самого, – почтенная дама проворно выбралась из-за стола и погрозила кулаком. – Идите уже!

Рене сделал Леону знак – следовать за ним – и открыл дверь, противоположную той, где сияла надпись «Профессор Саваж, декан факультета некромантии». Леон вошёл следом за Рене и оказался в просторной… комнате отдыха?

Диван, два кресла, столы, в углу – ниша с машиной для приготовления арро, чайником и какой-то посудой. А на диване сидела, сбросив туфли и вытянув ноги, и читала что-то госпожа Кариньян – преподаватель анатомии.

– Привет, – сказал ей Рене, наклонился и поцеловал. – Смотри, кто у меня есть, – и осторожно пересадил котёнка ей на колени.

– Кто это, Рене? – строгая и серьёзная госпожа Кариньян улыбнулась.

– Это настоящая некромантская кошка! А то, понимаешь, непорядок – дом есть, настоящий некромантский дом, и в нём ни одной кошки, – смеялся он. – И бабуле будет повеселее, когда она к нам приедет, правда же?

– Правда, – согласилась госпожа Кариньян.

– Её подобрал кто-то в нашем парке и притащил к Анриетте Лимура, потому что все знают – она содержит кошачий приют и вообще понимает, что делать с мелкими кошками. Та закудахтала и потащила к целителям – пусть ветеринары посмотрят. А там уже я их и застал и убедил нашу кошатни-

цу, что мои руки достаточно хороши для зверя и что я уже имею опыт заботы о кошачьих.

– Могу представить, – усмехнулась госпожа Кариньян, почёсывая котёнка.

– Понимаешь, – вдруг обернулся Рене к Леону, – у нас, то есть у моей бабули, была кошка, Пупырка. Прожила с нами семнадцать с чем-то лет и отправилась на свои кошачьи небеса в конце весны. Бабуля скучает, но пока она в Льене – её хоть соседи развлекают. А она собирается к Рождеству приехать к нам и остаться, и как она и без своих соседей и без кошки? А так будет с кошкой, вот. Я думаю, её зовут Чернуля, а ты как думаешь? – спросил он госпожу Кариньян.

– Я думаю, тебе виднее, – кивнула госпожа Кариньян. – Сейчас я дочитаю, мне осталось три страницы, и буду готова идти.

– Читай спокойно, – Рене почесал кошку между ушей и снова обернулся к Леону. – Так, господин первокурсник, вас как зовут?

– Это Леон Шеню, – сообщила госпожа Кариньян, – он был лучшим по итогам вступительных экзаменов.

Леон вытаращился – оказывается, преподаватели его помнят и что-то о нём знают!

– Отлично, – кивнул Рене. – Сейчас Мари-Луиз принесёт нам что-нибудь, и поговорим.

Госпожа Мари-Луиз появилась с объёмным пакетом в руках и принялась возиться в углу с машиной и чайником.

– Скажите, – насмелился Леон, – а вы… что преподаёте?

– Я? – рассмеялся Рене. – Ничего. Я не настолько упорядочен, чтобы в течение целой пары рассказывать об одной и той же теме, и не настолько терпелив, чтобы спокойно относиться к нарушению порядка в аудитории, если вдруг такая беда случится. Случается же, правда? Снежка не даст соврать.

Кто это – Снежка?

Но откликнулась строгая госпожа Жийона.

– Не знаю. У меня не случается, все работают.

Ещё бы у неё не работали, она как глянет – сразу всё желание беситься пропадает. Даже у близнецов де Риньи, а они бесятся почти везде, где только можно.

– Ты талант, – улыбнулся ей Рене и повернулся к Леону. – Нет, я не преподаю и не собираюсь.

– Но постойте, я же смотрел канал, и вы там так здорово всё объясняли, – не понял Леон.

– Ах, вот ты про что! – обрадовался Рене. – Ты смотрел, да? Снежка, он смотрел! У нас есть ещё один человек с реальным отзывом! Короче, рассказывай.

– Что рассказывать? – не понял Леон.

– Всё рассказывай. Откуда узнал про канал, как долго смотрел и как тебе понравилось.

– Очень понравилось, – честно сказал Леон. – А нашла мама, она искала, где бы меня дополнительно поучить, и нашла.

– Мама – супер, – кивнул Рене, и Леон был с ним согласен. – Так, ты вообще у нас откуда?

Пришлось рассказывать с самого начала – откуда он и как оказался здесь. Что пробовал из упражнений и что с того вышло.

– Огромное тебе спасибо за обратную связь, – серьёзно сказал Рене. – Понимаешь, это часть моей дипломной работы. Я запустил для неё несколько проектов, и мне очень важно знать, есть ли в них смысл. А люди не разбегутся писать отзывы, сам знаешь, наверное. Вот я их и собираю по крупицам. Можно мне будет упомянуть твой случай в работе? Я не стану называть твоего имени, об этом не беспокойся.

– Дипломная работа? – по виду Рене, он должен был защитить свой диплом лет так несколько назад.

– Да, я на выпускном курсе, – сказал тот. – Не удивляйся, далеко не каждый некромант поступает в Академию. Если бы не счастливый случай – я бы не поступил. Я окончил магический колледж в Льене, а Жийона – и вовсе Льенский университет. Мы оба имели шанс остаться без нормального магического образования.

Ничего себе, как бывает-то!

– Я думаю, мне тоже повезло, – честно сказал Леон. – Потому что, ну, если бы не господин де Котель, мы бы остались в Авиньоне. Я бы поступил в колледж и не знаю, чем бы потом занимался.

– Это непросто, да. Я вот моделью работал, – сообщил

Рене.

– Правда? – не удержался от восклицания Леон.

– Правда, правда. Был лицом дома Сен-Пре.

– А потом?

– А потом решил, что учиться важнее. И помогать другим некромантам интегрироваться в общество. Понимаешь, о чём я?

Леон кивнул – да, он понимал.

– Некромантам сложнее, чем другим магам.

– Верно. Особенно если ты не из древнего магического рода, а получил свою силу через два-три поколения от кого-то там. Твоя мама – некромант?

– Нет, некромантом был дед с отцовской стороны, я его и в глаза-то никогда не видел, он давно умер.

– Вот, видишь? Некроманты – они такие, могут появиться в любой семье, и не всегда родители знают, что делать с такими детьми. Твоя мама молодец, что не побоялась, и я думаю, она отлично справилась. Скажи, я могу с ней встретиться и поговорить?

– Кто это тут отлично справился? – посреди комнаты возник профессор Саваж. – Со всеми же виделись, так? И с вами тоже, мой юный друг, – кивнул он Леону.

– Э-э-э… профессор Саваж, там профессор Рош передал для вас бумагу, – выдал Леон беспокоящую его информацию.

А то ещё забудет сказать! Уже почти забыл, если бы про-

фессор не пришёл – то и не вспомнил бы.

– Опять кляузничает? Ладно, разберусь. Где бумага? – вздохнул профессор.

Леон отдел ему лист, который так и не выпустил из рук. В руках профессора на нём проступили какие-то рукописные строки.

– Ой, можно подумать, я сам не знаю, что де Риньи балбесы, и нужно мне об этом непременно сказать, – отмахнулся профессор. – Все бывают балбесами, возраст такой. Когда ещё, как не сейчас? Так, что у нас здесь? – оглядел он комнату. – Мари-Луиз, дорогая?

– Несу, – проворчала почтенная дама, и действительно по мановению её рук на столике появился поднос – с чашками, блюдцами, заварочным чайником и кувшинчиком с арро.

И две тарелки с круассанами, от которых шёл упоительный запах.

– Благодарю вас, – профессор поклонился. – Вы не дадите пропасть!

– Ещё бы, – согласилась дама. – Юноша, вам что налить? Арро? Чай? Извините, сладкой газировки не держим.

– Арро, пожалуйста, – пробормотал донельзя удивлённый Леон. – Да, со сливками.

Тут же перед ним оказалась чашка и круассаны на тарелке – с ветчиной и сладкий, они упоительно пахли, их хотелось проглотить прямо на месте.

– Жийона, бросай читать, присоединяйся. Успеешь ещё.

Откуда зверь? Мари-Луиз, дорогая, налейте зверю сливок, будьте добры, наверное, зверь будет рад.

Госпожа Кариньян промычала что-то и продолжала читать, а Рене взял у неё котёнка и сунул ему под нос розетку со сливками. Котёнок жадно лакал.

– Представляете, профессор, Леон смотрел мой канал и дал отзыв, сказал, что ему было полезно, – сказал Рене.

– Отлично же. Леон у нас вообще хороший кандидат на исследование, потому что тот самый случай с наследованием силы, как я помню с экзамена, – закивал профессор. – Понимаешь, Рене занимается важным делом – как это? – формированием положительного образа некроманта в массовом сознании, у него дипломная работа прямо так и будет называться. И ему нужны разные случаи интеграции некроманта в общество. Я думаю, он доберётся до каждого в вашей группе, это просто ты оказался самым первым.

– А это вообще… возможно? Ну, положительный образ? – не поверил Леон.

– А ты посмотри на него, – усмехнулся профессор. – Не зная – не поверишь, что некромант, так ведь?

Правда. Модельная улыбка, располагающая внешность и котёнок. Ну какой это некромант? Вот госпожа Кариньян…

– Всё, я дочитала. Спасибо, профессор, что позволили ознакомиться, это очень любопытно, – сказала госпожа Кариньян и сделала попытку подняться, чтобы положить куда-то листы с текстом.

– Сиди, – профессор забрал у неё бумаги и пропал, но спустя мгновение вернулся – уже без них. – И не забывай питаться, так? Ну, рассказывай, мысли есть?

– Есть, но я, с вашего позволения, их ещё додумаю. Да, созвучно тому, что я хочу написать, и если можно будет сослаться, я буду очень рада.

– Что там? – спросил Рене, передавая ей тарелку с круассанами.

– Статья, которую мне прислал на рецензию коллега из Другого Света, – сообщил профессор. – Плюс он хотел спектр мнений о проблеме. Я не мог не поделиться, сам понимаешь. Жийона, с тебя тоже статья. Опубликуем в одном разделе с этой, будет хорошо.

– Я подумаю, профессор, – усмехнулась госпожа Кариньян.

– А Жийона у нас занимается вопросами теории некромантии, – гордо сказал профессор. – Все остальные их сокурсники – чистые практики, увы.

– Практиком быть плохо? – не понял Леон.

– Практиком быть отлично, – ответил профессор. – И вообще, лучше всего быть тем, кто ты есть, и делать то, что у тебя хорошо выходит. У Жийоны отлично выходит закапываться в теорию и делать выводы, и ещё она отлично умеет объяснять. Рене отлично контактирует с людьми, умеет договориться о чём угодно на выгодных условиях и представить всё что угодно в выгодном свете. И готов работать с тем,

что думают о некромантах другие маги или вовсе простецы. А ты? – и профессор взглянул на Леона остро и пристально.

А что он? Он не знает, так и сказал. А потом решился спросить.

– А что можно сделать с тем, что думают? Это вообще как?

– Вот мы и пробуем разное, – улыбнулся Рене. – Например, кулинарное шоу от некроманта – как тебе?

– Что? – какое ещё шоу?

– Дважды в неделю в прямом эфире я готовлю что-нибудь вкусное с подробным разбором – так, что повторит любой. И у этого канала уже довольно много подписчиков, и комментируют активно и по делу, – сообщил Рене. – Наверное, можно будет придумать что-нибудь ещё.

– Он придумает, я не сомневаюсь, – сказал профессор. – А ты, если придумаешь вдруг что-то интересное, тоже приходи, хорошо?

Леон даже не сразу понял, что эти слова относились к нему. И что он может придумать интересное. Вряд ли, конечно, но…

Но вдруг?

10. Академия – это сила

Что, Жиль уже проучился в Академии целый месяц? Когда успел?

Но это, несомненно, так – потому что сегодня пары только до обеда, и в шесть часов посвящение первокурсников в клубе «Магический огонь», что на территории академического городка. Анриетта уже три дня почти не спит, потому что они с девчонками главные орги этого дела.

Сестра рассказала, что за посвящение первокурсников всегда отвечают выпускники. Ну а кто же на выпускном курсе справится с таким делом лучше Анриетты Лимура?

Да, Анриетта носила фамилию мамы, как, впрочем, и Катрин – старшая сестра хоть и работала на отцовскую корпорацию, но не хотела называться принцессой Роган. Фамилия отца обязывает быть кем-то… кем может быть только отец. И Франсуа. А фамилия мамы позволяет быть тем, кто ты есть на самом деле.

Оказалось, это не так и сложно – сменить документы и получить право называться другой фамилией. Правда, пришлось отнести новые документы ещё и в деканат, и некоторые преподаватели прямо спрашивали – что это вы надумали, а некоторые, вроде профессора де ла Мотта, нет. Господин ректор взглянул проницательно, как умел только он, потрепал Жиля по плечу и сказал:

– Тоже значит, да, – и вздохнул. – Ну, ступай, начинаем лекцию.

Жиль немного побаивался реакции отца. Но если даже правильная Катрин так поступила, то и ладно. Наверное, есть что-то в поверье, согласно которому новое имя должно повлечь за собой новую жизнь. Так что – вперёд!

В день посвящения Анриетта, Джесс и Лали что-то доделывали в своих костюмах дома часов до пяти утра. Жиль упал спать часа в три после того, как сто раз что-то подержал, что-то прижал, что-то нашёл, согрел чайник, наморозил льда, что-то соединил, что-то разорвал и что-то ещё сделал, он уже и не помнил, что именно. А ещё его взяли делать магические эффекты для выступления музыкальной группы «Пламенные» – так они назывались, хотя огневиком из них всех была только Анриетта. Джесс – воздушница, Лали – менталистка, а четвёртая участница, Наоми, и вовсе целитель. Но выступление группы – это одно, а программа посвящения – совсем другое, и тут Жилю так и не удалось вызнать ничегошеньки о том, что ждёт его и остальных.

Его расспрашивали девчонки в группе – что будет, и он отбалтывался как мог. Оказывается, он так умеет, сам не ожидал. Хитрил, смеялся, отшучивался. Говорил – увидите, делал загадочные глаза, переводил разговор на другое. Ну увидят же, правда?

На паре профессора Роша Жиль дремал. Ну кто придумал в субботу пару профессора Роша! На лекции своего родного

профессора Фурми не поспишь, там пришлось встряхнуться. А практика – это ж как песня, это самое клёвое, что вообще есть в учёбе. Но сегодня всё равно хотелось побыстрее освободиться и бежать домой собираться.

– Ты что наденешь? – спросила Анриетта.

Этот вопрос поставил Жиля в тупик.

– Не знаю. Или ты хочешь сказать, что надо надевать смокинг и бабочку? – нахмурился он.

– О нет, необязательно, – рассмеялась сестра.

– Тогда нет вопросов, – он сменил рубашку – клетчатую на клетчатую, да и ладно.

Дальше вызывали небольшой грузовик – чтобы доставить в клуб всё необходимое. Это музыкальные инструменты уже со вчера там, а весь реквизит для программы – ещё нет. В итоге Жиль оказался на месте на час раньше и даже немного помог девчонкам всё разместить – как ему сказали, только то, знание о чём ему никак не помешает. А на последние полчаса Анриетта отправила его гулять, так и сказала: иди и возвращайся вместе со всеми. Что ж, если бы он готовил сюрприз, то ему бы тоже хотелось, чтобы о нём не узнали заранее.

Полчаса тянулись, тянулись и наконец-то закончились. Жиль встретил своих из группы, и не только своих, ещё и с других факультетов, кого-то он уже знал, но не по именам.

– Слушай, ты, наверное, всё знаешь, что будет, да? Это ведь твоя сестра готовит программу? – спросила девчонка

с боевого, у неё на голове топорщились смешные синие косички.

– Кое-что знаю, – улыбнулся Жиль. – Будет круто, веришь?

– Да? Ну ладно, – она подмигнула и унеслась куда-то.

А дальше в фойе собралась толпа – весь первый курс, и другие курсы тоже, и даже кое-кто из преподавателей. Кураторы групп-то точно, например куратор воздушников первого курса профессор Тампет. И ещё кто-то, эти лица Жиль определённо видел.

Фанфары, все замолкают… и перед входом в большой зал, где будет праздник, появляется серая туманная фигура.

– Кто пришёл сюда сегодня? – грозно спросила фигура.

Тьфу ты, это ж Анриетта! И он сам помогал ей ночью делать части от костюма и зачаровывать!

– Мы! Я! Первый курс! – несётся отовсюду.

– Вас-то мне и нужно! Потому что какой вы первый курс?

– Настоящий!

– Мы лучшие! – завопил громко парень из боевиков, здоровенный и рыжий.

– Вот сейчас мы и посмотрим, кто тут лучший, – сварливо сказала Анриетта. – Выходи, если не боишься!

– Я? Боюсь? – рыжий принялся проталкиваться к ней.

Его пропустили, он встал во весь немалый рост, помахал толпе, из толпы его поддержали одногруппники. Ну да, боевики громкие и горластые. А девчонка с синими косичками

вообще визжит ультразвуком.

– Ну, тогда держись, – усмехнулась Анриетта.

Зазвучала музыка – задорный фолк, с потолка посыпались маленькие феечки и принялись танцевать вокруг рыжего верзилы. Тот сначала обалдел, а потом проникся и тоже стал с ними танцевать. И кажется, это было то, что надо, потому что Анриетта первая начала хлопать в такт, толпа подхватила. А парень довольно неплохо двигался, а когда музыка завершилась, поклонился, потом поймал на ладонь одну феечку и поклонился ещё и ей. Боевики завопили «Флинн – чемпион!»

– Ну что, пропускаем? – спросила Анриетта у феечек.

– Да! – зазвенели они тихонько на разные, но очень мелодичные голоса.

Раздался звук гонга, и двери распахнулись. В них влетела толпа феечек, следом шёл довольный Флинн, а три довольные феечки сидели у него на плечах и голове.

– Явились, да? – вторая туманная фигура говорила голосом Джесс. – Ну что, проверим, кто у нас самый сильный?

И дальше пошли всякие прикольные задания – зажечь больше всех осветительных шариков, поднять в воздух и удержать больше всех предметов, взлететь самому – у Жиля получилось где-то на полметра, и то он от себя не ожидал, это от радости, наверное. Вырастить на скорость цветок из семечка, сдвинуть соперника с места магической силой, создать самую красивую иллюзию. И что-то ещё, ещё и ещё. И

заданий было столько, что хватило всем, кажется, никто не отсиделся. Но и силком никого в круг не тащили, некоторые выходили дважды.

А потом Анриетта вышла и сказала, что все молодцы и достойны называться студентами самой лучшей магической Академии населённого мира. И поэтому сейчас – праздник! Но сначала…

Одна из стен дрогнула, и оказалось, что это вовсе не стена, а замаскированная иллюзией сцена. И там уже сидела за клавишами Лали, и ударила палочками по большому барабану Наоми, а Джесс с Анриеттой сняли маски, и балахоны, и оказались… ох.

Чёрные шорты и корсеты, высоченные блестящие сапоги, распущенные волосы, а глаза такие – с улицы видно, наверное. Обе они подхватили приготовленные гитары, Анриетта взяла аккорд, второй…

Жиль подскочил – они договаривались, да. Он стоит возле сцены, усиливает звук и расцвечивает его разными акустическими эффектами.

– Слава свету, слава разуму, слава знанию, силе и радости, слава всем, кто сюда пришёл и кто взыскует мудрости, – первые строки древнего гимна Академии Анриетта и Джесс пропели без сопровождения, в резко наступившей тишине, на два голоса, очень красиво, а Жиль ещё добавил эхо-эффект.

А дальше обрушилась музыка – сверху, снизу, со всех сто-

рон. Гимн репетировали за последние две недели столько, что все участники справлялись с закрытыми глазами. А сейчас, когда подхватили в пару сотен глоток зрители, так и вовсе.

Да, Академия – это сила, кто б сомневался.

И Анриетта де Роган – это сила, как бы она себя ни называла. А кто сомневается… да дурак он, и всё.

11. А дури у нас своей хватает

Клодетт собиралась на посвящение первокурсников, как никогда и никуда. Потому что – ну какие вечеринки она видела раньше? Школьные? Когда тусили у кого-нибудь из одноклассников? Смотрели тупые фильмы, пытались пить и курить – если ты простец, то и покурить можно, не маг же, в самом-то деле. Кто-то кого-то зажимал в углу, кто-то с кем-то уединялся. И это всё было в школе, а сейчас-то уже совсем не школа!

Мама, к счастью, сегодня дежурит, а то бы поперёк порога встала и заставила сто раз повторить все наставления по правильному поведению. А папа не дежурит, но папа свой – по ходу, Филипп договорился с ним и взял какую-то бутылку в рюкзак. Какие, нафиг, бутылки, мы ж будем тусить и танцевать! Ну и ещё что-нибудь делать, наверное. Старшие девчонки говорили, что обычно бывают конкурсы для первокурсников, их выдумывают выпускники. В этот раз главные – Анриетта Лимура с компанией, все говорят, что они крутые и придумают что-то здоровское.

Клодетт наконец-то накрасилась – на учёбу она не красилась уже недели две. Потому что если у тебя первой парой физкультура, да ещё время от времени в бассейне, последней парой практика, а между ними в середине дня ещё может возникнуть рукопашка, то какое тут краситься! Зато се-

годня можно оторваться.

Глаза, губы, асимметричные серьги, шипастый ошейник и браслеты, кожаные брюки и кожаный коротенький топик, и косуха, и каблуки, высоченные, она умеет на таких ходить. Залить лаком косы, чтоб стояли гребнем, как у дракона. Только сегодня утром от мастера, ей заново покрасили волосы и подбрили виски. А то с такой учёбой вообще облезть можно.

– Ты готова? – постучал в её комнату Филипп.

– Да-а-а! – Клодетт подхватила рюкзак и выскочила наружу.

Филипп тоже приоделся – распустил свой хвост, надел серьги, у него есть маленькие, и кожаный браслет, и косуху, и разрисованную ручкой футболку – ещё в школе с друзьями разрисовали как-то перед концертом. Эх, а ведь было время, когда они каждый вечер играли и пели!

Они успели точь-в-точь, появились как раз перед началом. Двери клуба были открыты, и в фойе уже толпились студенты.

– Ни фига себе Малявка! – выдал рыжий олух Флинн. – Малявка, с кем тусуешься сегодня? Может, со мной?

– С тобой только тусоваться, – она подпрыгнула и щёлкнула его по носу. – Давно фингал залечил? Ты смотри, тебе ж ещё поддадут!

С Жанно можно даже обняться, это ничего не значит, и с Франсуа тоже, они лишнего не подумают, и ещё кое с кем. А

кому-то только помахать. И всё, потому что начинают.

Ух, как здорово всё придумали! Первым вылез как раз Флинн, и классно себя показал, а потом были задания для всех. Магические и не только.

– Кто умеет петь, выходи! – скомандовала Джесс Саммер, выпускница-воздушница.

– Я! – завопила Клодетт громче всех, уж что-что, а вопить она умеет отлично.

И стала протискиваться к Джесс, и ещё кто-то тоже – кажется, девчонки с прикладного. Ну им-то сам бог велел, они поди ещё и музыканты!

– Поём вместе! Старинную песенку! Жили у бабуси два весёлых гуся…

Подхватили все, провели начало, а потом нужно было петь и прыгать, петь и вертеться вокруг своей оси, петь вниз головой, петь, задрав ногу высоко и что-то там ещё. Пользоваться магией можно. Что ж, Клодетт продержалась до финала, и вместе с ней две девчонки с прикладного, их зовут Габи и Лидия, что ли? Нужно уточнить.

Ох, как завопили парни, когда Джесс подняла её руку вместе с другими победителями! Орали «Малявка – чемпион». Приятно, хоть эта «Малявка» в зубах навязла уже. Придумали бы что-нибудь поинтереснее, честное слово!

Потом ещё где-то победил Филипп, где-то Саваж, где-то ещё раз Флинн, и парни-некроманты, близнецы, и кто-то ещё. Скучно не было.

А потом…

Одна стена оказалась вовсе не стеной, а замаскированной сценой. И девчонки сняли свои серые балахоны, и оказались в таких крутых кожаных костюмчиках, что все просто ахнули. А когда они запели…

Клодетт, конечно же, знала гимн Академии. И на зачислении его тоже пели, эти же девчонки, просто под две электрогитары. А тут они сотворили какое-то волшебство, не иначе. Потому что простая же песня, старая даже. Но они её спели с такой силой и мощью… у Клодетт сразу обе ладони зачесались, так играть захотелось. Она нашла в толпе Филиппа.

– Слышал, да?

– Слышал, – судя по всему, он тоже пропёрся.

– Вот бы нам так, да?

– Эх. Это ж нужно находить время на занятия.

– Давай спросим, когда они репетируют. Наверное же, всё как-то решается. Я хочу, я очень хочу, я прямо завтра хочу!

– Завтра ты сначала проспись, – ухмыльнулся братик и исчез куда-то на ровном месте.

Клодетт посмотрела – подскочил к девчонке, кажется, она со стихийного. Красивая – смуглая, волосы чёрные, и в них, прямо как у Филиппа, серебристые пряди. Да, у них есть что-то общее.

Маму удар хватит, если Филипп будет встречаться не с целительницей. Ничего, мама переживёт.

А дальше начались танцы – сначала пели те самые «Пла-

менные», то есть Анриетта Лимура и команда, а все радостно колбасились, а потом они уступили сцену другой группе, кажется, это третьекурсницы.

– Ванесса – менталист, Лира и Кармен с прикладного, – говорил кто-то сзади в толпе.

А потом за диджейский пульт встала Хани, первокурсница-менталистка, как это, интересно, она туда попала? Но, судя по всему, пульт она видела не в первый раз и справлялась отменно.

– Эй, Малявка, пошли, не отбивайся от коллектива! – её потянул за рукав Николя.

Что, междусобойчик? Хорошо! Что придумали-то?

Правда, оказалось, что не придумали ничего оригинального. На втором этаже работал бар, там что-то ели и пили, но в основном старшие. Николя провёл её мимо, там рядом оказался типа зимний сад, что ли, в общем, комнатка с экзотическими деревьями и бассейн с рыбками. На бортик бассейна Флинн, Антуан Долле Медведь и Роже Валлон деловито выставляли бутылки и банки с пивом.

– Холодненькое! – гордо сказал Флинн. – Жанно, не зависай, присоединяйся.

– Момент, – усмехнулся Саваж и достал и рюкзака две бутылки.

Две. Бутылки. Белого лимейского.

Но блин же, что ли, кто-то ждал, что Саваж принесёт пиво в баночке? Он и сам-то такой весь из себя – одет в белую

рубашку и джинсы, как обычно, но на рукавах запонки, да хитрые какие-то, с камушками, и на карман какая-то штука с камушком прицеплена возле академического значка.

– Это ещё что? – не въехал Медведь.

– Это, дети мои, нехренически дорогое вино, – пояснил Николя.

– Что? Ну ты и пижон, Жанно! – завопил Флинн. – Значит, пиво тебе не катит, как всем людям, а тебе надо какую-то выпендренную хрень? Малявка, ну хоть ты скажи ему!

– А чего, так-то прикольное вино, – пожала плечами Клодетт.

– Ты где это взял? Его ж в магазине не купишь? – спросил Николя.

– С разрешения деда разжился в его подвале, – продолжал усмехаться Саваж.

– Ну да, я тоже могла сходить в подвал и что-нибудь взять. Филипп-то догадался, это я одна как дура, – вздохнула Клодетт.

– Да ладно, нам хватит, – Саваж подмигнул ей и взялся за первую бутылку.

Мастерски открыл, пробку не упустил, пол не залил. Выпендрёжник, как есть выпендрёжник. Правда, пили всё равно из картонных стаканчиков.

– За нас!

– За первый курс!

– Потом вспоминать будем!

– Как на практике косячили!

– Как Вуату над нами на физре издевался!

– Как госпожа декан ухмылялась, когда Флинн башкой треснулся!

– А что, сам виноват был!

– Неправда! Это ты меня подбил не по правилам!

– Да иди ты!

В общем, первая бутылка разлетелась на ура, почему-то даже те, кто был за пиво, решили попробовать. От второй тоже мигом ничего не осталось, кроме собственно бутылки. Дальше все стали пить пиво – кроме Саважа и Клодетт.

– Да ну, такое дело пивом запивать – кощунство, – сказала Клодетт.

Она до того момента пробовала белое лимейское всего два раза – на юбилее деда весной и когда дома отмечали их с Филиппом окончание школы.

– Пошли танцевать, – Саваж потянул её за руку вниз, там играло что-то бодренькое.

– Нам не влетит за то, что мы тут пьём? – спросила Клодетт.

– Я тебя умоляю, – рассмеялся Саваж. – Все пьют. Тея мне сказала, конечно, чтоб я поглядывал и сам не слишком напивался, ну да я и поглядываю. Все всё знают, в общем.

А потом он втащил её за руку в круг – вот ведь человек, во всём крут, в танцах тоже. Во всяком случае, он не кривлялся под бодрый фолк, как другие, а вполне красиво двигался.

Потом они ещё пару раз сходили наверх, оттуда приходил Флинн и танцевал с девочкой с земляного, кажется, факультета – у неё в чёрных-чёрных, очень красивых волосах блестели красные пряди. Клодетт потанцевала и с ним, и с Франсуа, и ещё раз с Саважем, и с Николя разок. И с парнями-стихийниками тоже, и с кем-то из близнецов-некромантов, говорят, их даже профессор Саваж путает.

А потом между танцами её поймала Марианна Эбер, целительница-ветеринар, её сестра Марта сидит в приёмной у дедушки.

– Клодетт, ты не знаешь, где Филипп?

– А вы, что ли, не вместе тусили?

– Нет, он куда-то откололся. А он очень нужен! Кроме него, сможет помочь только Тина, а она уже сбежала домой, сказала – хочет спать и не хочет пить.

Ну да, Тина и Филипп – лучшие среди целителей. Только… кому это нужна помощь?

– Да там… – вздохнула Марианна. – В общем, Анне плохо, а я не справляюсь.

Клодетт пошла с Марианной, поднялась на второй этаж и в закутке увидела на диванчике Анну де Котель – с которой придурок Медведь на физре тогда лифчик снял. Медведя потом ещё побили всем коллективом, чтобы не позорился сам и не позорил факультет, но сейчас-то дело вообще не в нём. А в Анне, которую очевидно тошнило.

– Что случилось?

– Да мы ей говорили – не нужно столько пить. А теперь я вообще не знаю, как ей помочь!

– Момент, – Клодетт сосредоточилась.

У них с братом друг на друга отличное магическое чутьё. Не подвело оно и сейчас – Филипп нашёлся совсем рядом, в соседнем закутке на таком же диванчике. С ним сидела та девушка с земляного, Даниэла, кажется, и эти пижоны пили из маминых бокалов, предусмотрительно захваченных Филиппом из дома, розовое вино.

– Я вообще против алкоголя, я за полезную пищу и здоровый образ жизни, – говорила Даниэла.

– А я потомственный целитель, и я столько тебе могу рассказать о пользе этого вина, что ты слушать устанешь, – усмехался Филипп.

– А вообще, у нас дури своей хватает, даже без вина, – вклинилась Клодетт. – Пошли, нужна твоя помощь. Врачебная.

– Ой, что случилось? – забеспокоилась Даниэла.

– Сейчас уже всё станет если не хорошо, то приемлемо. Пошли, это недалеко. Потом вернёшься.

Когда они прибежали к нужному диванчику, несчастную Анну неплохо так рвало. Тут же обретался Саваж, откуда только взялся, помогал Марианне её держать.

– Спасай, короче, – выдохнула Клодетт брату.

А она пока его девушку посторожит, чтоб не сбежала.

12. Не пей вина, Гертруда

Жанно, конечно, знал, что бывает на посвящениях в студенты – невозможно вырасти в академической семье и этого не знать. Посмеялся, когда Тея в приватной беседе прямо сказала – ты, конечно, пей, но лучше не в хлам, в хлам лучше дома или ещё на какой своей территории. И за орлами своими приглядывай, чтоб не слишком буянили.

Ну да, Флинну дай волю – пойдёт вразнос, проходили ещё в последнем классе школы, знаем. И ещё кое-кому тоже.

Жанно решил быть оригинальным. И выпить, и так, чтобы не насмерть. Дед в ответ на просьбу усмехнулся понимающе и сказал только – с чем придётся не мешай. И дай знать, если что, – заберём. Открыл для Жанно дверь заветного погреба и одобрил его выбор. Мол, правильно, пусть молодёжь пробует приличные напитки, а не только что попало.

Ну, что попало-то было, прямо скажем – в избытке, на сухую никто не уйдёт. Жанно же хотел не напиться, а добыть девушку.

Девушек на курсе, конечно же, хватало. Всяких – и обычных, и красивых, и ослепительных. К последним относилась, например, русалка Финнея, которую бестолковцы-однокурсники прозвали Хвостатой Фигнёй, потому что дразнилась, обливала с полпинка и жёстко высмеивала. Жанно к ней пока не приближался, только со стороны поглядывал, можно

было попробовать осторожно подкатить на вечеринке. Или вот Анна де Котель красивая девушка. У воздушников есть красивые, и у менталистов. В общем, открываем охоту.

В ответ на предложение охотиться совместно и поддерживать друг друга в этом благом деле Франсуа усмехнулся, а Флинн сообщил, что все красивые девушки сегодня и так будут его, чего напрягаться-то?

Белое лимейское произвело то самое впечатление, которое было нужно, а дальше можно и пойти. Жанно сначала танцевал с Клодетт, потом прицельно пошёл приглашать знакомых и красивых, а потом…

Он сначала не поверил. Что ей здесь делать? Но Лина Дюваль стояла себе у стены, поглядывала надменно на всё происходящее и болтала с подружкой. Ладно, Лина – это Лина, ей первокурсники что насекомые, пойдём по доступным целям.

Доступные цели оказались… реально доступными. Финнея легко позволяла обнимать себя в танце, не съёживалась и не боялась, и даже сама поцеловала его в финале. Шанталь с воздушного не сводила глаз всю дорогу. Маринетт с огненного тоже смотрела прямо и недвусмысленно и легко поглаживала его ладонь. Вот только Анны де Котель не было видно, она мелькнула в официальной части, и всё. Какая-то нереально красивая – изумительно белокожая, чёрное платье ладно облегает её фигуру, с пышными бёдрами и тонкой талией, загляденье. С ней бы потанцевать, погладить через

ткань этот невероятный изгиб…

Он танцевал с Клодетт, после танца они отошли к стене, и к ним подбежала Марианна Эбер, целительница, её старшая сестра работает в приёмной ректора. И у деда работала, и сейчас у профессора де ла Мотта работает. Из её эмоциональных слов выходило, что кому-то нужна помощь. Подрались или допились?

Допились. И не кто-то там, а та самая Анна, воспитанная красавица. Что ли, не умеет совсем? Или не ела сегодня? Или всё вместе?

Жанно учил пить дед. Давал попробовать разное, велел отследить, как принимает организм, сочувствовал случившемуся похмелью и снабдил полезными советами, как сделать, чтобы приятного было больше, а неприятных эффектов – меньше. И на паре школьных вечеринок эти советы деда ой как пригодились. Наверное, Анне просто не досталось такого деда?

Конечно, красавица сейчас была совсем не красавица, но что поделать, косячат все. Клодетт нашла своего брата, тот вместе с Марианной начал производить какие-то манипуляции, и беднягу хотя бы полоскать перестало. А Клодетт придерживала за рукав девушку, которая пришла вместе с её братом – мол, подожди. Не убегай, он сейчас всё сделает и снова будет весь твой. Программа помощи брату в действии?

– Жёсткая какая-то интоксикация, – сообщил Филипп де ла Мотт. – Она вообще что пила?

– Да всё подряд попробовала, – махнула рукой Марианна. – Её Финнея, паршивка, сбила с толку. Она, наверное, кроме вина по глоточку и не пробовала больше ничего, а тут – понеслась душа в рай.

– Какой уж тут рай, – нахмурился Жанно.

– Всё, готово. Только её бы сейчас не трогать, а лучше вообще спать положить, – сказал Филипп. – Проснётся – будет как новая. Разве что голова поболит, ну это уже как водится.

– Где она живёт? – Жанно понимал, что не дело – оставлять девушку вот так.

– Да я бы знала, – вздохнула Марианна. – Хотя стоп, есть же тот, кто знает. У неё же брат есть.

– Брат? – изумился Жанно.

– Сводный. Её отец и его мама замутили и решили жить вместе, а дети друг друга сильно не любят. Ну, про него я не знаю, а она-то точно не любит.

Жанно подумал – если вдруг кто-то из родителей сойдёт с ума и заведёт другую семью, сможет ли он полюбить сводных, как родных? Да кто его знает. Но сейчас нужно действовать.

– Так, давайте найдём брата. Как его зовут, кто он?

Оказалось, что это Леон Шеню с некромантии, дедов студент, дед его похваливает. Но, увидев Анну, парень впал в ступор.

– И что с ней делать?

– Доставить домой. Подскажи адрес, мы не знаем. Я сей-

час вызову такси.

Леон сказал адрес, Жанно принялся искать машину через приложение, но никто не хотел ехать в полночь субботы в студенческий городок, в известное злачное место студентов-магов. Дед рассказывал, что студенческая таверна была на этом месте всегда, сколько существовала Академия. И всегда в ней буянили.

– А ты сам как домой собрался? – спросил Жанно Леона. – Или до утра, а там уже метро заработает?

– А я как всегда, – пожал тот плечами. – Тени доведут.

Тьфу ты, он же некромант.

– Так, а если мы с тобой сейчас возьмём нашу красавицу и таким образом уведём домой? Мы держим её с двух сторон, ты нас ведёшь. Должно сработать.

Леон глянул испытующе.

– И что, ты не боишься? Совсем не боишься?

Ну как…

– У меня дед-некромант. Я пробовал.

Один раз и давно, не понравилось. И ещё пробовал бой с некромантом, учеником деда, это тоже было своеобразно.

– В смысле, встроенная защита? – усмехнулся Леон.

– Нет, но что-то такое немного есть, – Тея о том же говорила. – И гены нужные во мне есть, у меня могут быть дети-некроманты. Например, сестра моего отца – чистый боевик, и муж её тоже, а сын у них – некромант. Пошли, короче. Девчонки, присмотрите тут, ладно?

– Сейчас найду кого-нибудь из бытовиков, попрошу помочь с уборкой, – кивнула Марианна.

Они с Леоном подняли почти бесчувственную Анну – Жанно посмеялся про себя, что вот тебе случай потрогать, только ведь не то, совсем не то! Она бессмысленно таращилась куда-то и только вздыхала. Ничего, закинули её руки себе на шеи, подхватили с обоих боков.

– Считаю до трёх, и вперёд. Один шаг, – сказал Леон.

Он сосчитал, и они сделали этот шаг… жутко, очень жутко, но – можно вытерпеть. Жанно открыл глаза и увидел просторный красивый холл большого дома.

– Сейчас дотащим её до комнаты. Наверное, лучше ещё раз так же, чтобы по лестнице не ходить, – сказал Леон.

– Кто это тут? Это вы, господин Леон? – на голоса вышла женщина средних лет, одетая, как прислуга.

– Добрый вечер, Жозина. Тут вот Анна…

Женщина закудахтала, на её причитания выглянула ещё одна – строгая деловая дама, похожая на Леона.

– Леон, ты молодец, – она потрепала сына по макушке. – И вам спасибо, молодой человек. Сейчас мы её спасём.

– А она не будет против? – пробормотал Леон.

– Что поделать, это уже завтра. А сейчас ей очевидно нужна помощь.

Жанно с Леоном ещё за один шаг доставили Анну к дверям её комнаты, оттуда уже затащили внутрь и уложили на кровать. И можно было возвращаться на вечеринку.

– Леон, ты уже вернулся или ещё нет? – кажется, матушка некроманта всё понимает правильно.

– Нет ещё. Я буду позже. Пока, мама, – помахал он матери.

Жанно молча поклонился, и ещё за один шаг они оказались в клубе, где по-прежнему всё вопило и грохотало.

– Всё хорошо, да? – вцепилась в них Марианна.

– Наверное, её камеристка разберётся, – пожал плечами Леон.

– А ты что, и на учёбу так ходишь? – спросил Жанно.

– Почему хожу? Езжу, – усмехнулся тот. – На скейте.

– Супер. А если на мотоцикле?

– Не пробовал.

– А если попробовать? На следующей неделе?

– Можно, наверное, – Леон смотрел с изумлением.

– Договорились, – Жанно пожал ему руку и сбежал по лестнице вниз.

Прошёл мимо Флинна, взасос целующегося с девой-стихийницей весьма хищного вида, отмахнулся от Медведя Долле, который тащил в сторону лестницы наверх бутылку чего-то покрепче, чем пиво, и вышел в главный зал.

Там Анриетта Лимура руководила каким-то общим танцем с переменой партнёров. Жанно подхватил Роберту, балеринку с прикладного, они по утрам в соседнем зале занимаются, и встал в круг. Ну точно – несколько несложных совместных движений, и разошлись. И всем весело.

У него сменились ещё две партнёрши, а потом вдруг перед

лицом возникли огромные тёмные глаза, а на плечи легли тонкие пальчики Лины Дюваль.

13. У тебя есть ты

Лина смотрела… с удивлением смотрела. Почти по-человечески. И менталист в Жанно даже уловил некий отблеск интереса к его персоне, неужели?

Так бывает, правда?

Музыкальная фраза закончилась, Лина ушла, к нему прибежала Клодетт. С ней можно смеяться о чём угодно и сочувствовать бедняге Анне. Потом приходили другие девушки, а музыка всё продолжалась, и – снова появилась Лина.

Однажды родители привезли и Жанно, и младших на каникулы к деду с бабушкой, давно это было, Оливье ещё даже в школу не ходил, а ему уже десять лет. И дед повёл их всех в мега-парк аттракционов и всяких развлечений. И получился чудеснейший день – возможность побеситься с младшими, крутиться на каруселях до посинения, есть мороженое, сладкую вату и попкорн – сколько в них помещалось, всего уже и не упомнишь, что они там делали. Но в какой-то момент мелкие устали, и они все сидели на большой скамейке – Жанно переводил дух, Мари-Изабель теребила новую, только что купленную куклу, а Оливье пошёл играть с другими детьми в песочницу. И что-то он там не поделил с какой-то столь же маленькой девочкой и прибежал к деду жаловаться – она не хочет с ним играть, её нужно стукнуть! Дед посмеялся и сказал, что стукнуть категорически нельзя, и все

эти слова говорить тоже не нужно, нужно посмотреть. Просто посмотреть. И улыбнуться.

– Да ну, – сказал Оливье. – У меня ж нет никакой красивой игрушки, чего улыбаться просто так!

– У тебя есть ты, – сказал дед. – Смотри так, будто ты сам – ценность, и с тобой будет интересно.

– А если не будет? – Марибель оторвалась от куклы.

– Тут два варианта. Или постараться, чтобы стало интересно, или зачем тебе тот человек, которому неинтересен ты сам?

– А если она всё равно не будет играть с нашим Оливье? – не отставала Марибель.

– Он-то хуже не станет, мы же его знаем, – и дед потрепал Оливье по макушке. – Он останется тем же, никак не изменится, мы всё равно будем его любить, правда же? Что нам какие-то девочки!

– Покажи, как посмотреть, – потребовал Оливье.

Дед усмехнулся… и показал.

Жанно понятия не имел, что понял младший братишка, но та девочка заинтересовалась легко, и потом их с Оливье с трудом оторвали друг от друга, когда родители девочки собрались уходить – дети хотели играть дальше. А сам Жанно позже попытался потренировать такой взгляд и улыбку на девчонках в школе, и оно, чёрт возьми, работало! Чаще всего работало. А если вдруг нет – он помнил дедовы волшебные слова о том, что он-то у себя в любом случае останется.

И сейчас воспоминание пронеслось молнией, а губы сами сложились в улыбку. Посмотреть, чуть шевельнуть ресницами. О нет, я так просто мимо шёл. Но я неплох, весьма неплох, сам по себе, можно проверить…

Жанно не сразу понял, что случилось, но они с Линой както выпали из круга, успев до смены партнёров, и теперь стояли, обнявшись, у стены, в свете истерически мигающих магических огней. Он не сводил с неё глаз… она, кажется, даже немного смутилась, но потом взяла себя в руки.

– И что же? – спросила.

А дышит-то, дышит – совсем неспокойно, будто он ей тоже симпатичен.

– Как скажешь, – он чуть отпустил руки и снова улыбнулся. – Скажешь – повернусь и уйду, и не оглянусь ни разу.

Она помолчала, потом как будто решилась.

– Ты… где живёшь? Не один ведь, так?

– Нет, – согласился он. – Но номер в гостинице решает вопрос.

Он никогда не пробовал, но слышал, что работает.

– Вот ещё. Я живу недалеко… если не боишься.

– И чего мне следует бояться? Говори сразу, я хотя бы знать буду, – смеялся он.

– Мало ли, вдруг у меня живут хищные коты, которые не любят делиться вниманием хозяйки?

– Я, знаешь ли, тоже тот ещё кот, – не зря Саважей называют дикими котами, и в гербе у них кот не зря, ой, не зря!

– В самом деле? Тогда пошли, – она поглядывала на него из-под густых ресниц, испытывала.

– Пошли, – он не раздумывал ни минуты.

Она нашла свою элегантную сумочку, он взял рюкзак. Помахал Клодетт – та стояла в фойе с какой-то девчонкой, они по очереди пили минералку из одной бутылки. И двинулся в неизвестность.

– Через парк, – сказала она.

Он взял её за руку, она не возражала. Гладил ладонь – осторожно. Хотелось сжать, но он же не дикарь какой-нибудь и не будет торопиться.

Ночь оказалась приятно прохладной, она посильнее запахнула свой жакет, тогда он просто обхватил её за плечи.

– Так теплее?

– Да, спасибо.

– Вот и хорошо, – выдохнул почти что ей в ухо, коснулся носом распущенных волной волос.

Она жила и впрямь совсем рядом – старинный дом, верхний этаж, небольшая квартира. Два кота с ярко-голубыми глазами встретили их у порога, каждый получил по магическому шарику в качестве игрушки.

– А погладить можно? – спросил Жанно. – Не съедят?

– А как договоришься, – усмехнулась она. – Пошли в душ.

Она подхватила заколкой волосы, открыв невероятно красивую шею, сбросила жакет, оставшись в микроскопическом чёрном топике, а потом ещё и юбку в складку. Он просто

стоял, разинув рот, потому что… потому что.

О нет, её невозможно сравнить ни с одноклассницей Мари, ни с Лорел, лейтенантом Легиона, с которой Жанно познакомился прошлым летом, когда отец брал их троих, с Франсуа и Флинном, в тренировочный лагерь. Она… она восхитительна. А в мягком магическом свете – так и вовсе.

– Ты не передумал? – ещё и смеётся.

– Нет, – подошёл и поцеловал.

А она ответила, ответила смело и открыто, как Лорел, но и нежно, как Мари. Кажется, в ней сошлось всё лучшее, что только может быть. Она дерзко улыбается, не рвётся командовать, но позволяет вести. Она – совершенство.

И если это была охота, то у него сегодня всем добычам добыча!

…Кот заскочил на постель и с недовольным ворчанием прошёлся по спине Жанно. Второй кот заскочил с другой стороны и тоже заворчал – глухо и угрожающе.

Жанно потянулся погладить и был схвачен зубами за пальцы. Замер – и кот тоже не стал впиваться, только держал. Второй подошел к хозяйке и смотрел с её стороны, и ощущение было такое, что оценивает – не нужна ли коллеге помощь.

К слову, коты были, на взгляд Жанно, совершенно одинаковые. С тёмными бархатными мордами и лапами, и голубыми глазами. И совершенно не игрушечными зубами и когтями.

– Это что он мне хочет сказать? – рассмеялся Жанно, когда кот прикусил пальцы сильнее.

– Что он сам обычно спит здесь и собирается ложиться, но ты ему мешаешь, – усмехнулась Лина. – Синь, отпусти. Линь, спокойно. Он уже уходит, на него не нужно нападать.

Чего? Вот так, сразу?

Жанно посмотрел на Лину… взгляд её был непроницаем, менталистка есть менталистка. Он, конечно, в этом вопросе по сравнению с ней котёнок. И что это было, спрашивается?

Ему не нужно было повторять дважды, уходит – так уходит. Одеться и подхватить рюкзак – не так и много времени нужно.

– Я не знаю, что ты сейчас думаешь, Лина, но ты так хороша, что я не нахожу слов, чтобы сказать тебе об этом, – нужно быть вежливым до конца, так? – Открывай свою дверь.

Она встала, грациозная и гибкая, подошла, взглянула на него… чуть приподнялась на цыпочки и поцеловала. Молча. И отперла дверь.

Можно было вызвать такси, улица принца Луи – это вам не клуб «Магический огонь», приедут. Но хотелось прийти домой с холодной трезвой головой, если это вообще сейчас возможно.

И кто, спрашивается, на кого охотился? Или это было ему, чтоб не зазнавался – мол, захочу, и будешь мой, сколько захочу, столько и будешь? Или… или ей с ним просто не зашло?

У тебя есть ты. И если кому-то ты не зашёл – то и ну его, правильно?

Или нет?

Когда дверь дома на улице Сент-Антуан отворилась, повинуясь толике силы из ладони Жанно, и тихонько закрылась за ним, в фойе тут же сгустился воздух и появился дед. Неужели ждал его? Или своими делами занимался?

– Трезв и потрёпан, – вынес вердикт Жан-Александр де Саваж. – Победой не пахнешь, впрочем, глобальным поражением – тоже. Будем запивать?

– Будем, – не раздумывая, согласился Жанно.

Наверное, это то самое, что сейчас нужно.

14. Благодарность

В воскресенье Анна проснулась едва живая. Господи, что с ней было-то, как же так вообще вышло?

В целом здоровая, никогда в жизни она не испытывала такой слабости, такой дурноты и головной боли, и такого отвращения к себе. Спать получалось очень плохо, всё время приходили какие-то очень неприятные видения. А сейчас болела голова.

Встать, добрести до ванной. Умыться. Пить хочется – сил нет. Звать Жозину, наверное. Наверное, она знает, как Анна оказалась дома, сама Анна этого вообще не помнила.

Жозина пришла с подносом. Какой-то отвар с резким запахом, кувшин с водой, стакан. И ещё что-то, Анна не разглядела.

– Деточка, ты в порядке? – когда отец не слышит, Анна для Жозины деточка.

– Нет, – покачала Анна головой, впрочем, осторожно.

– Пройдёт, не переживай. Давай-ка, выпей вот это, – и Жозина сунула Анне под нос ту самую чашку с отваром.

– Что это? – нахмурилась Анна.

– Пей, поможет, – сказала Жозина.

Анна выпила – вкус был горьковатый, но это и хорошо. Тошнота улеглась, голова перестала кружиться.

– Откуда это?

– Госпожа Шеню сварила, она умеет.

Что?

– А… почему она?

– А кто ещё в доме маг? – пожала плечами Жозина.

И что, теперь весь дом знает о том, что она… вчера…

– Как я попала домой? – нужно знать всё.

– Так господин Леон тебя привёл, своими жуткими некромантскими путями. Вместе с другим молодым человеком, красавчиком, если бы не диковатые жёлтые глаза, ну куда это годится – парень с жёлтыми глазами?

Саваж, что ли? Он и впрямь может выглядеть немного не по-человечески.

Только ещё не хватало! Ей помогли Леон и Саваж? Откуда они только взялись?

Но если бы не они, то что бы тогда с ней вообще было?

– А отец… знает?

– Что ты, он вернётся из поездки только вечером. Не думаю, что госпожа Шеню рассказала ему.

Анна же как раз считала, что та всё рассказала первым делом. Но ведь ничего уже не поправить? Это повергало в ужас, потому что… потому что…

И ведь вчера, наверное, её видел весь курс, и все старшие. Вот позорище-то! Как она теперь вообще завтра пойдёт на занятия?

Жозина поохала и ушла, и хорошо. Анна пыталась дремать – после отвара госпожи Шеню спалось намного легче.

Ей даже удалось на некоторое время уснуть без сновидений, и снова она открыла глаза уже хорошо так за полдень.

Хочешь не хочешь, а нужно жить дальше. У неё нет вариантов, не ходить в Академию нельзя, завтра лекция профессора Роша, который отмечает присутствующих, и профессора де ла Мотта, и специальность тоже есть, её вообще нельзя пропускать.

Анна проверила телефон – оказывается, ей уже успели написать Марианна и Финнея. Спрашивали, как она. Анна села поудобнее и принялась отвечать – русалке просто написала, что всё в порядке, а Марианну взялась спрашивать, что вообще было. Та тут же позвонила и рассказала – что позвала Филиппа де ла Мотта, а найти его помогала его сестра, а с ней пришёл Саваж. И как потом нашли Леона, и они с Саважем отвели её домой жуткими некромантскими ходами.

Тьфу, в здравом уме и не сунулась бы, а теперь, выходит, уже один раз побывала? Мысль внушала ужас, с другой стороны – наверное, её не обманывают? Это, наверное, слишком – придумать такую историю, чтобы только её разыграть?

Она поблагодарила Марианну и выбралась из постели. Слабость, головокружение, но хотя бы уже не тошнит так, как раньше. Можно умыться.

Жозина принесла поесть – какого-то специального бульона, уверяла, что должен хорошо помогать. Бульон оказался вкусным, прозрачным, к нему было нежирное мясо и зелень. И свежий хлеб. Ох, спасибо, Жозина, самое то.

– Это госпожа Шеню приготовила бульон.

– Сама, что ли? – мама отродясь ничего не готовила, и Анна тоже не умела.

– Сама, сама. Она ведь раньше без прислуги жила и вообще всё дома сама делала, она отлично умеет.

Надо же, как бывает. Это ведь придётся её благодарить! И как, спрашивается, это сделать?

О нет, Анна понимала, что госпожа Шеню никак не виновата в том, что её родители расстались. Но и со своим к ней отношением тоже ничего поделать не могла. Ну не любит она госпожу Шеню, и всё. Но, кажется, любить и не нужно, нужно просто быть вежливой, а это Анне обычно удаётся…

От размышлений отвлёк тихий стук в дверь. Кто там ещё?

Она поднялась и как была в пижаме дошла до двери и открыла – чуть-чуть. И увидела Леона Шеню.

– Анна, ты как?

Ещё один. Но ведь он ей помог вчера, да? Если бы не он и не Саваж, то и думать не хочется, что бы было? В лучшем случае – просто лежала бы где-то в клубе до утра…

– Мне уже лучше, спасибо, – выдохнула она. – И… спасибо, что помог мне вчера.

– Это Саваж придумал. У меня бы не хватило ума, я никак бы не догадался тащить через тени не некроманта, а другого мага. Но вроде бы всё получилось.

– Страшно было? – спросила Анна.

– Мне – нет, – улыбнулся Леон. – А Саваж сказал, что раз у

него дед-некромант, то ему тоже не страшно, у него какие-то там гены есть. Мы беспокоились только за тебя. И кстати, он просил узнать, как ты, и сказать ему. У него тебя нигде не оказалось – ни в телефонных номерах, ни в мессенджерах, ни в соцсетях. И он попросил меня узнать.

– Передай ему… большое спасибо. И скажи, что я в порядке. Пожалуйста.

– Сама не хочешь сказать? – улыбнулся Леон.

Прямо как обычный нормальный человек улыбнулся.

Вообще, конечно, правильно благодарить за помощь самой. Отец всегда так говорил – не забывай о благодарности, когда люди что-то делают для тебя от сердца. Просто потому, что могут это сделать.

– Да, ты прав, – Анна не глядела на сводного брата. – Скажи мне, пожалуйста, его номер, я напишу.

Леон продиктовал номер, она записала его себе в контакты. Сейчас нужно написать, сразу, пока решимость не прошла. Она кивнула, ещё раз поблагодарила и закрыла дверь – долго стоять всё ещё было трудно. Тьфу, да зачем она вообще вчера пила? Да ещё пробовала разное? Когда до того её максимум был – глоток хорошего вина за весь вечер?

Анна снова забралась в постель и сразу же написала Саважу. «Большое спасибо за помощь вчера». Всё, этого достаточно. Прочитает сразу? Или нет?

Прочитал. Тишина. Ничего не пишет в ответ. Молчит. Правда, что ли, молчит? Правда. Трудно, что ли, хотя бы сти-

кер какой послать?

Ох ты ж, звонок. Ну да, зачем писать, если можно позвонить. Отвечать или нет? Что хуже – ответить или сделать вид, что не видела и не слышала?

Анна смотрела, как палец сам нажал на «Ответить».

– Привет, – да, тот самый бархатный голос. – Ты там как вообще? В порядке?

– Привет, – выдохнула Анна. – Да, спасибо. В порядке.

– Тебя не ругали?

– Нет, пока нет.

– Ещё могут, что ли?

– Не знаю. Отца нет дома, он в деловой поездке, и вернётся только вечером. Он не знает.

– Так если он у тебя строгих правил, то пусть лучше и не знает, правда?

Анна поняла, что ничего не знает о взглядах отца на молодёжь, которая напивается на студенческих вечеринках.

– Я… я не знаю.

– В любом случае удачи тебе!

– Спасибо.

– Завтра увидимся.

– Да.

– Тогда до завтра.

– До завтра…

Анна опустила руку с телефоном. Просто поговорили, ничего особенного. Он вроде бы не считает, что с ней что-то

не так. И Леон Шеню не считает. Ладно, нужно сделать ещё одну вещь, хоть и не хочется.

Она оделась, подобрала в хвост волосы и спустилась вниз. В столовой негромко разговаривали, прислушалась – госпожа Шеню и Жозина. И говорили вовсе не о ней, а о каком-то фильме, который, кажется, смотрели обе.

Маме никогда в жизни не пришло бы в голову смотреть вместе с Жозиной фильм и потом его обсуждать. А госпожа Шеню – обсуждает.

Анна вошла, обе они тут же глянули на неё.

– Деточка, ты в порядке? Голодная? – спросила Жозина.

– Анна, как ты себя чувствуешь? – спросила госпожа Шеню.

– Всё в порядке, спасибо, – кивнула Анна. – И… спасибо вам, госпожа Шеню, за помощь, – смотреть на неё не вышло, и сказать получилось только тихо-тихо.

– Ничего страшного, дело житейское, – отмахнулась та. – Главное, парни сообразили и притащили тебя домой, дальше уже проще.

Проще ли? Узнаем завтра.

А завтра поджидали новые проблемы.

15. Тот, кто одарён

Первая пара – лекция по специальности, там всё хорошо. Финнея в начале подошла, осмотрела Анну и удостоверилась, что та в порядке. Да и всё.

Затем на лекции профессора Роша все, решительно все обменивались записочками и переписывались в мессенджерах – про посвящение. И всю перемену проболтали. Анной интересовались брат и сестра де ла Мотты, и потом ещё подошёл Саваж. Подмигнул, улыбнулся, сказал – рад, что с ней всё в порядке.

– А что твой отец?

– Ничего, – выдохнула Анна. – Я не рассказала ему. Просто промолчала. Всё уже в порядке, и ладно.

– Вот и славно.

– А тебе бы что сказали дома в такой ситуации?

– Да вряд ли что-то ужасное, – усмехнулся Саваж. – Я, знаешь, почти не пил, так вышло, других дел хватило. И восполнил недостаток алкоголя в организме уже дома, в компании деда. Ты думаешь, он стал бы меня ругать? Нет, стал бы – за подлость или глупость. За такую глупость, которая оказалась опасной, или вредной, или с далеко идущими последствиями. Вроде бы я пока ничего такого не делал.

Анна бы спросила ещё про того деда, но пришёл профессор де ла Мотт. И с ходу напомнил, что сегодня у них про-

верочная работа по теории, как он и обещал.

Тьфу ты. Анна совершенно забыла об этой работе, а ведь профессор в самом деле предупреждал. И она собиралась в воскресенье готовиться, хотя бы почитать лекции и учебник. И совершенно забыла! Потому что, ну, вот вообще не до того было.

И что же делать?

Профессор позвал нескольких человек помочь раздать бланки, из их части большой аудитории вызвалась Марианна. Анна взяла у неё лист и стала смотреть – так, первая часть – это тест. Нужно выбрать правильные ответы. Может быть, это не сложно? А вот вторая – там нужно описать своими словами, что происходит, если ты начал магическое действие, характерное для твоей преобладающей силы, и не завершил его. Тема последней лекции с прошлой недели. Анна задумалась – что будет? Лужа будет, да и всё. Если она напишет про лужу – это будет правильно? Или нужно что-то другое?

А вот с тестом оказалось как-то сложно. Почему-то формулировки вопросов не вызывали у Анны вообще никакого чувства узнавания. Поэтому она часть ответов списала у Марианны, а часть – у сидевшей с другой стороны Финнеи. И понадеялась, что они разобрались в предмете лучше неё.

Но она хотя бы сдала работу, а были такие, кто ничего не сдал вообще! Кто-то из воздушников ответил только на вопрос о магическом действии, кто-то принёс только тест, а

когда все они вышли из аудитории, то увидели там Флинна с боевого, огромного и рыжего, и с ним была девушка из земляных. И на парах с утра их не было – ни у профессора Роша, ни вот сейчас. Флинн увидел Клодетт де ла Мотт и завопил:

– Малявка! Малявочка! Стой!

– Чего тебе, прогульщик несчастный? – спросила та.

– Слушай, ты ведь можешь поговорить с профессором, чтобы он пока не писал нам прогул? Мы придём и всё отработаем! И всё напишем, правда-правда!

– А чего вдруг я? Идите сами да и договаривайтесь, пока он не ушёл.

– Ну он же тебе не чужой и послушает, – Флинн смотрел умильно, на такие взгляды все всегда поддаются.

– Да иди ты, послушает! Ага, три раза. Я за себя-то не прошу, а тут ты!

– Флинн, ты где это был? – за плечом Клодетт возник Саваж.

– Да проспали мы, – вздохнул рыжий верзила. – Так получилось, понимаешь?

И переглянулись с девушкой, у неё какое-то странное имя и хищное выражение лица. Девушка глянула на рыжего и рассмеялась. Чего смеяться-то?

– Ну, прокосячили – выгребайте теперь, – пожал плечами Саваж. – Иди с повинной, говори, что придёте оба и пересдадите, когда он скажет.

– Ладно, – вздохнул Флинн и потянул девушку к дверям.

– Лои, пошли каяться. Тьфу ты, не успели, он уже куда-то исчез.

– У него портал, дурья твоя голова, – рассмеялся Саваж.

Профессор де ла Мотт сказал в начале, что результаты будут сегодня вечером на странице в приложении. Да, в приложении есть такая страница, где должны быть результаты всего начиная от вступительных экзаменов, дальше всякий промежуточный контроль и потом сессия. Анна обновляла ту страницу до посинения, весь вечер дома, пока не увидела отметку – «неудовлетворительно». И приписку – явиться к профессору завтра после всех пар.

Ну вот, ещё только не хватало. Ничего-то она не может – ни выпить, ни тест написать. Может быть, уже пора переводиться в колледж? Или ехать к маме в Другой Свет?

Мама звонила редко, Анна тоже не навязывалась. Они разговаривали раз в неделю или две, и вроде бы обеим было нормально. И Анна не находила в себе сил говорить о том, что её волнует, больше говорила мама. О том, как живёт, где бывает, что покупает. Анна же не понимала, как рассказывать об учёбе и о трудностях той учёбы человеку, который не маг. Поэтому – мама, наверное, будет рада, если Анна приедет, но… Нет.

В чатике их водной группы все уже радостно делились результатами, «отлично» получили только двое – зазнайка Джемма и толстый флегматичный Тома. Остальные делились ожиданиями и результатами. Впрочем, неуд, кроме Ан-

ны, получила ещё и Финнея. Выходит, списывать у неё было гиблым делом.

Анна написала Марианне – у той вышло «достаточно». Минимальный проходной балл. Эх, тоже не тот вариант, чтоб списать. Но Марианна не расстраивалась – подумаешь, говорила она, это ж не конец света. Эту работу, по её словам, заваливали многие, потому что ещё не въехали. Ничего страшного, въедем же когда-нибудь – так она сказала.

И пришлось Анне на следующий день пойти после пар не домой, а в кабинет к профессору. То есть прямо в приёмную ректора. Там ей кивнула сестра Марианны и показала на дверь без таблички. За дверью оказалась ещё одна приёмная, а уже оттуда, видимо, попадали в нужный кабинет.

Анну бурно приветствовали – в приёмной уже набралось человек десять. Кроме них с Финнеей, ещё Флинн и Лои, и ещё двое парней с боевого, и парень с воздушного, сын Луи де Рогана, и девушки с прикладного. Интересно, а что получил Леон Шеню? Спросить, что ли?

Профессор показался из кабинета и оглядел их компанию.

– Собрались, отлично. О'Флай и Лю, начнём с вас. Не желаете сказать, какая важная причина помешала вам прибыть на занятие?

Громадный Флинн поднялся.

– Ну мы… простите нас, профессор. Мы больше не будем, – он притом честно смотрел на профессора сверху вниз.

– Простите нас, профессор, мы случайно забыли про бу-

дильник, – Лои Лю встала рядом с Флинном, поглядывая на профессора из-под пушистых ресниц.

А волосы у неё… ох, у Анны никогда таких не вырастало. До колен. И с разноцветными прядями – с одной стороны ярко-красные, с другой – серебро. И что, ей нравится диковатый Флинн? Видимо, нравится, раз стоят и за руки держатся.

– Идём со мной, сядете у Марты и будете писать, – профессор вышел с ними в приёмную. – Марта, дорогая, эти замечательные молодые люди сейчас будут писать тест, проследите, пожалуйста, чтобы не отвлекались. Напишут – пусть отдают вам и идут восвояси.

– Да, профессор, – ответила невидимая отсюда Марта.

Марианна рассказывала, что старшие сёстры у неё строгие и упорядоченные – настоящие менталисты.

Профессор дождался, пока прогульщики выйдут в приёмную и там усядутся, закрыл дверь и строго оглядел остальных.

– А теперь – ко мне по одному.

Первой пошла Финнея, хмыкнула – ей терять нечего. Вышла через четверть часа, рассказала – разбирали затруднения, и почему материал не отложился в голове настолько, чтоб ответить на вопросы легко и быстро. Из остальных кому-то был предложен другой вариант теста, кто-то отправлен учить – тот самый Медведь Долле из боевиков, и вот остались только Роган и она, Анна.

– Иди, – сказал ей парень, когда из кабинета профессора

выскользнула Габи с прикладного.

– Нет, ты иди, – сказала ему Анна.

Он не стал спорить и пошёл. Не стал плотно закрывать за собой дверь, и Анна немного слышала, о чём спрашивал профессор. Совсем не о работе. А о том, где и как этот самый парень сейчас живёт, и всё ли в порядке. Тот сказал, что в полном порядке, а на тест не ответил, потому что не представляет, как все эти физические законы взять в голову. Как сделать – он понимает, а что, зачем и почему – нет.

– А нужно, чтобы понимал, ясно тебе? Сейчас ступай, а через неделю в это же время – на пересдачу. Сядешь и ответишь. А до того будешь учить. Талант – это хорошо, но теорию тоже знать нужно.

Жиль – профессор звал его так – что-то пробормотал, подхватил рюкзак и был таков. Анна же собралась с духом и вошла.

– Здравствуйте, профессор.

– Здравствуйте, госпожа де Котель, присаживайтесь, – кивнул ей профессор на стул, а в руках у него была её работа. – Скажите, про лужу – это вы сами придумали, или вам кто подсказал?

– Ну как… я видела, и мне самой доводилось.

– Доводилось, значит, – закивал профессор. – Значит, давайте смотреть, что там вам доводилось. Прикладывайте силу. Зовите воду.

– Прямо здесь? – не поняла Анна.

– Именно. Потом осушите, если что.

Анна начала призыв, потянулась… и услышала громкий хлопок. Испугалась, утратила концентрацию, и на полу получилась та самая лужа. И не только на полу – брызги разлетелись по всему кабинету.

– Вот теперь давайте разбираться, что это было. Где та сила, которую вы призвали, но упустили?

– Вокруг, наверное, – несмело произнесла Анна.

– И что она там делает? Вокруг?

– Не знаю. Наверное, или кто-то подберёт, или сама прицепится. Куда-то.

– Вот, – кивнул профессор. – Или сама, или подберёт. Куда сама может прицепиться?

– Да куда угодно, наверное. Где примут. Предмет, человек.

– Именно. К простецу может прицепиться, так, что он ничего не поймёт?

– Может.

– И что будет с тем простецом, то есть, с магически не одарённым?

– Может плохо стать. Он может что-нибудь сделать, сам не поймёт что.

– И это тоже, да. А если силы было не кот наплакал, как у тебя сейчас, а много?

– Может возникнуть магическая аномалия.

– Верно. И что с ней потом делать?

– Звать специалиста, чтобы перенаправил и перераспределил силу.

– Вот, всё ты знаешь. А пишешь – лужа. Значит, чем опасны незавершённые магические действия?

– Выплесками силы, оставшейся без контроля и угрожающей мировому равновесию, – Анна сама не ожидала, что выдаст формулировку из учебника так легко.

– Говорю же – всё знаешь, – вздохнул де ла Мотт. – Осушай свою лужу.

Когда она справилась с этим нехитрым делом, то села обратно, а профессор снова что-то искал в её тесте.

– Сдаётся мне, ты всё знаешь, но почему-то не можешь сформулировать. Ты сильная талантливая девочка, в чём беда?

– Я не понимаю, – прошептала Анна. – Ничего не понимаю.

– Так уж и ничего, – покачал головой профессор. – Если бы ничего, ты и сейчас не сказала бы ничего.

– Правда, не могу запомнить, – это так жалко прозвучало, что слёзы закапали всё равно что сами.

– О-о-о, ну вот плакать из-за несданного теста точно не стоит, – профессор выглянул в приёмную. – Марта, дайте, пожалуйста, воды. Да, стакан. Достаточно, спасибо, – закрыл дверь и протянул Анне. – Пей, выдыхай и слушай. Трудность первого года обучения как раз в том, чтобы понять – как же на самом деле делается всё то, что человек делал сам со-

бой едва ли не от рождения. Зачем разбираться в каких-то там потоках силы, если и так хорошо, правда же? – дождался кивка Анны и продолжил. – Так вот, умы, как сказал один великий человек прошлого, Гвидо Монферратский, бывают трёх родов: один всё постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Нам с вами предстоит понять, как приблизить свой ум к умам первого рода, ибо с другими в магических искусствах делать нечего, сказал этот самый Гвидо, мы ещё познакомимся с ним ближе на истории магии. Кроме того, что я с ним полностью согласен, я скажу ещё вот что: бывают разные степени магической одарённости. Кто-то одарён едва-едва, там и учиться нечему, такие даже в магический колледж не идут, потому что не смогут работать с применением магии. Кто-то одарён сильнее, но ему достаточно колледжа. Он понимает всё о том, как применять свою силу на практике, и умеет это делать. А есть те самые умы и силы первого рода. Которые могут постичь не только о себе, но и о том, как магия прописана в системе нашего мира. И что с ней делать, и как избегать тех самых аномалий, и как с ними бороться. Потому что если не они, то кто? В нашем случае, если не мы с тобой и не все твои однокурсники, то кто? Ты одарена очень щедро, грех не развивать такую силу. Но к силе потребен ещё и ум и понимание того, что мы вообще делаем. Есть контакт?

– Есть, – выдохнула Анна.

– Вот и славно. Ступай, учи неделю и приходи пересдавать. Вопросы будут другими, хоть и о том же самом. И даже не думай сомневаться – ты сможешь. Даже если не сразу – всё равно сможешь.

– Откуда вам знать, профессор? Вдруг не смогу? – Анна сама не поняла, откуда в ней взялась смелость для такого вопроса.

– Поверь, вижу, – усмехнулся профессор. – У тебя просто нет вариантов, только смочь, – и подмигнул точь-в-точь как его внучка Клодетт.

А вдруг профессор и правда знает о ней что-то, чего не знает она? Наверное, нужно пробовать.

Анна попрощалась, вышла из приёмной и в коридоре увидела почти всю компанию неудачников – и Флинн с Лои, и Жиль де Роган, и Габи, и остальные, только Финнеи не было.

– Ну что, лучшие студенты первого курса, живы, да? – возгласил Флинн. – Пошли отмечать!

– Что отмечать? – нахмурилась Анна.

– Всё, – драматически вздохнул Флинн. – После такого стресса нужно того, расслабиться.

Внутренний голос зашептал, что нужно идти домой и браться за учебники, но она почему-то пошла со всеми. Отправились в кафе на территории студенческого городка, там Флинн и ещё один парень, Роже, притащили пива, пиццу и бутерброды, а те, кто не жаловал пиво, заказали арро. Анна слушала, смеялась, как и все, и думала – может быть, она

справится?

В конце концов, наверное, профессор не стал бы просто так её обнадёживать?

16. Наследственность некроманта

Посвящение в студенты и тест у профессора де ла Мотта Леон пережил проще многих.

Посвящение было ему в новинку. На школьные тусовки он никогда не ходил, даже если вдруг о нём вспоминали и звали. Потому что однажды, года за три до выпуска, было дело, согласился и сдуру пришёл. И совершенно не ожидал, что его сделают объектом всеобщих насмешек. Осмеяли его одежду, его внешний вид, его манеру отвечать на уроках и даже тот факт, что он не встречался ни с какой девочкой. И это при том что одежда у него была вполне нормальная, мама никогда его не зажимала. Внешний вид – ну, обычный, чего тут. Ответы на уроках можно было оборжать вот вообще у всех, потому что всем случалось говорить чушь. А девочки… да нужны они, эти девочки, к ним же на хромой козе не подъедешь. Чуть что, вопят – ой, некромант, не подходи, я боюсь. Ну и зачем она сдалась-то, подходить к ней, если она боится? И чего, кстати, боится?

И вот в тот раз, когда парни из класса совсем прижали, Леон поманил их за собой в соседнюю комнату – гуляли у одного из одноклассников, у которого в квартире был десяток комнат, наверное. Леон увлёк самых активных за собой, а там, когда уже собрались бить, и ещё кто-то предлагал порезать на кусочки его новые красивые кроссовки, он оценил

обстановку и снял амулет. Просто снял, а этих дураков пальцем не трогал. Сила красиво плеснулась мертвенно-серыми щупальцами, он уже знал к тому моменту, что если всё хорошо, то щупальца серебристые, а если он разъярён, то тускло-серые. Ох, как они заорали, бросили ему и кроссовки, и рюкзак, и кепку, и хотели бежать жаловаться, но он сказал, что пока ещё никого пальцем не тронул, но если хоть один из них пожалуется – то тронет непременно. Взял свои вещи и провалился в тени.

Эта демонстрация произвела серьёзное впечатление. Нажаловаться на него всё же попытались, но классная наставница магом не была, в тонкости не въезжала, а мама встала за него горой и сощурившись, говорила отцу главного обидчика – вы, мол, расскажите сыну, что все подобные обвинения рассматриваются магической полицией, и если кто-то из участников говорит неправду, то это сразу же станет известно. Не боитесь?

Что характерно, никто из них не захотел иметь дело с магической полицией. И кажется, самым громким дома объяснили, что можно, а что нельзя, потому что от Леона после того случая отстали. Никуда не звали – но не больно-то и хотелось.

А тут – вечеринка магов и только магов, никаких вам дурных простецов. О нет, Леон знал, что в приличном обществе воспитанные маги так не говорят. Но хотел и говорил. Потому что. Увидит приличных простецов – там посмотрит. А

пока так.

И он даже решился немного выпендриться – ну, все же выпендриваются, а он чем хуже? Нашёл в сети рекламу магического стилиста по причёскам для мужчин и пошёл. Деньги кое-какие были – подарок на выпуск и зачисление в Академию, он ещё не всё на мороженое потратил. И в этом салоне парень-прикладник сходу просёк, что Леон хочет, хоть тот и не очень-то смог объяснить. Состриг ему волосы почти под ноль, остаток покрасил, и ещё всякие узоры мудрёные нарисовал сверху. Никаких вам причёсок, помыл – и достаточно.

Мама посмотрела и посмеялась, и потрепала его по этой самой голове. Сказала – если тебе так лучше, то и ладно. Осталось показать однокурсникам. Одноклассников бы удар хватил на месте, а тут что скажут?

Ну что, сказали. Громче всех вопили близнецы де Риньи – офигеть, как круто, так вопили. Трогали пальцем. У Грейс прямо глаза расширились, как она это увидела. Сказала – прикольно, что. Другие тоже ржать не стали. И ладно, значит, пойдём смотреть, как веселятся маги.

Ну что, дури хватало и у магов. Конечно, сначала всё было очень весело и здорово, девушки-выпускницы приготовили красивое представление, здоровские конкурсы и потом ещё очень круто пели и играли. Всех, кто умеет играть и петь, Леон считал очень крутыми, потому что ему самому музыка не давалась. Но слушать он любил. И всегда имел при себе в наушниках с магической аудиосистемой неплохую кол-

лекцию. Так вот, группу «Пламенные» он бы туда добавил с удовольствием.

А потом все потянулись по углам пить, а кто нет – те танцевали. Пить особо не хотелось, он, конечно, чуток глотнул пива вместе со своей группой, да и всё. В группе верховодили близнецы де Риньи, они тоже оказались теми ещё выдумщиками – всё время с кем-нибудь о чём-нибудь спорили, и проигравшие должны были делать какую-нибудь весёлую ерунду. Подпрыгнуть до потолка, проползти на четвереньках под столом профессора Саважа, кувыркнуться в коридоре. Тут они оторвались – кто выпьет больше пива за раз, кто громче орёт, кто попадёт пустой банкой в точку на стене и что-то там ещё. Леон посмеялся и сбежал. Зато в компанию некромантов притянулись парни с боевого и кто-то из стихийников, и дальше они там пили и гудели совместно.

Леон же спустился туда, где танцевали. Танцевать он не умел совершенно, никогда не пробовал. Зато ему неожиданно понравилось смотреть на тех, кто умеет. Это оказалось интереснее, чем наблюдать за пьянкой.

– А ты почему не танцуешь? – рядом присела Грейс.

Единственная в своём роде девушка-некромант внушала восхищение. Но – не более, потому что смотрела она так же сурово и холодно, как госпожа Кариньян. Собственно, кроме них двоих, остальные студенты-некроманты были парнями. На всех курсах.

– Не умею, – чего стесняться-то, так и есть.

– Можно подумать, это кому-то мешает, – усмехнулась Грейс. – Если не уверен в себе – пригласи девчонку, которая умеет. Она поможет.

Да ладно, подумал про себя Леон. Куда там поможет, скорее оборжёт. Или… это было руководство к действию? Пригласи меня? И нужно позвать Грейс? И она согласится?

Но пока он соображал, Грейс поднялась, помахала ему и куда-то убежала.

Правда, скучать не пришлось – потому что его позвали на второй этаж, и там оказалось, что высокомерная и манерная Анна де Котель перепила, ей плохо, и её нужно доставить домой. И никто не знает, где она живёт. Интересно, а если бы не он, что бы они делали?

Впрочем, они всё делают правильно. Они – это подружка Анны с целительского Марианна, и пара боевиков – внучка ректора и внук профессора Саважа. А в себя Анну приводил внук ректора, целитель. И как они думают тащить Анну домой?

Правда, Саваж-младший всё придумал и даже не побоялся пойти через тени. Трижды – до дома, потом в доме до комнаты Анны наверху, и потом ещё обратно в клуб – потому что они оба решили вернуться. Леон его прямо зауважал – надо же, как бывает. Тот, правда, усмехнулся и сказал – знаешь, как моя бабушка утром отправляется на пары? За руку с дедом. И так уже много лет. И ничего с ней не сталось.

Бабушка Саважа внушала ещё какое уважение, Леон её,

прямо сказать, побаивался и старался ей на глаза не попадаться. Говорят, на старших курсах будет практика по совместной боёвке, вот там и поглядим. А пока… ну их.

Но Саваж заинтересовался передвижением в тенях при помощи того, что ездит. Оказалось – у него мотоцикл, ну да, у такого должен быть или мотоцикл, или крутая машина. И он не прочь попробовать сократить путь нетривиальным для обычного мага образом. Ну что, можно попробовать. Здесь, в Академии, и пижоны с мажорами не такие, как были в школе. Потому что Саваж – и то и другое разом, а ведёт себя как нормальный человек.

В понедельник самым громким событием получился тест у профессора де ла Мотта. Леону он показался простым, потому что все вопросы разбирали перед тем на лекциях. Он искренне понадеялся, что ответил правильно, да и успокоился. Вечером так и оказалось – профессор поставил ему «отлично», ему и Грейс, у остальных было как-то туго. Хуже всех написали братцы де Риньи – у них вышло «достаточно», а ведь кто-то и неуды получил!

Неуд получила, например, Анна. Даже странно, она ж в целом старательная. Но кто знает, может, у неё до сих пор голова не на месте? Тем более что когда Леон в воскресенье поднялся к ней спросить, как она там, она разговаривала не через губу, а как человек. Это от общего плохого самочувствия, наверное. Пройдёт.

Но Саваж тоже получил «отлично» – кто бы сомневался.

И после пар во вторник предложил пойти покататься.

Что ж, можно и пойти. И посмотреть, что там у них выйдет.

Смотреть решили в академическом парке. Там Леон некоторое время назад нашёл крутую площадку для скейтеров с горками и всякими другими штуками, а вокруг неё можно было нарезать круги на мотоцикле. Оказалось, что умеющий всё на свете Саваж со скейтом не знаком – никогда, сказал, не становился. Попробовал, не справился с равновесием, но упал, красиво сгруппировавшись, без повреждений. Или этому учат в числе прочего на боевом факультете?

Ну а к мотоциклу Саважа Леон даже и не подбирался. Потому что не умеет – и не умеет. Зато показал пару не самых простых фокусов со скейтом – которые давно освоил и знал, что этим можно произвести впечатление. Было бы на кого.

А дальше уже приступили собственно к тому делу, ради которого и пошли не домой, а в парк. Но как к нему подобраться, Леон тоже не сразу понял. Показал – как он становится на доску и едет из конца площадки в конец – через тени. Раз – и ты в другом месте. И это не от доски твоей зависит, а от тебя. И это здорово, потому что это, как он вдруг понял, говорит о нём, его силе, его умениях и его особенностях куда громче и лучше бритой и раскрашенной башки. Потому что Саваж сам крут, он и на всех общих занятиях курса всегда всё знает, хоть у Роша, хоть у де ла Мотта, хоть у госпожи Кариньян. А если крутой человек чего-то не уме-

ет и может с уважением смотреть на того, кто умеет, так это приятно. И воодушевляет.

И он не говорит, что некромант – это дно. Потому что по крови сам на четверть некромант.

– А если так: я веду мотоцикл, ты сидишь сзади и направляешь нас? – спросил Саваж.

– Давай попробуем, – рассмеялся Леон.

Вообще бы не догадался так сделать.

– Когда мы идём через тени ногами – то шагаем. А тут будем не шагать, а ехать, вот и вся разница, – пожал плечами Саваж.

В теории так и есть. А на практике… да пробовать надо, и всё.

Сначала они сделали круг вокруг площадки – просто так, на разгон. Потом ещё один. А потом Леон сказал:

– На счёт «три».

– Давай.

– Раз, два, три, – и вокруг них загудели и запели тени.

Изнанка мира была Леону не то чтобы как дом родной, но ничего особенного в этом месте для него не было. Не сказать, что приятно, но даёт силы, если понимаешь, как брать, конечно, и не зарываешься. А тут – лихо и на скорости. Раз – и они вынырнули в обычный мир, и Саваж затормозил.

– Слушай, это… это ни с чем не сравнить, короче, – обернулся он к Леону. – Повторим, да?

Что ни с чем не сравнить – Леон был согласен. И на скей-

те-то круто, а вот так, на тяжёлой скоростной машине – тем более. Эх, какую-нибудь бы трассу посерьёзнее…

Кажется, он сказал это вслух, потому что Саваж ответил:

– Есть и посерьёзнее, нужно будет в выходные попробовать.

В выходные так в выходные. А пока – летим. Летим и тестируем переходы – быстро, медленно, сразу в точку выхода, не сразу, пунктиром – через две промежуточные точки. Ух, здорово!

– Кто бы знал, что общение с некромантом может подарить такие незабываемые ощущения, – усмехнулся Саваж. – Слушай, это нереально круто.

– Тебе, что ли, совсем не страшно? – Леон всё ещё не верил.

– Страшно, но страх же нужно преодолевать, так? Потому что какой я, к дьяволу, боевой маг, если я не смогу совладать со своим страхом? А тут у тебя страх в чистом виде – иррациональный, с ним не договоришься, он просто есть, и всё. И если ты протормозишь – заберёт тебя с концами.

Вот точно, подумал Леон, если я проторможу.

– Скажи, ты мне, выходит, доверяешь? – сощурился он.

– Я рискнул, скажем так, – усмехнулся Саваж. – Должен был попробовать. Без доверия не получишь некоторых вещей, которые бывают только с ним. В нашем случае – вот этот незабываемый опыт. Ну что, ещё пару кругов?

– А легко, – сказал Леон.

Они полетели снова – и снова это было здорово. Чувствовать свою власть над другим человеком и его машиной.

– Эй, что это вы такое делаете? – услышали они, когда вынырнули в обычный мир и мотоцикл остановился.

Леон завертел головой и увидел ещё одного парня с боевого – его звали Антуан Долле, но все называли его Медведь – потому что был он велик, мохнат и курчав и, кроме волос на голове, носил усы и бороду.

– Развлекаемся, – пожал плечами Саваж.

– Как тебе удавалось исчезать и снова появляться?

– Это не я, я только был за рулём. Это Леон. И это небезопасно.

– Ну вы же делаете, и ничего.

– Мы оба уже знакомы с тенями. Ты встречался с изнанкой мира хоть раз?

Вообще, профессор де ла Мотт ещё на первой лекции про устройство мира объяснил про наличие этих самых теней. И про доказанную множественность миров, и ещё много про что. Но Леон подумал тогда, что одной строкой в списке этот пункт мог выглядеть каким-то недостаточно реальным, что ли. Другое дело, что в аудитории находилось несколько человек, для которых это самая что ни на есть реальность, и Леон готов был поспорить на что угодно, что профессор тоже не понаслышке знает, как это.

А что знает про тени Медведь?

– Я не встречался, но я бы тоже попробовал. Если можно,

– сказал Медведь.

– Смотри, Леон – некромант, ему ничего не будет. Мне тоже ничего не будет, потому что у меня дед некромант. Я сам мог родиться некромантом, но родился боевиком. У тебя были в родне некроманты?

– Не-а, – помотал головой Медведь.

– Тогда будет очень страшно, – сказал Саваж совершенно серьёзно.

– Да ну, – не поверил тот.

Ну да, на его глазах два известных ему человека вошли и вышли, и ничего им не было.

– Я серьёзно, – Саваж сощурил свои кошачьи глаза.

Точно, кошачьи. А Леон всё не мог понять, кого Саваж ему напоминает. Большого кота, в Авиньоне у них с мамой жил такой, давно.

– Не попробую – не узнаю, – продолжал настаивать Медведь.

– А если ты навернёшься в тенях со страху, где потом тебя искать? – спросил Леон.

– Чего навернусь-то, не должен. Зато потом, если что, я буду знать, каково это.

Кажется, этот последний аргумент показался Саважу правильным. Он взглянул на Леона.

– Поместимся?

– Да я видел, вы громоздились сюда втроём, даже с Флинном, а он всяко больше меня, – отмахнулся Медведь.

– Пробуем, но – ненадолго, – сказал Леон.

Войти и выйти. Мало ли что.

Медведя втиснули между Саважем и Леоном, стало тесно и неуютно. Но это тоже вариант эксперимента – вдруг понадобится кого-нибудь вот так вывезти куда-нибудь, или ещё для какой неведомой цели?

Саваж стартовал, Леон скомандовал «раз-два-три». Тени привычно запели вокруг, три удара сердца, и нормальный мир.

Страшный хрип, и Медведь с закатившимися глазами валится на траву прямо с мотоцикла и ловит ртом воздух. У него бледное до синевы лицо, бледные губы, и он определённо ничего не видит.

Саваж витиевато ругается – вот ведь, и это умеет – достаёт из рюкзака зеркало и вызывает кого-то. Почти сразу же рядом с ними возникает в воздухе молочно-белый овал портала, и оттуда выскакивают двое – девушка, ударник «Пламенных», миниатюрная и изящная, как статуэтка из чёрного камня, и парень постарше. Оба бросаются к лежащему на траве Медведю и что-то с ним делают, во всяком случае – он перестаёт хрипеть и дышит почти нормально, но в себя так и не приходит.

– Он вас так успел достать, что вы решили сжить его со света? – усмехается девушка.

– Что произошло? – сурово спрашивает парень. – Я должен буду составить отчёт для ректора о происшествии. На-

зовите ваши фамилии, курс и факультет. Курс первый, надо полагать?

– Первый, – холодно подтверждает Саваж и называет их имена – всех троих. – Что с ним? – Саваж кивает на лежащего.

– Что тут у вас было? – парень серьёзен и зол.

– Небольшая прогулка в тенях, – пожимает плечами Саваж. – И он знал, куда направлялся.

– Только не знал, как отреагирует его организм. Задержись вы секунд на десять – не спасли бы, – поджимает губы парень. – Если ты не некромант, то в тенях делать нечего, неужели непонятно?

– Мы предупреждали, – Леон тоже решил быть честным.

– Толку-то с ваших предупреждений, – фыркнул парень. – Так, ваш коллега сейчас отправится в госпиталь, а далее посмотрим.

Парень вызывал кого-то по магической связи, называл себя – Тьерри Оруа, аспирант кафедры травматологии целительского факультета, дежурный по Академии, – и излагал ситуацию. Новый портал возник, как только он завершил рассказ – двое с носилками, забравшие Медведя. А Тьерри Оруа что-то набрал в телефоне – видимо, тот самый отчёт о происшествии.

– Так, отчёт принят и зарегистрирован, ждите здесь, – посмотрел на них обоих сурово, кивнул девушке и попросил кого-то в зеркало открыть им портал. Правда, девушка обер-

нулась и подмигнула на прощание.

Воздух сгустился и затрепетал почти сразу же, и перед ними обоими явился профессор Саваж. Оглядел сурово место происшествия – их двоих и мотоцикл. Сощурился – в точности как его внук незадолго до того.

– Оба за мной.

И исчез в тенях, даже не задумавшись, последуют ли за ним. Что ж, Леон подал Саважу-младшему руку и шагнул следом. И вышел наружу в кабинете профессора.

До того момента бывать здесь ему не доводилось. И столько книг в одном месте он видел, наверное, только в академической библиотеке. На столе стояла голова – мраморная голова, наверное, древнего героя. Голова смотрела укоризненно.

Хозяин кабинета кивнул им обоим на стулья, сам же сел на своё место за столом, заваленным книгами и бумагами.

– Что произошло? – спросил он.

Докладывал Саваж-младший – чётко и по делу, честно сказав, что они предупреждали, но и не отказали. Потому что не знали, что он так отреагирует.

– Что ж, я думал о вас лучше, об обоих, – сообщил профессор. – Как только в голову пришло? Ваше счастье, что ваш коллега остался жив.

– Но это же необязательно смертельно, – пожал плечами Саваж. – Мы не могли знать, он сам не знал.

– Не могли они знать. Сидят передо мной – один некро-

мант, второй с наследственностью некроманта, и утверждают, что не могли знать. А подумать немного?

– У бабушки нет никакой наследственности некроманта, и ей ничего не делается, – возразил Саваж.

– Твоя бабушка, юноша, невероятное исключение из всех возможных правил, – сообщил профессор. – Впрочем, взыскание на тебя наложит именно она, а тебе, – он сурово глянул на Леона, – назначу я. Пять дополнительных занятий по физподготовке и пять часов работы в библиотеке. Придёшь к господину Вуату и скажешь – я прислал на отработку. И также в библиотеку к госпоже Оливии. Отработать до конца следующей недели. Свободны, проваливайте.

Эх, вздохнул Леон про себя. Не смертельно, но ощутимо, свободного времени и так мало, а тут не будет совсем.

Они переглянулись с Саважем и вышли, и уже из пустой сейчас приёмной в один длинный шаг добрались до мотоцикла.

– Если хочешь, отвезу тебя домой. Или сразу к Вуату? Он только рад будет, кровопийца, – невесело усмехнулся Саваж.

– Ну его, завтра, – отмахнулся Леон. – Домой.

17. Плохих не бывает

Клодетт, как и все прочие первокурсники-боевики, очень удивилась известию о том, что Медведь попал к целителям, и главное – о том, что ему помогло. Потому что сама она хоть и не совалась никогда на изнанку мира, но знала о её существовании, и как нормальный выходец из целительской семьи, знала об опасностях, которые там только и ждут любого, кто не является некромантом. Или не некромантом, но каким-нибудь удивительным исключением – вроде Саважа с нужными генами или её собственного деда, который, будучи спрошен, ответил:

– Ну, конечно же, случалось бывать. Приятного мало, но ничего непреодолимого, особенно – если для чего-то нужно, – правда, потом он спохватился и добавил: – Но ты-то не суйся, поняла? А то знаю я вас!

Клодетт было не слишком понятно, что именно знает дед в данном случае, но она пробормотала что-то вроде «пока не собираюсь» и сбежала.

К Медведю они тогда все группой сходили в госпиталь – убедиться, что с ним всё в порядке. С ним и вправду всё было в порядке, мама сказала – ещё пара дней, и выпишут, он в её отделении лежал. И долго читала им с Филиппом мораль, что нечего заниматься глупостями, а к глупостям относилось всё, кроме учёбы. Но в этот раз по пунктам поименовали ка-

тания на скейтах и мотоциклах, хождение тенями и общение с некромантами.

– Мама, у нас на курсе шестеро некромантов, – рассмеялась Клодетт. – И наш преподаватель анатомии – некромант.

– Госпожа Кариньян не будет подбивать вас на всякие глупости, она взрослая разумная женщина, – сообщила мама. – А вот ваших мальчишек кто там вообще знает!

– Нормальные мальчишки, – сказала Клодетт как можно более весомо. – Мама, а почему ему плохо-то стало? Он же здоровый, как бык! Он после тотального осмотра хвастался, что быстрее всех прошёл, потому что у него никаких проблем!

– Индивидуальная реакция, – пожала плечами мама. – В остальном он здоров и, как я понимаю, таковым и останется, когда уйдут последствия стресса. Но в тени ему категорически нельзя.

– Ну так можно и без теней прожить, – пожала плечами Клодетт.

Когда они сидели у Медведя в палате и рассказывали новости, пришёл его отец. Такой же большой и косматый, сразу понятно, в кого уродился Медведь. Господин Медведь-старший хмуро оглядел их всех и сказал сыну:

– Говорил я тебе, нечего делать в этой твоей Академии! Пошёл бы в колледж, и там не было бы никаких паршивых некромантов!

Жанно Саваж, услышав это высказывание, холодно улыб-

нулся – он это отлично умеет – и ответил:

– Господин Долле, мой дед, герцог Саваж, некромант. Я буду вам очень признателен, если вы будете осторожнее в высказываниях.

Тот только зыркнул недобро и пробормотал что-то вроде «прошу прощения», а все они как-то разом поднялись и засобирались восвояси. Тому же Саважу нужно было ещё идти на отработку – на физкультуру, будто её мало, и в библиотеку, книги старые таскать. А Клодетт тоже нужно было идти… по очень странному делу.

А дело было в том, что после посвящения на неё посыпались предложения от парней. Вот просто диво дивное, никогда она никаким парням не была интересна, а тут вдруг заметили.

Ну да, она неплохо оторвалась тогда по танцам, и перетанцевала со всеми, наверное, кто там вообще случился и кто стоял на ногах, особенно это было актуально под утро. Там уже кто упился, кто ушёл домой, кто ещё куда подевался, и осталось человек пятнадцать, которые танцевали до утра, и если что и пили, то только воду из кулера в холле. А утром, когда Анриетта Лимура охрипшим голосом сказала – всё, ребята, спасибо всем – выжившие верещали, обнимались и ощущали себя совершенно счастливыми. Клодетт даже не поехала домой на метро, вызвала такси. Потому что не ощущала себя в силах дойти даже до станции. Филипп-то давно сбежал, и как она поняла – в общагу, в комнату к Даниэле,

где они преотлично завершили вечер вдвоём. Он появился дома ещё позже Клодетт, такой же сонный и такой же довольный.

– Ну как? – спросила она.

– Вот так, – показал он большой палец.

Клодетт, конечно, было очень любопытно, но и так не слишком разговорчивый Филипп тут вообще не сказал ни слова. Всё хорошо, и ладно. Но не выпускал из рук телефон и всё время что-то писал.

Она, помнится, ещё подумала – а ей некому писать. Интересно, это хорошо или плохо?

Уже после обеда в воскресенье она смотрела на вопрос с другой стороны, потому что внезапно получила сообщение.

«Привет, это Давид. Как ты? Утром ты так быстро уехала»

Давид – второкурсник с боевого, и он был из тех, кто колбасился с музыкантами до утра. Интересно, а номер ему кто дал?

Она спросила прямо, и оказалось – её сдал Саваж, которому было сказано, что очень-очень надо. Ну, ладно, и что теперь?

«Теперь» её слово за слово позвали погулять вечером, и она, недолго думая, согласилась. Ну, интересно же!

Правда, по факту оказалось не так уж и интересно. Потому что Давид был воспитанным и внимательным, но больше молчал, чем говорил, судя по всему – писать ему проще, чем словами через рот. Клодетт честно забивала эфир сама

и утомилась под конец. И на прощание сказала – да, спасибо, всё хорошо, насчёт «дальше» она подумает.

Дальше был однокурсник Паскаль, с прикладного. Как раз нехренический танцор, их тогда в ночь оставался десяток, таких, что и захочешь подкатить, а посмотришь – и не станешь, потому что ты никогда так не станцуешь, и что им в тебе? Восемь девчонок и двое парней. Один парень, Дилан, был уже при девушке, они и танцевали всю дорогу только друг с другом и больше ни с кем. А второй как раз то и дело приглашал всех подряд, но он, по ходу, как мама, чёртов перфекционист. Не с той ноги пошла, чего вырываешься, я ж тебя веду, не своевольничай, не пытайся меня пропихнуть, и что там ещё может быть. И вот именно он в понедельник после дедушкиной контрольной подошёл и говорит:

– Клодетт, а что ты делаешь после пар?

– Уроки, – что ещё можно делать после пар в нашей жизни!

– А может быть, ты сделаешь уроки чуть позже?

– Чего ради?

– Например, можно погулять.

– Ну пошли, погуляем.

Этот вариант оказался обратным предыдущему – у Паскаля просто не закрывался рот. Он говорил много и с удовольствием – сколько лет он уже танцует, в каких конкурсах участвовал, и как это было.

– Слышала – весной будет «Феерия»!

– А это что? – нет, не слышала.

– Ты что, это же престижнейший конкурс, и Академия – в оргах, точнее даже наш факультет. Я обязательно буду участвовать, и наши девчонки тоже. Потому что это очень престижно!

– Тогда, конечно, нужно. А там только танцы?

– Ещё музыка, театральное искусство и что-то ещё, – кажется, его не интересовало ничего, кроме танцев.

– И что, прямо всех берут?

– Студентов – всех, кто чего-то стоит, конечно. Меня возьмут обязательно!

Интересно, а они с Филиппом стоят чего-нибудь? Раньше Клодетт думала, что да. Она сказала, что её ждёт дома суровая мама, и распрощалась. А прибежав домой, маме, конечно, кивнула, но ломанулась-то к Филиппу.

– Слушай, давай вспоминать, как гитару в руках держат.

– Я ещё не всё сделал на завтра.

– Я тоже, но полчаса нам ничего не изменят. А больше пальцы тупо не выдержат.

Да-да, после перерыва в игре на струнном инструменте пальцы болят. Поэтому…

Правда, Филипп согласился как-то легко – он тоже, выходит, скучал. И пальцы, конечно же, заболели, но начало было положено.

А в среду утром Клодетт шла в раздевалку после физкультуры, и её окликнули.

– Великолепная Клодетт, стой.

Кто это ещё? Господи, откуда этот парень? Тоже с физры, что ли, в том зале вроде с утра занимаются старшие – не то третий курс, не то четвёртый.

– Привет, ты кто?

– Я Кристиан. Видел тебя в субботу и проникся.

Тьфу, точно, был такой. Больше в сторонке сидел, чем танцевал. Но иногда выходил, и пару танцев они чудесно сымпровизировали.

– Только я того, обычно не танцую, я скорее музыкант.

– Тоже хорошо, – подмигнул он. – Слушай, мне нужна партнёрша. Для танцев.

– Тебе к прикладникам, они вот тут, – Клодетт кивнула на балетный класс, где заканчивали занятие и препод командовал поклон.

– Нет, балетные мне ни к чему, там всё проще. Слышать музыку и двигаться, да и всё. Пошли?

– А что надо?

– Ничего. Ты, я и удобная обувь.

– Да? И когда?

– Сегодня, вечером.

– Я уроки-то когда буду учить? – с вами со всеми, такими прекрасными?

Но сходить почему-то захотелось.

И вот после пар они все пошли в госпиталь навестить Медведя, а потом Клодетт двинула на остановку трамвая,

где договорилась встретиться с Кристианом. Он уже ждал её, подмигнул и кивнул на подошедший трамвай – пошли, мол.

Они приехали в клуб, где раз в неделю танцевали всякие-разные простые парные танцы – вальсы, польки, бог знает что в странном ритме, с переменой партнёров и без неё, общим кругом и хаотически, и это оказалось неожиданно здорово.

– Так, давай-ка я домой тебя провожу, – сказал Кристиан, когда они выбрались на улицу.

Уже было темно – октябрь, куда деваться. И прохладно.

– Да мне тут недалеко, я дойду.

– Я понимаю, что не заблудишься. Но дай же мне шанс не расставаться с тобой прямо сейчас, – смеялся он.

Чего? Шанс? Ну ладно.

Клодетт повела его самой длинной из возможных дорог – если уж не расставаться, то так. И тут они говорили оба – как-то вышло, что темы нашлись. Он тоже когда-то что-то играл, но немного, она вспоминала, как их с Филиппом в детстве учили танцевать, и даже рассказала, что не все родственники согласны с тем, на каком факультете она учится. У него тоже не все были согласны, но куда деваться, уже третий курс.

Потом они ещё простояли с полчаса у её дверей – пока из окна не высунулся Филипп и не сказал, что мама дошла до стадии кипения, скоро рванёт. Пришлось быстро говорить «пока», бежать внутрь и говорить маме, что всё хорошо, да,

мальчик из Академии, хороший, у нас там других не бывает.

В телефоне ждало сообщение:

«Здорово вышло, спасибо! Повторим?»

Может, и повторим, отчего бы нет?

18. Нелегко с девушками

История с Медведем Долле оказалась для Жанно той ещё неприятностью, и он успокоился, только когда Медведь благополучно выписался из госпиталя и пришёл на занятия. И даже подошёл и сказал, что к нему, Жанно, ничего не имеет, потому что сам виноват.

– Тогда ты и Шеню то же самое скажи, хорошо? – сказал ему Жанно.

Потому что Леон тоже переживал, чем всё закончится.

– Ладно, скажу, – кивнул Медведь.

И правда, перед парой у Роша подошёл и разговаривал с Леоном.

Леон ему нравился – некроманты вообще хороши, особенно если не совсем дурные и в голове что-то есть. У Леона Шеню в голове что-то определённо было, и когда Жанно с ним на пару занимался перетаскиванием книг в библиотеке, то говорили и про те книги, и вообще обо всём – кто что делает и кто что любит, и кто как видит дальнейшую жизнь. Жанно удивился тому, что Леон пока не видел ту жизнь никак.

– Выучусь, там придумаю, наверное. Или кто-нибудь умный подскажет.

– А Легион?

Жанно-то, конечно, после завершения курса собирался

именно туда, никаких магистратур и прочего, это потом когда-нибудь. И некромантам там тоже рады, это точно.

– Легион – хороший вариант, – раздумчиво сказал Леон. – Но вдруг я придумаю что-то ещё? Или подсмотрю у кого-нибудь умного.

Он рассказал о работе Рене Кариньяна, выпускника деда – о том, как тот пытается работать над изменением имиджа некромантов в общественном мнении. И Жанно не мог не согласиться, что это важно и нужно, и не только в среде простецов, но и в среде магов тоже, и отец Медведя – характерный тому пример.

Медведь говорил, что его отец работает в магической охране торгового центра и что он был бы вполне доволен, если бы сын выучился делать то же самое. Ну, может быть, отслужил в армии – в обычном подразделении, не в Легионе, магов туда тоже берут. Или пошёл работать в полицию, хоть в обычную, хоть в магическую. Магам везде рады. И для этого нет нужды учиться в Академии, вот совсем. Но брат отца, дядя Медведя, сказал, что нужно попробовать сдать экзамены – потому что силы много. И если выйдет – то учиться там. Тот дядя, как понял Жанно, как раз служил в магической полиции и жил в целом получше. И вот теперь бедняга Медведь столкнулся с тем, что и магам прилетает тоже посерьёзному, если уж прилетает.

Но кто вообще мог знать, что у него будет такая реакция на тени? Да никто.

Жанно много говорил о ситуации с Теей и бабушкой. Тея была резка.

– Знаешь, идиотов в твоей жизни ещё встретится столько, что считать устанешь. И всех ты от них самих не спасёшь, как ни старайся. Ты сделал всё, что мог, на мой взгляд. И никто из вас не мог предвидеть такой исход, потому что обычно люди выживают в тенях, даже если они не маги и некроманты. Но исключения бывают всегда. Так и здесь. Выдохнуть и жить дальше.

– Но за мной и Леоном тем не менее нашли некоторую вину, – поднял бровь Жанно.

– Небольшую, уверяю тебя. Чисто за то, что не обошлись без серьёзных повреждений. А таковые повреждения вполне могут образоваться неумышленно. Не переживай, всё только начинается – если ты, конечно, собираешься идти на службу, командовать людьми и решать всякие сложные ситуации.

Бабушка говорила раздумчиво.

– А вот теперь представь: ты планировал операцию, она прошла в целом удачно, но у тебя есть потери среди личного состава потому, что сыграл фактор, о котором ты не знал и знать не мог вообще. Но потери в итоге реальны, и назад уже не отмотаешь. А ещё бывает, что твой приказ исполнили не так, как ты сказал, а так, как посчитали, что будет лучше. Тоже не зная всех данных – и попали, крупно попали.

– Тея сказала, что идиотов на мой век хватит.

– Правильно сказала, – кивнула бабушка. – И я ещё ска-

жу – нередко это будут твои идиоты. Твои, родненькие и хорошо знакомые. Тобою выращенные и выученные. А профессию ты выбрал такую, где ценой оплошности может оказаться смерть. Избежать полностью невозможно, возможно – уменьшить эффект. Имей в виду.

Все эти мысли и разговоры радости не добавляли совершенно, только размышлений. И ещё почему-то бесили пустившиеся во все тяжкие друзья.

Флинн теперь сидел на лекциях не с ними, а со своей девой с земляного, Лои, с которой спелся на посвящении. Перед общими парами весь курс мог наблюдать, как они стояли в обнимку в коридоре и целовались, а внутрь проникали только когда им прямо говорили, что начинается лекция. А когда нужно было расстаться на разные занятия – разлеплялись с большим, как понимал Жанно, трудом. Флинн даже ночевал чаще у неё, чем в своей квартире, которую ему снимала родня.

Франсуа тоже нашёл на посвящении деву – суровую красотку-водницу Джемму. Эти не липли друг к другу, но сидели рядом, обсуждали задания, книги и ещё бог весть что, Жанно не мог сообразить, что вообще можно с этой особой обсуждать. Но, наверное, можно найти какие-то темы.

Вообще, в таких делах не должно быть ничего удивительного. Люди живут и развиваются – так? Но Жанно скучал по вечерним покатушкам и трёпе обо всём на свете в сети по полночи в чате на троих.

Впрочем, он начал с того, что шевельнул их в субботу, когда закончилась практика по боёвке, и спросил:

– Ну что, утром бегаем?

– Давай в здешнем парке, – сказал вдруг Флинн.

Он не приходил на пробежки уже некоторое время, а тут вдруг оказалось, что у него есть какие-то предпочтения. Ну и ладно. Им с Франсуа оказалось без разницы где.

И что же вы думали? Он явился с той самой Лои.

– Привет! – завопил, как только увидел их с Франсуа. – Ну что, побежали?

Лои кивнула им и почему-то ушла в кусты. И там осталась. И пока они не пробежали свои пять кругов по парку, её и не видели.

– А где твоя? – тихонечко спросил Франсуа, пихнув Флинна в бок.

– Спряталась, – проворчал он. – Стесняется. Сейчас мы убежим – выберется, я думаю.

– А чего нас стесняться? – не понял Жанно.

– Ну как, есть причина, – усмехнулся Флинн.

Пошёл и заглянул в те самые кусты. Исчез в них на некоторое время. Потом вышел.

– Вы можете поклясться, что никому не скажете?

– Клянусь, – сказал Жанно не задумываясь.

Потому что нужно понять, что вообще происходит. И Франсуа отстал от него ненадолго. А Флинн сунул голову в кусты и громко сказал:

– Выходи, они пообещали!

Кусты зашевелились, и на дорожку выбралась вовсе не стройная девушка, но крупная панда. С невероятным густым мехом – в основном белым, но с пятнами вокруг глаз, чёрными ушками и чёрными лапами. Когти на лапах выглядели устрашающе.

К слову, до этого дня Жанно не видел так близко ни одной панды – даже в зоопарке. Потому что, когда случалось туда ходить, обычно был день, жарко, и панды спали.

– Приветствую вас, госпожа панда, – Жанно поклонился. – Я понимаю моего друга, вы прекрасны.

Панда обнюхала его, затем Франсуа.

– Ну что, побежали? Лои, ты с нами?

Дальше было весело, потому что панда бегала, прыгала и валялась в уже начинающей желтеть траве. Флинн говорил, что ей обязательно нужно оборачиваться и бегать, и она ходит сюда, здесь утром никого нет.

А потом они втроём переводили дух на скамейке, а панда ушла в кусты, откуда слышалось фырканье и треск. Впрочем, минут через десять она появилась – уже человеком.

– Лои, скажи, ты из Старших? Как Финнея? – спросил Жанно.

– Мой отец из Старших, – фыркнула Лои. – Он почему-то подумал, что от связи с человеческой женщиной-простецом родится обычный человеческий ребёнок. А родилась я.

Жанно знал одну особу из Старших, подругу Теи, Пазетт

– та была чёрной пантерой. Но панда – тоже здорово, он так и сказал.

– Не знаю, не вижу ничего особенно здорового, – пожала плечами Лои.

Она всё время тёрла нос – на нём осталось чёрное пятнышко, напоминавшее о большом медведе.

– Давай, уберу, – Флинн поцеловал её в тот самый нос, впрочем, безрезультатно.

– Домой доберёмся, помоюсь, и пройдёт. Мне после оборота нужно обязательно мыться в горячей воде, – пожала плечами Лои. – Иначе то пятна остаются, то шерсть.

– Фигня, – отмахнулся Флинн и обнял её за плечи. – Всё, пока, мы пошли спасать нос.

Жанно и Франсуа переглянулись и посмеялись.

Хотел бы Жанно такую девушку? А кто ж её знает!

А в понедельник на практике по боёвке Тея открыла в телефоне какой-то список.

– Итак, друзья, пришло время подключать новые направления подготовки. У всех вас есть ещё какие-то силы, кроме атакующей, и с ними тоже нужно работать. Поэтому у всех в расписании появились дополнительные занятия. Посмотрите сейчас и убедитесь, что все распределены туда, куда надо.

Жанно открыл расписание в приложении. Точно, плюс две пары – ментальная магия, теория и практика. И ещё воздух, но если менталка уже сейчас, прямо завтра вводное занятие, то воздух пока неактивен.

– Активные дополнительные занятия начинаются уже на этой неделе, а те, что пока неактивные – на следующей. У самых разносторонне одарённых будут позже добавляться ещё.

Дальше оказалось, что дополнительные пары ещё и поделили по уровням. На лекцию по теории ментальной магии к декану профессору Рьен-Лорану собрались человек тридцать – с разных факультетов, но имеющие эту силу. А вот на практику пришли четыре человека, и это называлось «группа продвинутого уровня». Кроме Жанно, туда попали Тина из целителей, Жанно её хорошо знал ещё со школы, в одном классе учились, Маринетт из огненных и русалка Финнея.

А вести эту самую практику пришла Урсулина Дюваль.

Она иногда встречалась в академических коридорах, и в первый раз Жанно даже попытался поздороваться, но был проигнорирован. С тех пор он оставил попытки и, завидев Лину, скользил по ней взглядом – я вас не знаю, вы вообще тут кто. Сейчас тоже глянул, как на любого препода – ну подумаешь, магистрантка-менталистка пришла практику вести, ей, наверное, это нужно не меньше, чем им.

Лина вежливо поздоровалась и пригласила заходить в небольшую аудиторию возле кафедры детской и подростковой психологии. И это была даже не нормальная аудитория, а комфортный кабинет – два дивана по двум сторонам стола, цветы в кадках, чайник с чашками на столике у окна. Девицы – Тина, Финнея и Маринетт – сели на один диван, оставив им с Линой второй. Жанно усмехнулся про себя и дождался,

пока сядет Лина, потом только сел сам.

И очень порадовался, что сидит здесь, потому что можно было на эту самую Лину не смотреть. Правда, она отлично ощущалась, вот прямо тёплым пятном сбоку, но это мелочи. И вообще, ещё увидит сейчас, что он о ней думает, ещё только не хватало.

Жанно закрылся от ментальных воздействий – он это некоторым образом умеет – и сосредоточился на выполнении задания, которое как раз было на то, чтобы экранироваться друг от друга, очень удачно. Лина так Лина, он здесь сейчас в первую очередь для того, чтобы тренировать свою магическую силу. Какая разница, с кем?

19. Где берут деньги

Проверочная работа у профессора де ла Мотта показала Жилю: даже если ты ничего не знал в момент самой проверки и в итоге не сдал, можно сдать потом, ничего страшного не произойдёт. Мир не рухнет, а отца, который бы непременно огорчился от такого возмутительного нарушения миропорядка и долго бы объяснял Жилю, насколько он неправ, рядом нет. И вообще, он ничего не знает о том, как Жиль учится, и это прекрасно. Анриетта же сама, бывало, сдавала какие-то хвосты, и со смехом об этом рассказывала.

Правда, сейчас она, услышав о том, что Жиль не написал тест по теории магии, только хмыкнула, что ему ещё можно, наверстает. Это ей уже нельзя, потому что выпускной курс.

Анриетта готовила какую-то очень непростую выпускную работу – о магических спецэффектах на массовых мероприятиях. О том, как правильно применять, какие должны быть меры безопасности и как организовать их выполнение. Детские праздники вообще шли отдельной строкой – там не всё можно было использовать, и меры безопасности предполагались ещё жёстче, чем для взрослых.

– Понимаешь, я в самом деле хочу работать по этой специальности, – серьёзно сказала сестра. – Мне это нравится. У меня это получается. Значит, нужно сейчас сделать всё, чтобы подтвердить квалификацию.

Ну да, посвящение они с Джесс и компанией организовали просто по высшему разряду, получилось невероятно круто. Жиль потом всё воскресенье фонтанировал впечатлениями – рассказывал, что надумал сам и что слышал от однокурсников. Анриетта же лежала в кресле, пила вино и говорила – она отработала и имеет право на отдых.

И, ясное дело, про какой-то там тест по теории магии никто и не вспомнил.

Правда, в личной беседе профессор оказался совсем нестрашным, но он и на лекции страшным не был. И спросил первым делом, где и как Жиль сейчас живёт. Жиль честно рассказал, что живёт у сестры, всё в порядке, да профессор, наверное, слышал, она с подругами организовала замечательный праздник, он тоже немного помогал. О нет, не приготовился не поэтому… просто не приготовился. Готов исправить.

Профессор согласился, что исправить нужно, потому что это база и азы, это нужно знать всем, даже талантливым. И отправил учить. Ну что, Жиль выучил да пересдал, делов-то.

Намного сложнее оказался совсем другой вопрос, из разряда бытовых.

Жиль никогда не задумывался, откуда берутся деньги. Ну, у отца они вроде есть, по умолчанию, что называется. И он занимается организацией промышленного производства с применением магии, потому что это престижно и доходно. Отец был готов говорить о своей работе с утра и до вечера,

но слушать его могли только Франсуа и Катрин. Катрин сама работала в какой-то части отцовского бизнеса, а Франсуа всё-всё знал про магический бизнес в стране, потому что собирался заниматься политикой. Избираться в парламент от департамента Лимей и представлять магически одарённых. Чего их представлять-то? Сами справятся.

Но после праздника оказалось, что стипендия будет ещё через неделю, а Анриетта и Джесс вложили в подготовку все денежные запасы. Какой-то реквизит, что-то ещё. И нет, это была их личная инициатива, этот реквизит им ещё пригодится впоследствии в работе, она не готова отдать это Академии.

– Ничего страшного, поищем заказы, – отмахнулась сестра.

Вообще, Жиль отдал ей почти весь свой запас денег, когда только вселился, и понял, что это было правильно – потому что заказов на праздники в тот период было мало. Теперь всем нужно дожить до стипендии.

Или не доживать, а что-нибудь придумать? Вообще, где добывают деньги однокурсники?

Жиль поспрашивал, и оказалось, что почти всем дают родители. Кому-то строго и едва ли не с отчётом, куда потратил, кому-то без ограничений. Ну и кто-то как-то подрабатывал, в основном те из однокурсников, кто поступал после колледжа.

– Глянь доску объявлений, может, что подходящее найдёшь, – сказал боевик Роже, он как раз жил самостоятельно.

Доска объявлений находилась в переходе между двумя корпусами, в которых располагалось большинство лекционных аудиторий, и где бывали решительно все. Там висело общее расписание в допотопном бумажном виде – несколько огромных стендов, они заполнялись вручную, и специальные люди вносили изменения по мере необходимости. И тут же с другой стороны нашлась студенческая доска объявлений.

И чего там только не было! Объявления простые и магические, написанные от руки и распечатанные на принтере. «Группа ищет вокалиста, обращаться на прикладной факультет, второй курс». «Дени, скотина, верни деньги, я всё прощу». «Кто нашёл амулет в аудитории Л-222, выбросьте его подальше, он бывает опасным». Поверх этого написано от руки: «Идиот, опасное нельзя выбрасывать». «В коридоре возле кафедры общей теории магии была оставлена куртка, верните, будьте людьми». «Если вы нашли бездомного котёнка и уверены, что он бездомный, позвоните Анриетте Лимура». «Колетт, я тебя люблю, зайка моя». «Подработка для студентов», и номер телефона.

Вот, то самое, что нужно. Жиль даже позвонил, прямо сразу, но никто не ответил. Ладно, смотрим дальше. Ещё одно такое же объявление, на звонок ответили и сразу сказали: да, работа есть, хоть прямо сегодня.

Жиль и побежал – прямо сегодня. Оказалось, нужно раздавать какие-то дурацкие рекламные листовки, а когда он их честно раздал и пришёл за деньгами, то дверь офиса оказа-

лась заперта, а телефон не отвечал. «Абонент недоступен».

Ладно, отрицательный результат – тоже результат. Второй раз объявление было чуть другое, и номер тоже другой, и задание давал другой человек. Нужно было задавать вопросы людям на улице и записывать ответы на диктофон, а запись потом сдать. Типа исследование. Жиль подумал про себя, что никого спрашивать не нужно, нужно просто приложить немного силы и подслушать… но парню, дававшему задание, нужна была именно запись как свидетельство честно выполненной работы. Жиль сказал – деньги вперёд. Хорошо, половину. Аванс. Покривились, но заплатили.

Правда, когда он сбился с ног, но опросил этих двадцать пять человек и принёс запись, то к нему тут же стали докапываться – почему вот здесь вопрос не в той формулировке? Почему не дослушал? Почему не сказал по форме? Почему не попрощался вежливо в конце? Он понял, к чему идёт дело, когда ему попытались не заплатить оставшиеся деньги, и так небольшие. Взглянул мужику в лицо, как отец, ну, или не как отец, но именно отца он в тот момент себе представлял, и сказал – не дадите денег, прокляну. Дали, но сказали, чтоб больше не появлялся.

В другой раз деньги за расклейку объявлений Жилю пришлось буквально вытряхивать из заказчика – подвесить его к потолку конторы и сказать, что так и оставит. Тот скинул купюры сверху, Жиль их подобрал, и только потом опустил его на пол.

Обо всех этих авантюрах он никому не рассказывал – было стыдно. Казалось, что у других-то всё сразу хорошо. И всё это было ненадёжно, в лучшем случае – на раз. Хотелось, чтобы не на раз.

Ещё одно объявление висело сбоку, было красиво нарисовано чёрными чернилами и заколдовано, просто так не разглядишь. «Работа для студентов, с применением магической квалификации и без неё. Легально». И внизу номер телефона, и приписка – спросить Рене Кариньяна, кафедра общей некромантии. Жиль завертел головой – кафедра общей некромантии располагалась неподалёку, можно и заглянуть.

Он несмело поскрёбся в дверь, потом осторожно заглянул. Увидел три стола со стульями и шкаф, стоящий спиной, то есть задней стенкой, к двери. Из-за шкафа выглянул незнакомый парень.

– Тебе чего?

– Мне кого. Рене Кариньяна.

– А, так бы сразу и сказал. Тебе повезло, он здесь, – и сказал кому-то за шкафом: – Тут тебя спрашивают, первокурсник какой-то.

– И у первокурсников тоже бывают насущные нужды, – рассмеялся кто-то из-за того шкафа, а потом и вышел.

Жиль видел этого… мужчину? Парня? Лет на десять старше него самого, он всегда выглядел так, будто сошёл с витрины модного магазина, и даже отец не нашёл бы изъянов в его внешнем виде.

– Привет, – кивнул он Жилю. – Какими судьбами?

– Там было объявление. Про работу, – пробормотал Жиль.

– Точно, есть такое дело. Кому нужна работа? Тебе?

– Мне, – кивнул Жиль.

Хотя самому всё ещё было странно – какая такая работа?

– Ок. Да, я собираю информацию, где можно применить себя студенту, нуждающемуся в деньгах, и чтобы не скатиться в криминал. Или хотя бы не скатиться слишком быстро, – усмехнулся тот. – Что умеешь делать?

– Не знаю, – честно сказал Жиль. – Наверное, что-то умею? А что бывает нужно?

– Почему-то мне кажется, что сидеть с детьми или убирать квартиры ты не умеешь, – покачал головой Рене Кариньян.

– Точно нет. Даже не знаю, с какого конца браться. Ни за детей, ни за уборку.

– А такого рода заказ найти проще всего. Ты по профилю кто? Воздушник? Увы, для воздушников сейчас ничего нет, – и добавил, глядя на вытянувшееся лицо Жиля: – Ладно, не пугайся, как раз вчера мне скинули хорошую инфу по старой памяти. Хочешь поработать моделью?

– Кем? – не въехал Жиль.

– У тебя хорошая фигура и привлекательная внешность. На тебе будут снимать одежду для каталогов, футболки всякие и джинсы. Сетевые магазины, массмаркет. Занятость – периодами, есть что снимать – приходишь, и тебя снимают.

Платят за каждый день работы. Как тебе?

– Ну… не знаю. Наверное, нужно пробовать, – это звучало лучше, чем сидеть с детьми.

И чем расклеивать объявления, и раздавать листовки, и проводить дурацкие опросы.

– Тогда я сейчас позвоню про тебя. Только скажи честно, тебя твой отец потом не убьёт?

– А он узнает?

– Мало ли. Вряд ли он, конечно, интересуется этим сегментом рынка, но всякое случается.

– Я ему не расскажу. Да и вообще, моё дело, где работать.

– В принципе, да, – согласился Кариньян и принялся кому-то звонить. – Привет. Радуйся, я нашёл тебе человека. Да, парень. Вообще отлично. Экстерьер какой надо. Телосложение скорее хрупкое и изящное, но не задохлик, нет. Нормальный парень. Да, жди.

Дальше Жилю был выдан адрес и номер телефона, и он даже отправился по этому адресу – оказалось не слишком далеко, несколько станций на метро. Приехал, позвонил, его встретил ещё один парень, оглядел и сказал – да, годится. Берём на пробы, за пробы заплатим. И дальше его провели в здание, показали несколько комплектов одежды – сколько-то джинсов, футболок и рубашек – и велели по очереди всё это надевать. Но сначала ещё причесали, замазали царапину на носу, оставленную голубоглазым котом Анриетты, и сказали – отлично, годится.

И потом он до позднего вечера стоял, сидел, принимал всякие позы и переодевался. И улыбался на камеру. Устал – не передать. И думал – кому это надо? Но, наверное, кому-то надо, потому что денег-то заплатили. И сказали – мол, позовём ещё, у тебя отличная внешность, нам подходит.

Дальше с ним подписывали контракт на несколько съёмок – как бывает-то. Правда, график такой, что пары пойдут лесом-полем на некоторое время, но он же потом наверстает? Зато заплатят.

По дороге домой Жиль заскочил в фастфуд, нагрёб там кучу еды, пару сосисок в тесте заглотил тут же, а остальное довёз до дома.

Анриетта изумилась, выслушав рассказ о фотосъёмке, потом обняла его и расцеловала.

– Молодец, не растерялся! Поздравляю, ты крут. У меня офигительный брат, слышали, да?

Девчонки согласились, и они пошли все вместе уничтожать принесённое. Жиль был доволен – вот, оказывается, он может ещё и так.

После какой-то по счёту банки пива он рассказал и о не слишком удачных попытках тоже. Вызвал всеобщий смех, а потом эти крутые старшие девчонки принялись рассказывать – кто, как и когда встревал таким же образом с работой и гнилыми заказчиками. Которые не хотели платить, потому что у них на самом деле не было денег, потому что не хотели, потому что думали – на студентах можно экономить, или

потому что капризные, или просто потому, что неприличные люди.

Значит, всё в пределах нормы. Можно продолжать.

20. Подарок с Рассветных островов

Марион де Саваж собиралась домой после занятий и желала знать, собирается ли туда её драгоценный супруг. Нет, вариантов не было, собирается, вопрос только – когда и каким способом. Если прямо сейчас, то их всех увезёт Теодора. Или сразу домой, или пообедать в ресторанчик, где отлично готовили блюда кухни Срединного моря. Отчего бы не заесть длинный день чем-нибудь из овощей и морепродуктов? Однако, прежде чем она взялась за зеркало, чтобы позвать супруга магической связью, позвали её саму. Жак де ла Мотт – и что у него вскипело?

– Марион, не могли бы вы подойти ко мне прямо сейчас?

– Вскоре буду.

Жак не станет дёргать попусту, видимо, там что-то важное.

Он и впрямь был какой-то озадаченный – студенты снова номер отмочили, что ли? Или министерство образования опять шалит?

– Что-то случилось? – начала она с ходу.

Лучше уж знать сразу, к чему готовиться.

– Да, то есть нет, – поправился он с непередаваемой улыбкой. – Ничего непреодолимого. Марион, вы сможете взять в группу девочку?

– На первый курс, что ли? – не поняла Марион. – Или

снова кто-то по обмену?

– На первый курс. Способности несомненны, их уровень мы ещё посмотрим, но там непростая ситуация.

– Насколько непростая? И откуда девочка?

– С Рассветных островов.

Ух ты, вот ведь занесло. Но у них там своя Академия, точнее – Высшая школа магических искусств, так это называется. Свои требования и свои программы.

– А почему она не может учиться дома?

– У них не все лояльны к девочкам, которые вдруг почему-то боевые маги.

Тьфу, точно. Там же как-то сложно, женщин боёвке учат, но не всех, и вообще.

– Девочку не взяли на нужный факультет?

– Девочка не смогла учиться на том факультете, куда её определили родители.

– А родители не были в курсе о её силах? – глупости какие-то.

– Родители думали, что можно как-то, гм, переломить. Мутная история, на самом деле. Ко мне обратился частным образом тамошний ректор, мы знакомы лично по некоторым конференциям, и нередко общаемся в сети. И рассказал, что девочка – старший ребёнок в очень консервативной семье, где обычно сыновья изучают боевые искусства, и потом идут на государственную службу, а дочери – стихийную магию с упором на землю и воду, и несут в мир красоту. Но оказа-

лось, что среди актуального поколения детей старшая дочь почему-то боевой маг, а следующий по возрасту сын – как раз земля с водой. Зато третий ребёнок, тоже сын, вроде бы проявляет способности согласно плану, – завершил Жак с непередаваемой горькой ухмылкой.

Поубивать бы таких планировщиков.

– И что же? Выучили бы всех, да и ладно.

– У девочки определили какую-то долю стихийной силы, и преподаватели принялись её всячески вытаскивать, согласно пожеланию её родителя. Почему-то не преуспели, – снова горько усмехнулся де ла Мотт. – В итоге девочка утратила контроль над своей силой, кого-то травмировала, кого-то обожгла, от неё отказался давно запланированный жених – партнёр её отца по бизнесу.

– Немудрено, – Марион уже очень не нравилась эта история.

Сама она на месте этой девочки уже бы оттопталась на вздорных родственниках по первое число. Особенно в возрасте первокурсницы.

– Сколько девочке лет? – продолжала уточнять она.

– Едва исполнилось восемнадцать.

– И девочку хотят отправить к нам?

– Да, если мы её возьмём.

– А что будет, если не возьмём?

– Не представляю. Девочке ограничили возможность использования силы, и что они там вообще думают – даже и

вообразить не могу. Каким местом думают – не представляю тоже. Но готовы отправить её к нам сюда, и едва ли не забыть о ней вообще. Пусть, мол, сама живёт, как знает, если родилась не такая, как нам нужно.

– Надо брать, – вздохнула Марион.

Потому что непорядок. Детей нужно учить использовать то, что дано свыше, и находить радость жизни в том, что дано, и жить с этим. А те, кто не понимает – идиоты. Те же, кто понимает, но всё равно настаивают на своём – для таких слово тоже было, но Марион таких слов давно уже вслух не говорила.

– Спасибо, – кивнул Жак и принялся тут же кому-то что-то писать. – Я знал, что могу положиться на вас, Марион.

– Так вариантов-то нет, – усмехнулась она. – Ну и ещё одна девочка приятно разбавит мой бешеный первый курс.

– У вас же там есть одна вроде бы? – усмехнулся в ответ де ла Мотт.

– Она отлично вписалась в компанию мальчиков. О нет, к юной Клодетт никаких претензий, девочка старается и не пытается взывать к наличию у неё мощных родственных связей, – а о том, что девочка за словом в карман не лезет, стучит мальчикам по головам, если что не так, и не стесняется этих мальчиков строить, дед девочки, наверное, знает сам.

– Вот и хорошо. Так, мне тут отвечают что-то. Ого, готовы вылететь уже завтра, у нас будут послезавтра днём. От портала отказались. Просят встретить в аэропорту.

– Встретим, – пожала плечами Марион. – Пусть сообщают номер рейса.

– Будет, – кивнул Жак. – Слушайте, как-то муторно от всей этой истории.

– Тогда пойдёмте заедать её и запивать. Сейчас я ещё спрошу дорогого супруга, что он думает, и отправимся. Если к нам присоединится старшая Клодетт – будет совсем хорошо.

С де ла Моттами Саважи дружили уже лет так… очень много, в общем. С тех пор, когда Марион была ещё не Саваж, а Клодетт – не де ла Мотт. Поэтому – сообщить Теодоре, что нужно довезти всю честную компанию до таверны, и отправляемся.

В субботу днём Марион и Теодора встречали рейс в аэропорту, по этому поводу первокурсникам был выдан другой преподаватель практики боевой магии. Альфред Верс только готовился защитить диссертацию и не имел за плечами столько лет службы, как, например, муж Теодоры Риккардо Монтенеро. Поэтому ему обычно доставалась практика у первого-второго курса и, может быть, лекции по каким-то отдельным темам. Марион надеялась, что первый курс его не съест, а то там хватает и горластых, и зубастых. Впрочем, Верс – мальчик старательный и серьёзный, может быть, этим и подкупит. Ладно, ничего страшного, всё будет в порядке. И здесь – тоже.

Представительный мужчина очевидной восточной внеш-

ности был, судя по всему, тем самым человеком, которого они ждали. Жак сообщил, что новую студентку привезёт секретарь её отца. А где девочка? О, идёт следом. Среднего роста, очень изящного телосложения, чёрные-пречёрные волосы завязаны в хвостик сзади. Смотрит в пол. За ней носильщик везёт чемодан.

Силы у девочки Марион не ощущала вовсе – но если на ту надели какой-то ограничитель, это и немудрено. Ладно, разберёмся.

– Господин Сато? – она сделала шаг вперёд.

– Госпожа, – поклонился тот.

– Марион де Саваж. Декан боевого факультета Магической Академии Паризии.

– Госпожа… как мне следует обращаться к вам правильно?

За спиной усмехнулась Теодора.

– Профессор Саваж. Или полковник Саваж – как вам больше по нраву, – можно тоже усмехнуться.

– Благодарю вас, – он снова поклонился. – Это Мизуки Тамура. Мизуки, иди, поздоровайся с твоим новым профессором. Вот её документы, госпожа, – тот достал из чёрного кейса папку и попытался отдать её Марион.

– Стоп, – сказала Марион, и он послушался, уставился на неё немного испуганно. – Тебя зовут Мизуки, правильно? – глянула она на девочку.

Та кивнула, не глядя.

– Мизуки, ты совершеннолетняя?

Снова кивок.

– Тогда будь добра, возьми сама свои документы. Потом отдашь мне то, что будет нужно для оформления твоего студенчества.

Немая сцена: мужчина хмурится, девочка поднимает наконец-то глаза и смотрит на Марион, не понимая.

– Бери и держи хорошенько, – Марион сопроводила слова мысленным повелением, и один беспрекословно отдал папку, вторая взяла.

– Но госпожа, юная девица сомнительного поведения не может сама распоряжаться собой и своими документами, – покачал головой мужчина.

– На территории Франкии – может, – отрезала Марион. – Далее. Мизуки, ты нарушала закон?

Отрицательный жест головой.

– Господин Сато, какого рода ограничитель силы надет на Мизуки?

– Браслет, – тот продолжает хмуриться.

– Снимите немедленно. На территории Франкии надеть кому-то подобный предмет можно только по решению суда, или по приказу командира, если нарушивший закон – военный.

Тот прямо в лице переменился – никак не подумал, что всё происходящее можно рассматривать как нарушение закона. Пусть потом подумает, на досуге. А пока пусть снима-

ет.

Господин Сато испытывал жесточайшие сомнения, но сказал девочке:

– Дай руку.

Та беспрекословно протянула правую руку, и господин Сато снял серебряный браслет. Сразу же стало видно – девочка мощный маг, очень мощный. Без браслета она сразу же задышала – как будто до того момента вдохнуть полной грудью не могла. Да и в самом деле не могла, наверное.

– Господин Сато ещё что-то должен тебе? – спросила Марион.

Девочка покачала головой, а господин Сато сообщил:

– Банковская карта и данные счёта – в папке.

Девочка зажмурилась. Ладно, с этим разберёмся.

– Тогда, думаю, мы пойдём к машине. До свидания, – Марион царственно кивнула господину Сато. – Мизуки, пойдём. Это твой чемодан? – дождалась кивка, глянула на носильщика и велела тому следовать за ними.

Когда господин Сато остался где-то там, сзади, Марион продолжила.

– Мизуки, это моя дочь, Теодора Монтенеро. Она куратор твоей будущей учебной группы. А сейчас она увезёт нас домой. Я приглашаю тебя к себе – пока ты не разберёшься с тем, где и как ты собираешься жить.

– Это… обязательно? – тихо спросила девочка.

Без малейшего, к слову, акцента. Любопытно.

– Нет. Но что ты знаешь о том, где у нас живут студенты?

Молчание. Вздох. Очевидно, если и знает, то не слишком много.

До машины дошли в молчании, там Теодора дала носильщику денег, проследив внимательно за тем, как он уложил чемодан в багажник, потом открыла заднюю дверь.

– Прошу, – и улыбается девочке, правильно.

Та нерешительно глянула на Теодору, но села, не выпуская своей папки из рук. Марион же села рядом с Теодорой.

– Мы едем в дом Саважей, там нас ждёт мой супруг, герцог Саваж, он тоже профессор Академии. Он некромант, у вас на островах встречаются некроманты? – дождалась кивка, продолжила. – У нас их не слишком много, они редки. Ещё с нами живёт наш старший внук, Жан-Филипп, он твой ровесник, и ты будешь учиться с ним в одной группе. У Теодоры свой дом, она живёт отдельно, с мужем и сыном. Ещё у нас есть сын, отец Жана-Филиппа, он с семьёй постоянно живёт в Массилии, потому что у него там служба.

Девочка смотрела и молчала. Видимо, это её обычный образ действия.

Дома поджидали мужчины – Жанно уже вернулся с занятий, и старший Жан тоже, Марион просила обоих быть дома, как только освободятся. На улице у входа стоял мотоцикл внука, и этот самый внук хитро переглядывался с дедом. Что вытворили?

– Рад приветствовать вас, милое дитя, – Жан тепло улыб-

нулся девочке и поцеловал ей руку, чем вызвал изумление, граничащее с ужасом.

– Профессор Саваж – мой супруг. А это Жан-Филипп, наш старший внук, – тот откровенно ел девочку глазами. – Жанно, помоги донести чемодан наверх, в гостевую комнату. Теодора, проводишь? Обед через полчаса.

Жанно и Теодора повели девочку наверх, и Марион наконец-то облегчённо выдохнула.

– Что с ней такое? – спросил Жан. – Кто её испугал?

– Предстоит разобраться и, возможно, наказать, – вздохнула Марион. – Или не наказывать, но оградить девочку от общения. Выдумали тоже – надевать ограничитель на ребёнка, вместо того чтобы учить пользоваться тем, что ей свыше дано!

– Она уже в твоих надёжных руках, – улыбнулся Жан и поцеловал пальцы Марион. – Ты справишься, я даже не сомневаюсь. Пойдём, с кухни чем-то упоительно пахнет. Де ла Мотт сказал – ты пригласила их завтра к обеду?

– Точно. Пусть Жак тоже посмотрит на девочку, и обсудим, как мы принимаем её и куда. А пока – скажи мне, дорогой супруг, что вы с Жанно вытворили?

– Отчего же сразу вытворили? – усмехнулся тот.

– Чую, – как хорошо-то, что можно просто посмеяться просто семейным делам.

– Я решил попробовать, как это – через тени на мотоцикле.

– Тьфу на вас обоих, – рассмеялась Марион. – Старый да малый, одного поля ягоды.

– Мы родственники, – промурлыкал Жан.

– Кто бы сомневался. Ладно, пойдём. Я бы хотела переодеться к обеду.

В форме Легиона со знаками различия нужно ходить в иные присутственные места и давить непонятных сопровождающих, чтобы не обижали маленьких девочек. Дома можно принять более человеческий облик.

Пока всё по плану, а дальше будет видно.

21. Магу нужно учиться быть магом

Когда бабушка Марион сказала, что приедет девушка издалека и, скорее всего, будет учиться в их группе, Жанно очень заинтересовался. Откуда – издалека, почему посреди учебного года и вообще. Что умеет? Красивая ли? Он был готов поехать вместе с бабушкой и Теей в аэропорт, но бабушка сказала, что пусть они с дедом лучше не задерживаются в Академии и встретят их дома. И по такому случаю – оба преподавателя по специальности занимаются другим делом – на последнюю пару практики по боёвке бабушка назначила им другого, своего аспиранта.

Господин Верс оказался довольно молодым и очень консервативным. Сказано отрабатывать защитные заклинания и постановку защитных барьеров – это и будем делать. В разных конфигурациях, по отдельности и вместе.

– А на прочность когда будем испытывать? – спросил Флинн.

– Когда госпожа декан даст добро. У вас хорошо выходит, господин О'Флай.

У Флинна выходило просто отлично, у него сейчас всё отлично выходило – если он не просыпал и не прогуливал, а приходил и работал. Благое влияние госпожи панды?

Они с Франсуа после той встречи долго расспрашивали Флинна – какая она вообще, панда. Тот, правда, смеялся и говорил – клёвая очень, шерсть густая и мохнатая, и спать у неё под боком – просто супер. И ещё она научила его есть восточную еду из забегаловки на рынке – оказывается, там есть ресторанчик для своих, и она его знает, и там кормят как на месте, так и пакуют навынос, и по знакомству можно даже доставку заказать. У Флинна теперь такое знакомство было. И он с упоением рассказывал о молодых ростках бамбука в каком-то соусе, и о том ещё, что учился есть палочками, но пока у него коряво выходит, наверное, научится ещё.

Франсуа тоже поднабрался разного у водницы Джеммы – они ходили вместе в кино, и в прошлое воскресенье ездили куда-то за город, где много свободного пространства и широкая река, и что-то там тренировали. А ещё он рассказывал, что она серьёзно занимается фигурным катанием и звала его посмотреть её тренировку, он ходил. Это что, получается, отношения – они бывают на пользу? Не только для удовольствия?

У него пока выходило в основном для удовольствия. Он пару раз встретился с Финнеей, той тоже хотелось в первую голову удовольствия, и ещё силы от другого мага, совсем не сходной с её силой. Примерно того же хотелось и Рейвен, менталистке-второкурснице, она как-то раз приходила к ним на практику по боёвке в качестве факультатива. У неё были чёрные кудри с фиолетовым отливом и красивые фиалковые

глаза. Она пропустила своё занятие, и бабушка назначила ей прийти к ним в группу на отработку. И поставила Жанно с ней в пару.

Он сначала думал – раз она второкурсница, то знает и умеет больше, но оказалось – нет, не больше. Она не слишком правильно держала руки, у неё не всегда выходила стабильная атака, даже огнём, не говоря уже о какой-либо другой силе. И ей пришлось многое объяснять, попутно ещё делая замечания соседям, когда они врезались в кого-то из них двоих или просто косячили.

– Ничего себе ты знаешь и умеешь, – восхитилась Рейвен в конце занятия.

Жанно улыбнулся, повёл бровью… наука деда пошла впрок, ему легко удавалось и вызвать интерес к себе, и сообщить о своём интересе. И всё это – молча. Конечно, похвала от девушки старше курсом была приятна, это тоже подогрело интерес. Он пригласил её в кафе после пар… расстались они в тот день глубокой ночью, и Рейвен даже свою соседку по комнате Эшли, целительницу, куда-то выпроводила. Жанно очень пожалел, что не умеет, как дед, проваливаться в тени, это было бы кстати. А так – пришлось уговаривать охранника выпустить его из общежития менталистов. И потом ещё осторожно выводить мотоцикл с территории студенческого городка, чтобы из-за громкого звука не схлопотать по голове за нарушение тишины и порядка. Это внутри здания можно хоть на голове ходить, на улице должно быть тихо, иначе у

руководства Академии будут проблемы. А зачем создавать проблемы профессору де ла Мотту?

Рейвен и Финнея не требовали эксклюзивности и, в отличие от Лины Дюваль, хотя бы здоровались и улыбались. И, как понимал Жанно, были не прочь повторить.

Но у друзей было что-то совсем иное, но что?

И вот – бабушка анонсировала девушку, которая предположительно будет учиться в их группе. Интересно же! Жанно после практики с господином Версом пошёл к деду – бабушка прямо просила напомнить тому о необходимости быть дома вовремя.

Дед нашёлся в кабинете, где ему быть и положено. Очень изумился.

– Что, уже пора? – похоже, он тут делал что-то, чего в домашнем кабинете не вытворишь. – Может быть, ты пока поедешь, а я потом, по-быстрому?

– Тея позвонила, что они выехали из аэропорта.

Дед вздохнул.

– А ты как думал добираться?

– На колёсах, – пожал плечами Жанно и улыбнулся. – Могу подвезти.

– Это ты о чём? – с усмешкой приподнял бровь дед.

– С меня колёса и скорость, с тебя перемещение. И дома будем… вовремя.

– Годится, – закивал дед. – Где у тебя мотоцикл? На стоянке? Жди через четверть часа, я как раз тут закончу.

Путешествие через тени с дедом ощущалось сильнее и мощнее, чем с Леоном. Наверное, деду доступны какие-то другие пласты этого измерения? Но дома они были вовремя, дамы ещё не прибыли. Управляющий господин Маро беспокоился – когда там прибудет госпожа Марион, но дед отмахнулся – скоро, мол, всё в порядке.

Бабушка, Тея и гостья появились скоро, но… с гостьей было что-то не так. Необыкновенно красивая девушка-маг выглядела нездоровой. Смотрела затравленно, затаившись, будто ожидала подвоха. А когда дед с ней по своему обыкновению поздоровался, она стала ещё бледнее, если это вообще возможно. Может быть, она из тех, кто плохо переносит самолёт, бывают такие? И ей просто плохо, а они тут все навалились?

Бабушка скомандовала им с Теей проводить гостью в комнату, и Жанно подхватил чемодан – большой и вместительный.

– Вот здесь ванная, вещи можно разложить в шкафу, но необязательно делать это прямо сейчас, – говорила Тея. – Но не оставляй чемодан открытым, если не хочешь, чтобы в него забрались и полиняли на вещи, – и усмехнулась в ответ на очередной испуганный взгляд. – У нас нет котов, но есть ящерицы. Люци, покажись.

Волшебная ящерица Теи показалась на плече – они всегда пребывали где-то, в месте, очень похожем на некромантские тени, и появлялись по зову. Правом звать обладали, кроме

Теи, дед и малолетний кузен Дамиан, потому что ящерицы питали к этим двоим непонятную прочим слабость.

Девушка с красивым именем Мизуки ощутимо испугалась, увидев зелёные горящие глаза, но не дрогнула.

– Это… ваш ручной демон? – проговорила она.

– Это волшебная ящерица. Их двое, они брат и сестра. Люций и Люция. Люц, выходи, – Тея пошевелила вторым плечом, и на нём проявилась вторая ящерица. – Это Мизуки, она наша гостья, – и продолжила для девушки: – Они безобидны, но очень любопытны, и шныряют по всему дому.

Когда Тея почти три года назад привезла ящериц из Ар-Таара, они были размером с её ладонь. Сейчас же каждая была от кончиков пальцев до локтя, с яркими изумрудными глазами и сверкающей чёрно-зелёной шкурой. Тея говорила – дают абсолютную защиту. Вот бы попробовать, но это как-нибудь потом.

А пока Тея сказала, что обед через полчаса, нужно спуститься по лестнице на первый этаж, и там все будут. Взяла Жанно за руку и увела, оставив гостью одну. Ну да, человеку с дороги нужно себя в порядок привести, всё правильно.

Однако через полчаса девушка осторожно спустилась по лестнице – глядя на каждую ступеньку, будто опасалась увидеть там ящерицу, и замерла в холле. Она зачем-то переоделась в бесформенный свитер на несколько размеров больше и широкие штаны, а свои невероятно чёрные волосы замотала в плотный узел на затылке.

Жанно уже хотел выскакивать и звать, но бабушка опередила.

– Мизуки, проходи, располагайся. Скажи, у тебя нет аллергии на какие-нибудь продукты? Мы ничего об этом не знали, но если что-то есть – скажи.

– Нет, ничего, – тихо сказала та.

– Вот и отлично. Будем тогда понемногу предлагать тебе попробовать всё, что у нас есть. Садись.

Гостью усадили между бабушкой и Жанно, и бабушка глянула сурово – мол, приглядывай. Да понятно, какие вопросы?

– Что тебе налить? – тихо спросил он. – Вина?

– Нет, – тут же сказала она ещё тише.

– Воды? Простой или минеральной? Есть сок и газировка.

Сошлись на минеральной воде. А дальше он просто спрашивал – класть ли ей в тарелку этот сыр, это мясо, эти овощи и что там ещё было. Она согласилась на овощи и сыр, но после всё же удалось уговорить съесть кусочек стейка. Даже панда Лои в человечьем обличье ест мясо, хоть и очень выборочно, и понемногу. А магу вообще нужно хорошо питаться. Магу с длинными чёрными ресницами и невероятной, словно сияющей кожей.

– Какой ты маг? – спросил Жанно.

– Я… не знаю, кто я, – ответила Мизуки, не глядя на него.

Да ну, так не бывает, подумал он. Но их услышала бабушка.

– Мизуки, завтра к нам придёт профессор де ла Мотт, ректор нашей Академии. И мы с ним посмотрим, что ты можешь и умеешь. И тогда решим – чему и как ты будешь учиться. Согласна?

Та распахнула глаза изумлённо. Будто она не привыкла, что её спрашивают о согласии.

– Да, – произнесла неуверенно.

– Ты можешь спрашивать обо всём. Обо всём, что нужно, что покажется непонятным, что будет неизвестным. Я обещаю честно отвечать как есть. Остальные, думаю, тоже.

Остальные закивали – внимательный дед, улыбающаяся Тея, пришедший перед самым обедом Рик, генерал Монтенеро, муж Теи. Дамиан тоже пришёл, но он отказался от обеда и носился по второму этажу с ящерицами.

– А если… я не подойду для учёбы? – спросила Мизуки.

– Подойдёшь, – сказал дед, сказал очень серьёзно. – Ты маг, маги должны учиться. В тебе скрыта большая сила, и это значит – ты должна раскрыть её всю, какая есть. Даже не предлагая тебе тестов, я вижу уровень Академии, никак не колледжа. Ты подойдёшь просто по факту наличия у тебя силы. Никто не рождается готовым магом, магии нужно учиться. Как говорит один мой талантливый студент – магу нужно учиться быть магом.

Всё верно, да. Нужно учиться. Но почему она этого не знает?

– Ты училась магии дома? – спросил Жанно.

– Да, меня приняли в Высшую школу магических искусств. Но… – она запнулась, потом подняла голову и сказала обречённо: – Вам нужно знать, что я не справилась.

– На каком факультете ты училась? – спросила бабушка.

– На водном, – тихо ответила девушка.

Какая уж тут вода, водники – они ж совсем другие, думал Жанно, взять хотя бы ту же Анну де Котель, или девушку Франсуа Джемму. Их движения тягучие, невероятно пластичные, основательные и очень сильные. Вода легко собьёт с ног там, где воздух просто просочится едва ли не сквозь тебя. Нет, гостья издалека – не вода и не воздух, она что-то другое.

Жанно не был уверен, что может вот прямо различить, какой силой владеет другой человек, но кое-что понимал. Так, немного. Полностью всего не видит ни один человек – бабушка всегда советуется с профессором де ла Моттом, например. И говорит, что вместе они видят более-менее адекватную картину. Ладно, можно будет потом потихоньку у неё спросить, что там. И вообще, что нужно знать о гостье, чтобы не вляпаться.

Впрочем, дальше бабушка жёстко рулила разговором. Рассказывала об Академии, о том, как она устроена и как происходит обучение. Дед тоже комментировал – потому что десять лет был ректором этой самой Академии и мог рассказать многое. Жанно показалось, что девушка немного расслабилась и задышала свободнее.

– Могу я… удалиться? – тихо спросила она в конце.

– Конечно, – кивнула бабушка.

Жанно встал, попробовал подать ей руку и отодвинуть стул… но она дёрнулась и убежала.

– Бога ради, не трогайте вы её, – вздохнула бабушка. – У них так не принято.

Не принято – так не принято. Но как она собирается учиться боевой магии, если её нельзя трогать? Там бывает, что не обойтись.

Впрочем, поглядим ещё, чему она будет учиться. Но хорошо бы всё же к ним в группу – потому что очень красивая девушка. На неё смотреть и то приятно, а уж учиться с ней – и вовсе.

22. Будем знакомы

В воскресенье с утра Клодетт успела расстроиться, а потом воспрянуть духом и огорчиться снова, когда порталом к ним прибыл дедушка и велел ей собираться в гости.

Вообще, день был распланирован давно – они с Кристианом договаривались пойти гулять чуть ли не с утра и до вечера, но он написал рано-рано, пока она ещё спала, что у него неотложное дело и он просит прощения, но будет занят весь день. Огорчённая Клодетт принялась терзать гитару – отлично работало, на самом деле, когда нужно было переключиться; придумала клёвую композицию, записала, ещё раз попробовала, понравилось. И тогда она выбралась из комнаты и пошла стучаться к Филиппу – пусть тоже послушает, скажет что-нибудь дельное и, может быть, поиграет вместе с ней. Филипп послушал, ему понравилось, они принялись играть это вместе, а потом ему написала Даниэла и позвала куда-то. Филипп подскочил, не доиграв строчки, и убежал быстрее ветра, а Клодетт опять осталась обломленная.

Она печально пила пустой остывший арро внизу, на кухне, когда явился дедушка и оглядел её строгим взглядом.

– Так, одна есть. А где второй?

– Филипп, что ли? Сбежал. До вечера.

– Что ж делать, значит – без него. Собирайся, пойдём к Саважам.

О! В гости к Саважам? Вот прямо она и прямо сейчас?

– А… по какому поводу?

– Поможешь немного, – пожал плечами дедушка.

Больше он не сказал ничего, но велел поторапливаться.

Клодетт мигом оделась прилично – джинсы чистые, футболка свежая, синие хвосты расчёсанные – и скатилась по лестнице вниз. Готова, мол.

– Там… девочка. Она, скорее всего, будет учиться в вашей группе. И ей нужно немного помочь освоиться.

Девочка? К ним в группу? Да это же лучшая новость сегодняшнего дня, Клодетт прямо расцеловала деда тут же на месте. А то она уже подзадолбалась быть единственной, покрикивать и подпинывать. И не пошептаться ни с кем, не с парнями же! Конечно, парни не все дурные, есть и нормальные, но девочка – это же девочка! Не сравнить, в общем.

Дедушка, правда, вздохнул и сказал, что поглядим сейчас на ту девочку, но Клодетт была полна боевого задора. Как там говорит Жанно? Вперёд и только вперёд? Вот и пошли.

Портал вывел их в холл дома Саважей. Ух, ну и домина у них! Папин домик небольшой, три спальни и папин кабинет наверху да гостиная с кухней внизу. А тут прямо домище-домище! Даже у деда меньше, наверное. Три этажа, высокие потолки, широкие лестницы.

– Добрый день, Марион, – кланялся госпоже декану дедушка.

– Добрый день, Жак, добрый день, Клодетт, очень хоро-

шо, что ты тоже пришла, пойдёмте наверх, – госпожа декан и дома была, как в Академии, строгая и подтянутая.

Наверху, то есть на втором этаже, они прошли в гостиную размером с ту, что была дома, и там им навстречу поднялись сидевшие за низким столиком Жанно и госпожа Монтенеро. А из-за кресла выскочил маленький черноволосый мальчишка, держащий в руках… большую ящерицу?

– Привет! – завопил он.

– И тебе привет, юный Дамиан, – дед наклонился и подал ему руку.

Тот деловито сунул ящерицу под мышку и пожал деду руку. Ящерица вывернулась и забралась мальчишке на плечо, дед её почесал. Очень красивая ящерица – глаза горят, шкура сверкает.

– Привет, – Жанно подошёл обняться. – Это мой юный кузен.

– У вас живёт ящерица? – тихо спросила Клодетт.

– Две, – улыбнулся он. – Это ящерицы Теи. Хочешь посмотреть?

– А можно? – выдохнула Клодетт.

– Можно, – сказала госпожа Монтенеро. – Люци, выходи.

Миг – и над её левым плечом зажглись два зелёных глаза. Клодетт не поняла, откуда взялась вся ящерица, но она выбралась на плечо хозяйке, спустилась по руке и уставилась на Клодетт.

– Иди, знакомься, – госпожа Монтенеро сделала какой-то

жест, и ящерица как ни в чём не бывало перебралась на руку Клодетт.

Клодетт забыла, как дышать. Потом отмерла и рискнула погладить спину – на ощупь ящерица оказалась мягкой и кожистой, но на коже как будто были сверкающие чешуйки.

– Какая она классная, – улыбнулась Клодетт.

– Они магические, умеют защищать, – сказал Жанно.

– И быстро бегают! – сообщил маленький Дамиан.

И точно – его ящерица стекла по его же спине на пол и убежала, а он побежал за ней.

– Проходи, – сказала кому-то снаружи госпожа Монтенеро.

В гостиную вошла девушка… в общем, Клодетт никогда не стать такой аккуратной, стильной и изящной, даже несмотря на одежду оверсайз. Клодетт пошла фигурой в маму, а у той и грудь, и бёдра, при небольшом росте выглядит так себе. Правда, ей в последнее время нет-нет, да и говорили, что она красивая, но она-то знала, что красивые – они примерно вот такие!

– Мизуки Тамура приехала учиться в нашей Академии, – сказала госпожа декан. – Мизуки, это профессор де ла Мотт, наш ректор, и преподаватель теории магии. И мы с ним сейчас пойдём в зал для тренировок и посмотрим, что ты умеешь, таковы правила. А это его внучка Клодетт де ла Мотт, она учится в одной группе с нашим Жанно.

– Привет, – улыбнулась Клодетт этой красивой девушке.

Та пробормотала ответный привет едва слышно и глядя в пол. А потом дедушка, госпожа декан и госпожа Монтенеро ушли вместе с ней, а Клодетт осталась с Жанно, маленьким мальчиком, который вдруг возник на ковре посреди комнаты из ниоткуда, и ящерицами.

– Что с ней такое? – тихонько спросила Клодетт.

– Да я сам не понял. Но как будто её кто-то сильно испугал. Она говорила, что училась на водном факультете, но какой там водный факультет, там воды и близко нет! – так же тихо сказал Жанно. – Что-то странное, в общем. И живёт она пока у нас.

– А где её родные?

– Наверное, остались на Рассветных островах. Бабушка вчера сказала, что её воспитывали очень строго и она не привыкла к нашему раздолбайству. Поэтому ей непросто.

– Да ей, по ходу, вообще жить непросто, – проговорила Клодетт.

Всё это время она легонько поглаживала ящерицу – вот ведь, оказывается, какие у людей домашние звери бывают! Мама наотрез отказывалась завести дома даже кота – говорила, что от него везде будет шерсть, а шерсть – это сильный аллерген. Ну и что теперь?

– Скажи, где таких берут? – спросила она у Жанно.

– Тоже захотела? – улыбнулся тот.

– Да нам даже кота нельзя, потому что он будет линять! А то я бы взяла у Анриетты Лимура котёнка.

– Знаешь, эти красавцы тоже линяют.

– Да ну? У них чем линять-то?

– Чешуйками. Любят валяться на постели и на разложенной одежде. У деда в кабинете для них стоит специальная корзина с подогревом, но они носятся по всему дому и там разве что спят. Если не приходят спать к тому же деду. А Тея говорит, что больше всего они любят спать с ней или с Дамианом.

– Не, правда, где такую взять?

– Тея привезла с задания, из Ар-Таара.

– Откуда-откуда? – это ж где-то очень далеко!

– Рик командовал там базой, а Тею отец отправил туда на задание. И вот где-то в процессе задания она встретила этих ящериц, они там чей-то дом защищали. И три из них захотели отправиться с ней. А одна потом ушла жить к её подруге Пазетт.

– Захотела и ушла, что ли? Сама?

– Пазетт спасла её от пустынной кошки. Они были совсем мелкие, на ладони помещались. Но это было уже почти три года назад, с тех пор выросли. А вообще, они вырастают размером с дом.

– Чего? – вот такая штука и размером с дом?

– Тея и Рик рассказывали, на них такая в пустыне нападала.

– Ничего себе. Нет, маме нельзя рассказывать, что я хочу завести животное, которое вырастет размером с дом!

Животное, которое вырастет размером с дом, вдруг шевельнулось и исчезло. Клодетт ничего не поняла.

– Стой, куда она делась?

– Наверное, Тея позвала, – Жанно не видел в том решительно ничего необычного.

И вдруг подскочил и подошёл к висевшему в простенке между двумя окнами зеркалу.

– Тея?

– Идите сюда вместе с Клодетт, – сказала из зеркала госпожа Монтенеро.

Жанно повёл Клодетт в подвал – там располагался зал для занятий. И рассказал по дороге, что тот подвал устроен уже очень много лет назад – даже не в прошлом веке, а вообще в какие-то незапамятные времена. Разве что защитные заклинания регулярно обновляют.

Что ж, подвал был велик и вместителен, и притом совершенно пуст. Каменные стены, каменный пол, окон нет. Свет магический – правильно, зачем тянуть сюда коммуникации, если заниматься тут будут маги, а они способны сами сделать такой свет, какой надо.

Посреди подвала стояли дедушка, госпожа декан, госпожа Монтенеро с ящерицей на плече и красивая девочка Мизуки. И эта последняя съёжилась ещё больше, чем раньше, неужели что-то сделала не так?

– Пришли, хорошо, – кивнула госпожа декан. – Жанно, становись вот сюда, – показала место справа от себя. – Кло-

детт, сюда, – показала слева от себя. – Теодора, внимание. Вы трое держите защиту. Что бы ни происходило внутри круга, вы держите защиту – чтобы ничего из круга не проникло наружу. Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.